НЁМАН

4/2018
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора — главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 325-85-25, заместителя главного редактора — 319-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 304-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор — главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.04.2018. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,23. Тираж 1341. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

16 +

Юрий КОЗЛОВ

Белая буква

Повесть

4

Компьютерный экран, с которого Объемов (во сне) читал сочинение под издевательским названием *«Весеннее волшебство»*, подобно занавесу в новомодном инновационном театре, разорвался на колышущиеся ленты с прыгающими по ним, как блохи, *белыми буквами.* Какие-то эти буквы пытались воспроизвести слова, но Объемов не мог ухватить их пульсирующий смысл. Это его огорчало, потому что он понимал, что упускает нечто важное. Сосредоточившись, он не столько прочитал, сколько угадал, но, может, и додумал два *блошиных* тезиса: *«Необходима моральная чистка национального организма»* и *«Космополитическая созерцательность должна исчезнуть».* Бред, вздохнул (во сне) Объемов, *моральная чистка* еще туда-сюда, но *космополитическая созерцательность* — основа любого художественного творчества, как она может исчезнуть? Потом до него дошло, что это не ветер колеблет ленты занавеса, а… ревет сирена.

Писатель Василий Объемов открыл глаза. В гостиничном окне вибрировала ночная радуга мигалок милицейских (каких же еще?) машин, несущихся по улице. Началось*,* успел подумать Объемов, проваливаясь в стремительно истаивающий полусон перед окончательным пробуждением.

Полусон зачем-то вернул его на конференцию. Объемов обнаружил себя стоящим на трибуне перед угрюмым и недобрым, длинным, как вытянутое к горизонту поле, залом. В зале сидели уже не писатели, а другие люди с расплывающимися, как блины на сковородке, лицами. Определить их национальную и профессиональную принадлежность не представлялось возможным. Это были люди *вообще*, если угодно, *человеческий материал*, из которого кто-то что-то всегда хотел сшить, руководствуясь собственными мыслями о *качестве материала* и *моде.* Объемов мучительно старался зацепиться хоть за чей-нибудь заинтересованный взгляд, но встречные взгляды ускользали от него, как если бы глаза людей в бесконечном зале были на коньках или роликах. На трибуне перед Объемовым лежал блокнот, который он судорожно перелистывал, пытаясь отыскать *тезисы.* Иногда на писателя Василия Объемова во время публичных мероприятий накатывал необъяснимый ступор, и он не мог слова сказать без заранее подготовленных тезисов. Удивительно пусто было и сейчас в его голове. Одна только глумливая фраза прыгала в ней, как (опять!) *блоха:* «Вас, ребята, *весеннее волшебство* точно не обрадует, потому что оно по вашу душу!» Неведомый портной как будто кроил (шил!) из его

---

* Окончание. Начало в № 2,3 за 2018 г.

сновидений тревожный водевиль с элементами футурологического триллера. В последнее время этот странный литературный жанр вошел в моду. Даже во сне, огорчился Объемов, я *бегу* за модой, хотя точно знаю, что не догоню. Поздно. А ребята бегут от *весеннего волшебства*, но не знают, что от него убежать невозможно. Догонит.

Изначальное недоверие к *сонным* (он пока и сам не знал, какие они, но догадывался!) тезисам Объемова, как *стекловидное тело, мумифицировало* зал, и Объемов ясно осознавал, что отчуждение между ним и залом непроницаемо и непреодолимо. Его слова опережающе превращались в тот самый бисер, каким (вместе с добрыми намерениями) вымощена дорога известно куда. Да как же они пустили меня на трибуну, искренне недоумевал Объемов. Он уже знал, как начнет выступление. С цитаты из Горького: *«Великая заслуга перед жизнью и людьми — сохранить в душе истинно человеческое в дни, когда торжествует обезумевшая свинья».*

…А потом он вдруг увидел себя на скамейке у своего деревенского дома в Псковской области. Он сидел, умиротворенно поглаживая по крепкой холке соседскую собаку Альку. Она частенько забегала к нему с краткими дружественными визитами, но главным образом — чего-нибудь перехватить. Хозяин Альки — бывший совхозный тракторист, а ныне безработный селянин Жорик — сильно выпивал и (соответственно) *слабо* кормил Альку. Несколько дней назад Объемов варил в огромной кастрюле борщ, и вовремя подоспевшей Альке досталась огромная костолыжина, предварительно очищенная Объемовым от мяса, но не от пленок с хрящами. Из-за нее, помнится, не получалось прикрыть кастрюлю крышкой. Кость упрямо таранила крышку, как торпеда дно корабля. Алька, радостно урча, убежала с лохматой капающей костью, а теперь вот зачем-то снова ее притащила. Кость была обглодана до зеленоватой (видимо, Алька грызла ее в траве, а может, использовала траву как гарнир) белизны. Намек понял, поднялся со скамейки Объемов, пошел в дом к холодильнику. Ничего подходящего (для Альки) там не нашлось. Пришлось отрезать кусок буженины. Она была свежая, розоватая, в нежном светящемся сале, только утром привезенная с приграничного белорусского рынка в Езерищах. Рука дрогнула, непроизвольно уменьшив Алькину порцию. Алька, клацнув зубами, проглотила буженину, Объемов едва успел отдернуть бережливую руку. Облизнувшись, Алька подняла с земли зеленую кость, отошла с ней к забору и там, носом, как совком, старательно прикопала ее под кустом малины. После чего, повеселев, дежурно попрощалась, лизнув Объемову руку, и серой стрелой полетела по своим делам. Но, не добежав до калитки, вдруг остановилась, развернулась и, склонив голову, уставилась на Объемова. Тому даже показалось, что складки собрались на шерстяном собачьем лбу, так внимательно и задумчиво она на него смотрела. Потом Алька тяжело вздохнула, вернулась к кусту малины, раздраженно выкопала кость и, уже не оглядываясь, убежала с ней в зубах, нервно помахивая хвостом, то есть (если верить кинологам), обуреваемая сомнениями и обидой. Самое удивительное, что и Объемов обиделся на Альку. Как же так, это ведь он дал ей эту кость, а сейчас еще угостил восхитительной бужениной! Как ей в голову могло прийти, что…

…Наконец он обнаружил в блокноте злополучные тезисы, перевел дух, но язык во рту как будто окаменел. Длинный, полный угрюмыми людьми с блинными лицами (только самонадеянный шутник мог назвать их *ребятами*…

если только не с *песьими головами*) зал показался Объемову уже не полем, а объемистым бассейном, а тезисы — внешне безобидным бытовым прибором, вроде электробритвы, фена или… машинки для вскрытия писем. Прочитать тезисы было все равно что швырнуть в объемистый бассейн электрический прибор! Объемов не раз видел, как это делают в фильмах плохие ребята. Правда, даже отпетые кинематографические злодеи не замахивались на бассейны, ограничивались ванными, где имели несчастье находиться их обнаженные, а потому ограниченные в оказании сопротивления жертвы. При этом у Объе мова не было сомнений, что *безлицые ребята* в *полевом* зале обречены независимо от того, услышат они его тезисы или нет. Не было у него сомнений и в том, что убойная электрическая волна настигнет его на трибуне, и он тоже противоречиво погибнет вместе с обреченными *ребятами*, которых хочет предостеречь. Проигнорировав его предостережение, они еще успеют его опережающе осудить за человеконенавистнические, по их мнению, тезисы. Это было совершенно невозможно, но Объемову вдруг показалось, что в зале сидят (или стоят)… *подсолнухи.*

Раз так, приободрился он, чего бояться, худшее, что мне грозит, — пробуждение…

«Смешение рас и народов, — откашлявшись, обратился Объемов к *растительной аудитории*, — можно уподобить стихийно-насильственному переливанию крови без предварительного ее клинического анализа на резус-фактор, группы и различные заболевания. Результат подобного переливания — в лучшем случае, бесплодие, то есть жизнь без продолжения жизни, в худшем — смерть». Эх, огорченно посмотрел в зал, знал бы раньше, что вы *растительные*, привел бы примеры из биологии — из Менделя, Вавилова, дедушки Мичурина, да хотя бы… Лысенко! «Ничем хорошим, — быстро продолжил Объемов, не обращая внимания на зловещую тишину в зале, — это не закончится ни для тех, *кому перелили,* ни для тех, *кого перелили.* (Надо бы *привили*!) Каждый народ, — Объемов с изумлением обнаружил, что это последний тезис (ему почему-то казалось, что их больше), — выбирает свой путь в небытие. Русский народ уходит в небытие не шелохнувшись!» И вдруг после паузы — не по писаному, а от себя (лающим каким-то, словно это он был с *песьей головой*, голосом*):* «Потому что небытие, тьма, хаос, смерть — колыбель новой жизни! Чтобы по-настоящему воскреснуть и преобразиться, нужно по-настоящему умереть!»

Возможно, *подсолнухи* в объемистом бассейне тоже не шелохнулись. Объемов забыл, точнее, никогда не задавался вопросом: как действует на растения электричество? *Полусон,* подобно космополитической созерцательности на разодранном с прыгающими белыми блохами-буквами занавесе, исчез, растворился в моторном гуле и лязгающих шлепках по асфальту. Поднявшись с кровати и приблизившись к окну, Объемов увидел, что по шоссе мимо гостиницы на приличной скорости движется колонна бронетранспортеров, а замыкают ее два танка. Сверху они напоминали гигантских поторапливающихся жаб.

Наверное, учения, пожал плечами Объемов, до западной границы рукой подать, НАТО, враг не дремлет, ночная проверка боеготовности.

Он разобрал кровать, разделся, повозившись с кнопками (пару раз хотелось грохнуть об пол!) на радио-часах, установил будильник на восемь утра. Потом сунулся задвинуть шторы, но тут же испуганно отшатнулся от окна. Перед гостиницей, размалывая воздух винтами, висел вертолет, обшаривая прожектором, как длинной желтой рукой, фасад.

Объемов на мгновение ослеп, забился пойманной рыбой в занавесках. Прожектор пронзил его лучом, как острогой. Объемов присел на корточки, *опережающе* ощущая себя нарушителем… чего? Он и сам не знал, но на всякий случай затаился в неудобной позе, пережидая, пока желтая рука отлепится от окна. Господа, это уже слишком, пробормотал он, опасливо выглядывая из-за шторы.

Из чрева вертолета тем временем свесились канаты. По ним заскользили вниз спецназовцы в блестящих шлемах и в каких-то серебристых, как у космонавтов, скафандрах. Неужели, изумился писатель Василий Объемов, будут… штурмовать гостиницу? Так сказать, в учебных целях.

Он выключил свет, лег в кровать. Хотелось сделаться незаметным, а еще лучше — несуществующим. Объемов успел заметить короткие автоматы у спускающихся по канатам из вертолета спецназовцев. Близость вооруженных людей его всегда тревожила. Определенно в дружественной Беларуси что-то происходило. Зачем, вспомнил Объемов, они читали по радио Свифта? Какая была в этом необходимость? Заменили Свифтом *«Над всей Испанией безоблачное небо»*? Куда понеслась колонна бронетехники и примкнувшие к ней танки?

Объемов подумал, что, окажись он в Умани в августе сорок первого года, он бы ни за что не пошел на базар, где Гитлер приценивался к подсолнухам. А вот дед Каролины пошел и удостоился благосклонного внимания фюрера. Можно сказать, обзавелся охранной грамотой. Это тот самый парнишка, которого Гитлер трепал по голове, должно быть, говорили немцы, румыны, полицаи и прочие коллаборационисты, выпуская его из гестапо после облав. В конце войны, конечно, это уже не работало, точнее, работало в сторону *возмездия.* Было дело, наверное, врал, вытирая кровавые сопли, на допросах уже в советских комендатурах парнишка, но я вцепился в его подлую руку зубами, в меня стреляли, я чудом уцелел, две недели прятался в подсолнухах… Потому-то, угрюмо и самокритично подумал Объемов, он получает от немцев и хохлов (две!) пенсии, и шустрая завуч в очочках души в нем не чает... Меня-то уже давно все бабы послали, а пенсия…

И, как говорится, сглазил.

В дверь негромко, но требовательно постучали. Привычно струсив и растерявшись, Объемов все же сообразил, что спецназовцы не могли так быстро добраться до его номера, а если и смогли, то не стали бы размениваться на вежливый стук, а вышибли бы ее ногами. Похлопав по карманам куртки — на месте ли паспорт? — и сдавленно прохрипев: «Одну минуту!», Объемов надел штаны, открыл дверь.

— Не ждал? — отодвинув его плечом, в номер решительно шагнула… неужели Каролина?

— Сам пригласил! — тихо (без лязга) прикрыла за собой дверь.

— Я? — опешил Объемов.

Внешность Каролины претерпела существенные изменения. На ней был белый до плеч парик. Каролина походила в нем на вернувшегося из боя и снявшего шлем с забралом немолодого средневекового рыцаря-альбиноса. На носу угнездились небольшие кругленькие *очочки*. Похоже, преследующая в Умани деда завуч (по Фрейду) не давала ей покоя.

— Девятьсот седьмой номер. Сам сказал.

— Да? И что? — Объемов случайно наткнулся взглядом на свое отражение в зеркале. Ему стало стыдно. Никакого *женского* интереса увиденное в зеркале существо не могло пробудить даже у… зачем-то надевшей парик и очки буфетчицы Каролины.

— А то! Снимай штаны и ложись! — Она торопливо стянула с себя черные брюки, оставшись в растянутых (повседневных, по инерции отметил Объемов) трусах. Помнится, похожие (с поправкой на тогдашние стандарты женского белья) трусы были на учетчице писем журнала «Пионер» Свете, когда Вася Объемов, задерживая дыхание, чтобы не потерять сознание от крепкого запаха девичьего пота, раздевал ее… Он уже не помнил, где, но точно не в мастерской художника-перепелятника. В университетской общаге на Ленинских горах, вот где! В соседней комнате еще гремел *Jesus Christ Superstar,* Хелен Редди выводила ангельским голосом: *«I don't know how to love Him»*, а Васе кощунственно слышалось: «*I don't know how to love her».*

За брюками последовала блузка. Грудь у Каролины выглядела более привлекательно, нежели исхоженные, в голубой сосудистой сетке, ноги. Ну да, рассеянно подумал Объемов, они все время на марше, а грудь… она барыня, отдыхает…

Немного подумав, Каролина освободилась и от трусов. Растянутые, они легко слетели на пол перед дверью. Объемов нагнулся, чтобы поднять, но Каролина запретила: «Пусть лежат где лежат!» Шмыгнула в кровать под одеяло. Кто же поверит, *на лету просканировал* ее обнаженное тело Объемов, что ты блондинка, кого ты хочешь обмануть дурацким белым париком? Подложившая под голову сразу две подушки Каролина сейчас напомнила ему... притворившегося бабушкой волка из сказки Шарля Перро. А я, стало быть, Красная Шапочка, грустно подумал он. Какой из меня охотник?

— Очки… — пробормотал, входя в роль, Объемов. — Они… чтобы лучше меня видеть?

— Я, вообще-то, обхожусь, — пояснила с подушек Каролина. — Только когда смотрю накладные или читаю. Быстрей! Ложись! — Ей явно было не до сказок.

— Я это… в трусах, — зачем-то проинформировал буфетчицу Объемов. Поведение Каролины было странным, но чего в нем точно не звучало, так это сексуального мотива. Посмотрел на тревожно прислушивающуюся к звукам в коридоре Каролину, у нее есть какой-то план… Все это игра, а я…

— Совсем не нравлюсь? — скользнула оценивающим очкастым взглядом по объемовским трусам Каролина. Никакого (где надо) *самовозрастающего объема* внутри них не наблюдалось. Тишь да гладь, можно сказать, космический вакуум. Вопрос быстрой и страстной близости на повестке дня не стоял. — А еще такая фамилия… — нервно хихикнула Каролина.

— Какая? — присел на край кровати Объемов.

— Какая-какая… — обхватила его за плечи, потащила под одеяло Каролина.

Она впилась в его губы сухим, как перестоявшая на буфетном столе салфетка, поцелуем.

За дверью послышались приглушенные мужские голоса, шум лифта. Потом снова стало тихо. Лифт проехал мимо девятого этажа.

— Все должно быть натурально, — скомкала поцелуй, как использованную салфетку, Каролина, — иначе они не поверят. Но я не уверена, что у нас получится. Когда ты последний раз спал с бабой?

— Давно, — честно признался Объемов, — коплю силы.

— И как копилка? Сильно пополнилась?— поинтересовалась Каролина.

— Хочешь проверить?— до Объемова вдруг дошли нелепость и какая-то издевательская карикатурность происходящего. Главное же — отведенная ему унизительная роль. — Какого хрена? — заорал он, увернувшись от попытки

Каролины снова заткнуть ему рот сухой салфеткой. — Чего тебе надо? Зачем ты здесь? Что все это значит?

— Лешка, мой муж, — едва слышно, умоляюще приставив палец к губам и указывая другой рукой на дверь, прошептала Каролина. — Он… здесь. Прилетел. Только он… не Лешка.

5

— Прилетел? — Объемов, как ни странно, мгновенно вспомнил семейную историю Каролины — вдовы погибшего, точнее, пропавшего без вести шестнадцать лет назад пилота, вместо которого на военном кладбище похоронили манекен в форме майора ВВС Беларуси. На его пластмассовое лицо положили фотографию *растворившегося* в небе *Лешки.* Героический муж Каролины велел напарнику катапультироваться, а сам увел самолет подальше от поселка в поле с *подсолнухами.* Люди не пострадали, а вот подсолнухам, наверное, досталось. Но останков Лешки, если верить Каролине, среди горящих обломков не обнаружили. Дальше пошел какой-то конспирологический бред про испытание секретного то ли био-гравитационного, то ли пространственно-временного оружия. — Они, — снова прислушалась к происходящему за дверью Каролина, — его ищут. Не могут найти, поэтому хотят через меня.

— Кто? — по инерции уточнил Объемов. До него дошло, что все это не игра, а если игра, то с *безвыигрышным* (для него и Каролины) результатом. Лес рубят — головы летят. Лес почему-то увиделся встревоженному писателю Василию Объемову не как положено — в виде деревьев, а… в виде обреченно помахивающих головами подсолнухов.

— Наши и… ваши, — с неодобрением посмотрела на Объемова Каролина, словно на нем лежала доля ответственности за «ваших», которых он, кстати, никогда не считал *своими.* Напротив, как мог клеймил и разоблачал в публицистических статьях. Да хотя бы за наплевательское отношение к русскому языку и литературе! Собственно, для того он и притащился на раздолбанном «додже-калибере» из псковской деревни на конференцию в Лиду, чтобы в очередной раз прокричать об их безумном воровстве и беспредельном презрении к народу в… *пустоту.*

— Войсковая операция? — Объемова поразило, как быстро и осмысленно он включился в обсуждение *невозможного* события. — Откуда он прилетел? И… на чем?

И не просто включился. Писатель Василий Объемов уже *опережающе* работал с *сюжетом. Лешка* в последний момент успел катапультироваться. Приземлился на другом поле. Быстро закопал в землю парашют и… исчез на шестнадцать лет. А сейчас объявился! Естественно, его хотят поймать и допросить. Кто главный свидетель с транзитным статусом *соучастника преступления?* Естественно, Каролина! Может, они вместе все эти шестнадцать лет шпионили… на Россию, на кого же еще? Или… на Украину? Это хуже. А я… покрылся холодным потом Объемов — *ясен пень,* связной, хорошо, если не резидент! Но она сказала «ваши», торопливо внес облегчающее собственную участь уточнение в сюжет, если это совместная с «нашими» войсковая операция, значит, я… не шпион, а соратник! У Беларуси и России это… как его… Союзное государство! Сволочь, с ненавистью посмотрел на ответно сверлящую его сквозь очки волчьим взглядом Каролину, зачем ты пришла, что тебе надо, зачем впутываешь меня в эту историю?

— Самолет приземлился на базе вчера ночью на самой дальней, заброшенной полосе, — быстро заговорила Каролина, телепатически уловив невысказанные упреки Объемова и сделав правильный вывод, что откровенность — единственное средство удержать его от панического бегства, неотвратимого катапультирования из кровати, а может, и из гостиничного номера. — Радары не засекли, он из какого-то особого материала или чем-то покрыт, не знаю, а так — точная копия того, который разбился. Пастух стадо мимо гнал к ангарам, там вокруг еще зеленая трава, увидел, рассказал в поселке. Дети побежали. Потом военные приехали, оцепили, привезли аппаратуру. Везде в кабине — Лешкины отпечатки пальцев…

— Ты сама-то его видела? — перебил Объемов

— Я сразу заметила, что за мной следят. Один злобный такой, с бородой, ты сидел, он в кафе заходил. И про тебя я тоже сначала подумала… А тут дочь позвонила, говорит, на съемную хату нельзя, уже вычислили…

— Дочь? — Объемов сам начал удивляться своей памяти. — Из Умани?

— Из Одессы. Я Олеську сразу вызвала, как узнала про самолет, сказала, чтобы никому ни слова и только на попутках. Если меня возьмут, так хоть она ему поможет. А я потом… С Украиной пока граница без проблем. Они ее точно в лицо не знают. Имя до паспорта у нее было — *Ольга,* а отчество я по деду ей сделала — Андреевна. Фамилия, вообще, по первому мужу, тоже хохол был, только из Полтавы, и тоже сволочь, другую бабу в дом привел, стал с ней жить при живой жене. Так что никаких концов.

— Ты его видела? — повторил Объемов, пытаясь вспомнить, где он недавно слышал про *Олеську*. Вспомнил! Не слышал, а читал. Объявление с отрывными телефонными хвостиками на фонарном столбе на гостиничной автостоянке: *«Олеся. 27 лет. Ахнешь! Звони!»*

Уже ахнул, мрачно подумал Объемов, и… пусть анонимно, но позвонил. Зачем-то спросил:

— Сколько ей лет?

— Что? — удивилась Каролина. — Кому?

— Олеське.

— Тридцать. А… что?

— Убавила, — покачал головой Объемов.

Они притихли, услышав рассыпчатый каблучный стук по голой коридорной плитке.

В дверь легко, как бросили горсть сухих горошин, постучали.

— Открой, — попросила Каролина. — Это она. Что-то случилось. Мы не договаривались, что она сюда.

— Не успею одеться, — растерялся Объемов, вновь утрачивая (хотя бы мысленный) контроль над реальностью.

— Быстрей! — поторопила Каролина. — Я же голая!

— Хорошо, — пожал плечами Объемов, удивляясь неожиданной стыдливости своей… подруги*?* Свесил ноги с кровати. Страх, возбуждение, желание что-то выяснить, куда-то бежать вдруг сменились в нем дебильной покорностью и обездвиженностью. Покосился на Каролину, в парике и очках…Так сказать, в *пассионарном прикиде*. Бери *голыми* руками.

— Ну! — поторопила Каролина.

Объемов, поправив трусы и слегка втянув живот, открыл дверь. В номер, едва его не сшибив, влетела *Олеська.* Объемов уже устал чему-либо удивляться, а потому совсем не удивился, что она была натурально (видимо, это у них семейное) *голая,* но в туфлях на металлических шпильках, как ведьма Гелла

из бессмертного романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Впрочем, в отличие от Геллы, Олеська все же небрежно прикрывалась прижимаемым к груди ворохом одежды, из глубины которого пружинисто свесился бюстгальтер. Качающимися своими чашечками он напомнил Объемову маятник сюрреалистических часов, отсчитывающий… что?

— По объявлению? — ухмыльнулся, рассматривая бесстыдницу, Объемов.

— Что? — растерялась та, даже выронила одежду. — Мы… разве договаривались?

— Быстрей! В постель! — скомандовала с подушек Каролина. — Сейчас придут!

Олеся размашистыми крепкими бедрами, как бульдозер подтаявший сугроб, легко передвинула Объемова на кровать под приглашающе откинутое Каролиной одеяло.

— *Поехали*! — Каролина сорвала с Объемова трусы, завалила на себя, обхватив ногами, как клешнями, а над ними (каким-то образом, наверное, затылком сумел рассмотреть писатель Василий Объемов) римской статуей встала Олеся, больно уткнув в копчик Объемову острый железный каблук. Если и есть на свете мужик, успел подумать он, способный *поехать* в данных обстоятельствах, то это точно не я!

В следующее мгновение раздался оглушительный треск. В номер, как на серфинговой доске, влетел обеими ногами на двери раскоряченный спецназовец в серебристых доспехах с автоматом и в черном обливном сферическом шлеме. Следом вошли люди в штатском. В одном из них — в широком, как саван, белом плаще — Объемов узнал злого бородача, ошибочно принятого им в кафе за завязавшего (с алкоголем) писателя, участника конференции по современному состоянию русского литературного языка. Второй снимал происходящее на видеокамеру. Третий непрерывно щелкал фотоаппаратом, озаряющим вспышкой интимно — лампой на прикроватной тумбочке — освещенный гостиничный номер. Он, конечно же, успел запечатлеть (для истории?) порнографическую скульптурную группу. Если бы не выставивший дверь спецназовец с автоматом наперевес, ворвавшуюся в номер команду можно было принять за белорусское подразделение полиции нравов. Объемов читал, что такая существует в Европейском сообществе, наряду с Интерполом, но постсоветские государства почему-то не хотят с ней сотрудничать.

— Ой! — Олеся прыгнула под одеяло, больно зацепив железным каблуком Объемова, едва успевшего перевалиться на спину. Скульптурная группа распалась, точнее, перешла в горизонтальное положение.

Злой бородач в широком плаще (сейчас, впрочем, он выглядел не столько злым, сколько озадаченным) включил весь имеющийся в номере свет.

В настенном зеркале напротив кровати Объемов увидел три торчащих из-под одеяла головы: свою со слипшимися в отвратительный гребень седыми волосами по центру, справа — очкастую в белом парике голову Каролины, слева — русую, щекастую Олеси. Боже милостивый, ужаснулся он, что могут подумать обо мне… гэбисты? Спецназовца в серебристых доспехах и в обливном шлеме он, как низшего по званию (и, вероятно, по интеллекту), в расчет не принимал. Трехголовая зеркальная картина навела его на гнусные, более того, оскорбительные для русского фольклора аналогии. Себя писатель Василий Объемов увидел в образе… *Ильи Муромца.* Поблескивающую круглыми выпуклыми очками Каролину — в образе почтенного *Добрыни Никитича*,

кажется, наставника святого равноапостольного князя Владимира, а молодую шаловливую хохлушку *Олесю* — в образе застенчивого, но отважного *Алеши Поповича.* Как лихо она запрыгнула на кровать, загарпунила Объемова острым железным каблуком! Интересно, запоздало встревожился он, что она собиралась делать дальше, куда хотела вонзить каблук? Получалось, что гэбисты, контрразведчики, или кто там они, подоспели вовремя, в очередной раз подтвердив известный тезис Гете, что *сила,* предназначенная творить *зло,* иной раз свершает *благо. Тридцать лет и три года*, испуганно вжался задом в матрас Объемов, *Илюша* то ли *сиднем сидел,* то ли *лежнем лежал* на постели, а потом… как вскочил! И… пошли клочки по закоулочкам... Неужели… *при-ш(ж)порила* каблучница?

Но в данный момент стремительно вживающемуся в образ Ильи Муромца писателю Василию Объемову нечего и думать было о сопротивлении… *идолищу поганому. Поехать,* как рекомендовала Каролина, не получилось, а вот *пойти* трусливо-позорным *клочком по пенитенциарному закоулочку…* еще как!

Над кроватью витал сильно сдобренный косметикой запах пота, невольно заставивший Объемова вспомнить Свету. Однажды во время грозы, когда находиться в кабинете стало невозможно, Марина отправила Свету домой, пообещав разобрать за нее оставшуюся почту. Как только Света ушла и дышать стало легче, Марина позвала Васю к ее столу, выдвинула ящик, ткнула пальцем в теснящуюся там серебристую рать запечатанных дезодорантов. «Ей без конца дарят, дарят, — в отчаянье произнесла Марина, — почему она ими не пользуется? — И после паузы: — Наверное, мстит окружающему миру». — «За что?» — спросил Вася. «Всегда есть за что», — грустно вздохнула Марина. Если бы сейчас здесь была Света, подумал, нашаривая под одеялом трусы среди брыкающихся женских ног, писатель Василий Объемов, *поганому гэбистскому идолищу* пришлось бы надеть респираторы. Странным образом он уподобил Свету коньяку или виски, набирающим с возрастом в дубовых бочках крепость и аромат. Такой у него получился неэстетичный *оксюморон.*

— Чем обязан, милостивые государи? — хрипло каркнул Объемов с кровати, подбадриваемый тычками Каролины.

— Проверка документов, — мимолетно мазнул в воздухе красным удостоверением бородач. — Здание блокировано. Есть сведения, что в гостиницу проникла группа террористов. Производится осмотр помещений. *Тепловизор* показал, что в номере находятся три человека. Террористы могли захватить заложников. Действовать пришлось быстро. Так что не обессудьте.

Спецназовец тем временем осмотрел туалет, заглянул в шкаф, за портьеры, даже, крякнув и переломившись в доспехах, сунулся под кровать. Разогнувшись, доложил: «Чисто!»

— Свободен, — сказал борода.

— Руки на одеяло, урод! — вдруг заорал спецназовец, натренированным глазом отследив невидимую пододеяльную объемовскую возню с трусами.

— Ай! — взвизгнула Олеся. — Я описалась!

Борода, пропустив мимо ушей не понравившуюся Объемову новость, тем временем основательно устроился в кресле возле журнального столика, смачно шлепнув по стеклу папкой с бумагами.

— Я… могу одеться? — поинтересовался Объемов. В трусах он почувствовал себя увереннее. В голове даже зашевелились забавные мысли о нарушении прав человека и каком-то ордере, который будто бы кто-то должен был ему предъявить.

— Отдыхайте, товарищ, — с отвращением посмотрел на него борода. — После проверки вас переселят в другой номер, и вы… сможете продолжить. Где ваш паспорт?

— В куртке, если я не ошибаюсь, во внутреннем кармане, — потянулся к стулу Объемов.

Закончивший осмотр его сумки (одной рукой он брезгливо перебирал застиранные носки и футболки, другой зачем-то снимал это на видеокамеру) *оператор* его опередил, прохлопал куртку свободной ладонью, выложил из кармана все, что там было, на стол. Неужели, зауважал *оператора* Объемов, решил документально — для истории — запечатлеть *нищету* русского писателя? Или, мелькнула другая мысль, его морально-нравственное *падение*? Сразу вспомнились благообразный седой, аскетично худощавый (наверное, соблюдал все православные *посты*) министр юстиции Ковалев, гонявший в бассейне голых девиц; упитанный прокурор Скуратов, *бессильно* (несмотря на старание других — сухопутных — *тружениц сферы сексуальных услуг*) раскинувшийся на широкой кровати в похожем гостиничном номере. И пусть, злобно подумал Объемов, пусть покажут по телевизору, хоть кто-то узнает о моем существовании! Только ведь не покажут…

— Удостоверение Секретаря Союза писателей России, социальная карта москвича, пенсионная книжка, приглашение от министра культуры Беларуси на научно-практическую конференцию по современному состоянию литературного русского языка, — перечислил извлеченные документы борода.

— Мой доклад открывает конференцию, — с достоинством добавил Объемов.

Борода неторопливо перелистал, одновременно проверяя на плотность (не пропустил ни одной страницы!) паспорт, отложил его в сторону. Прочие документы не вызвали у него большого интереса, а на красно-клеенчатое с торчащим, как копье, пером (Объемов писал таким, обмакивая его в чернильницу, полвека назад в школе), заполненное от руки удостоверение Секретаря Союза писателей России с расплывшейся фиолетовой печатью, вообще посмотрел с недоумением. Зато обратил внимание на привезенные Объемовым в надежде подарить их уважаемым людям, допустим, белорусским издателям, литературоведам, а еще лучше *профильным чиновникам,* книги. Особенно долго он изучал издание, обложку которого украшала фотография свирепо оскалившегося, бритого наголо Объемова в черной, с черепами и скрещенными костями косынке на голове. На ней настоял художник издательства, уверенный, что это положительно скажется на продажах. «Агрессия и мужество, — помнится, заявил он, — это то, чего смертельно не хватает русскому читателю. Если нет в тексте, так пусть хоть будет на фотографии». Вдоволь налюбовавшись на *агрессивного* и *мужественного* Объемова, постранично протрусив книги за растопыренные обложки, борода переключился на Каролину.

Фотограф, порывшись в ее сумке (Объемов и не заметил, что она пришла с сумкой), протянул бороде паспорт.

— Грибоедова Анна Дмитриевна, — произнес борода, сверился с какой-то бумагой. — Доктор искусствоведения, ведущий специалист Российского государственного института архитектуры и дизайна по ландшафтам восточноевропейских усадеб семнадцатого—девятнадцатого веков. Вы, как я понимаю, тоже приехали на конференцию?

— И уже об этом сожалею! — раздраженно отозвалась с кровати Каролина нервно-интеллигентным, каким прежде, во всяком случае, с Объемовым, не разговаривала, голосом. — Вы так встречаете всех гостей или только тех, кто из России?

— Объясните свое присутствие в номере господина Объемова, — вежливо попросил борода.

— И не подумаю, — надменно ответила Каролина, она же, как только что выяснилось, *Грибоедова Анна Дмитриевна,* о чем уведомил Объемова очередной пододеяльный кулачный тычок в бок. — Я не обязана обсуждать с вами, уважаемый… не знаю вашего имени-отчества и звания, свою личную жизнь. Василий Тимофеевич Объемов — мой старый и добрый знакомый. В отчете можете написать: *«Присутствие в номере объяснила необходимостью согласования позиции российской делегации по итоговой резолюции конференции».*

— Давно носите парик, Анна Дмитриевна? — поинтересовался борода. Похоже, ему было плевать на многолетнее доброе знакомство доктора искусствоведения и секретаря союза российских писателей.

— После второго курса химиотерапии. Тогда же мне пришлось обменять паспорт. Видите ли, болезнь вносит некоторые изменения во внешность человека.

— А предполагаемая близость смерти раскрепощает в желаниях, — продолжил борода. — Не сомневаюсь, вы победите болезнь, Анна Дмитриевна. Энергии, желания полноценно, по-молодому жить в вас хоть отбавляй. К тому же современная медицина творит чудеса.

— Где-то, — мрачно уточнила, поправив очки, Каролина, — только не в России.

— Мы осмотрели ваш номер на… пятом, кажется, этаже. Можете возвращаться. Если, конечно, захотите, — поднялся из-за стола борода.

— Я знаю эту лярву! — вдруг подал голос спецназовец в обливном шлеме, указав на Олесю. — Работает по вызову. Приезжает с Украины. У нее месяца два назад был привод, расцарапала морду клиенту из Ставрополя. Мужик пригнал в Лиду вагон шерсти, а она…

— Не п…, — подала голос Олеся. — Он забрал заявление.

— Паспорт, — потребовал борода.

— В плаще, — кивнула на ворох одежды на полу Олеся.

Фотограф нагнулся, извлек, порывшись в косметичке, синий с трезубцем (или пикирующим соколом — и такое объяснение национального символа слышал Объемов от знакомых украинцев) паспорт.

— Что вы здесь делаете в… два часа ночи, *Олеся Ондриiвна?* — поинтересовался, взглянув на часы, борода.

— Забежала на огонек, — хмуро объяснила Олеся. — Он, — кивнула на Объемова, — меня пригласил, я пришла, а они тут с этой… очкастой, еще и рак у нее, твою мать!

— Пригласил, — повторил борода, — каким образом?

— Простейшим, — пожала плечами Олеся. — По телефону.

— А вот это мы сейчас уточним! — неожиданно оживился, даже потер руки, как алкаш при виде наполненной рюмки, борода. — И если звонок не подтвердится… Ваш театр трех актеров… Как Станиславский — не верю! Что он говорил? Театр начинается с вешалки. Я вас всех повешу!

Оператор протянул бороде побитый, морально и физически устаревший телефон Объемова.

— Как только переехал границу, сразу списали триста рублей, — обиженно произнес Объемов, — не знаю, можно ли еще с него звонить.

— Когда вы с ней разговаривали?

— Последний звонок, — ухмыльнулся Объемов, — не ошибетесь.

Зачем я ей позвонил, он вспомнил гостиничную автостоянку, неверный свет фонаря, объявление на столбе. *Ночь, улица, фонарь, Олеся…* Ведь я и в мыслях не держал ее *снять…* Провидение. Объемов вдруг резко успокоился, как если бы воочию увидел ангела-хранителя, распростершего над ним, точнее, над кроватью с тремя головами, непробиваемые крылья. Русская воля, подумал Объемов, это *Провидение,* которое есть *Промысел Божий. Провидение* — вне логики, вне математического и любого другого анализа и расчета. В этом загадка России, которую никто не может разгадать. Россия — *единая и неделимая* часть *Провидения.*

Из вороха одежды Олеси на полу пробилась телефонная мелодия. Борода положил телефон Объемова на стол. Мелодия смолкла.

— Прошу вас соблюдать осторожность, Василий Тимофеевич, — поднялся из кресла борода. — Я скажу дежурному администратору, чтобы вам предоставили другой номер.

В дверной пролом просунулся черный шлем спецназовца:

— На этаже чисто, только в девятьсот первом какая-то пьянь облевалась. Думали, не дышит, «скорую» вызывали, вроде оклемался. Вонь дикая. Здоровый, гад, еле перевернули, пузо как унитаз, жрет, видать, в три горла.

— Это Серафим Лупан, — обрадовался (чему?) Объемов, — поэт из Молдавии, он сочиняет стихи для детишек.

— Вы видели здесь этих людей? — борода развернул лист бумаги с нечетким изображением молодой, похожей на певицу Софию Ротару, женщины и удивительно напоминающего Гагарина авиационного майора в фуражке. — Это старая фотография, — объяснил борода. — Сейчас они выглядят иначе.

— Майора точно не видел, — твердо ответил Объемов, — а вот даму… Она работает в кафе? Эти люди преступники? Если не ошибаюсь, вы туда тоже заходили.

— Заходил. Но тогда мы не были уверены, что это она. Мало информации, столько лет прошло. Три раза разводилась, гражданка Литвы, каждый год осенью устраивается в Лиде на временную работу в кафе или столовые. Где сейчас живет, с кем общается — неизвестно. Мы направили в Вильнюс срочный запрос, но не факт, что они быстро ответят. Прочесали все работающие точки общепита. Хотим задать ей кое-какие вопросы, но не можем найти, — развел руками борода. — Закрыла в двадцать три ноль-ноль кафе и как сквозь землю. Если вдруг увидите, попросите позвонить вот по этому номеру, — вырвал из блокнота лист, положил на стол. — Это в ее интересах. Они не преступники, — еще раз задумчиво посмотрел на ксерокопию нечеткой фотографии, — скорее, объекты странного научного эксперимента с неясными последствиями. Спокойной ночи!

6

Через полтора часа, лежа на широкой многоподушечной кровати в просторном двухместном номере (борода не обманул!), писатель Василий Объемов вспоминал рассказ Лермонтова «Тамань». Направляющийся к месту службы *«с подорожной по казенной надобности»* Печорин *случайно* угодил в *сообщество* контрабандистов и огреб там по полной. Его обворовали (Объемов судорожно проверил, на месте ли бумажник). Ему непрерывно лгали (это Объемова нисколько не удивило, поскольку ложь являлась естественной реакцией организованной криминальной группы на проявляемый

к ее деятельности *сторонний интерес*). Наконец, молодая контрабандистка *не дала* Печорину и чуть его не утопила. То есть, она отказалась *переформатировать* посредством *секса* опасное любопытство Печорина в дорожное *love affaire,* сохранила верность главному контрабандисту Янко. Тот, в свою очередь, не взял в лодку боготворившего его слепого подростка. «На что ты мне?» — сказал Янко. Мир контрабандистов был прост, жесток и мобилен. Печорину повезло, что он уцелел.

И мне повезло, нагло примазался к *герою нашего времени* Объемов. Я тоже уцелел, мне всего лишь *не дали*, спасибо, что не обворовали и не утопили. Хотя, тезис «*не дали»* нуждался в уточнении. Объемов, когда Каролина обхватила его венозными ногами-клешнями, а скульптурная (поразмышляв, Объемов разжаловал ее из римской статуи в советскую гипсовую парковую девушку, правда, без весла) Олеся воткнула в спину острый железный каблук, не *поехал,* потому что это было невозможно. А потом уже и не просил, чтобы *дали,* потому что *поезд* ушел.

Несколько часов назад, заселяясь в гостиницу, *усиленно* ужиная в кафе, писатель Василий Объемов находился в одной реальности. Сейчас — в другой. Он, как и Печорин, угодил в нее случайно, путешествуя *по казенной надобности.* Но если Печорин не возражал *сыграть* с контрабандистами на *собственную жизнь*, у пугливого и осторожного Объемова подобное желание отсутствовало напрочь.

Потому-то привычно, точнее, с облегчением вздохнул он, Россия и катится в пропасть. Объемов всегда с готовностью (а как иначе?) делился своими персональными недостатками с Родиной-матерью. Когда-то давно он даже написал статью о русском народе под названием *«Коэффициент бездействия».* По мнению Объемова, в русском народе коэффициент бездействия зашкаливал. Власть это прекрасно понимала, с давних времен вводила в стране различные ограничения для представителей других этносов, типа черты оседлости, квот на поступление в университеты, занятие управленческих должностей в преимущественно русских уездах. Энергичный инородец, попадая в расслабленную русскую среду, ощущал себя кем-то вроде испанского конкистадора среди не знающих цены золота (применительно к России — природных богатств) и сильно пьющих индейцев. Но власть в России (еще одна ее загадка) никогда не ощущала себя *русской,* а потому не была последовательной в мерах по преодолению бедственного положения русского народа. Она охотно принимала от народа единственное подношение — *покорность,* злоупотребляла им, и в итоге (после национальной, социальной и территориальной катастрофы *в одном флаконе* — слоган популярной в девяностые годы рекламы шампуня с кондиционером) сдавала страну новой власти — еще менее русской по мироощущению. Хорошо, если не *победительно антирусской*, как *большевики-ленинцы* в семнадцатом году. Или, наоборот, плохо, потому что большевики все-таки собрали Россию. А вот смогли бы ее собрать белогвардейцы или Учредительное Собрание? Объемов был склонен согласиться с фельдмаршалом Минихом, утверждавшим в середине восемнадцатого века, что Россия — страна, управляемая *напрямую* Господом Богом, потому что иначе объяснить ее существование невозможно. Похоже, *Промысел Божий* относительно России и был самой главной ее *загадкой*, выражаясь языком Канта, *загадкой в себе.*

В признании этого очевидного факта нет ни гордыни, ни презрения к народу, прислушался к тишине за дверью (гостиница после спецназовского налета словно вымерла) Объемов, потому что *русский народ — это я!* Или

(если угодно) *я тоже.* И если я, писатель и… общественный деятель (ведь пригласили в Беларусь на конференцию!) столько лет пребываю в ничтожестве и бездействии, значит, в таком состоянии пребывает вместе со мной русский народ! Народ — *красный гигант* или *белый карлик*, Объемов запутался в астрономических дефинициях, пришла на память даже такая, как… черная дыра, а я — крохотный астероид на его орбите. Мой удел — крутиться вокруг (прежде) *красного гиганта,* (потом) *белого карлика,* (сейчас)… неужели черной дыры? Или оторваться и улететь *в никуда* — в сон, в вековечную мечту, в несбыточную надежду. Мы спим, покосился на лишние подушки в головах Объемов, и видим во сне личность, готовую принять на себя бремя действия. Иначе Россия, он вспомнил свой недавний позор, не *поедет.* Как она поедет, если *мы* (Объемов снова с дрожью вспомнил Каролину в очках и в парике) сами себя обхватили жилистыми ногами, а в задницу нам (вспомнил Олесю) вонзила железный каблук подлая воровская власть? Проснуться шансов нет. Будильники *отключены* и *спрятаны.* Власть делает все, чтобы (богатырский?) сон превратился в *кому,* чтобы Илюша (Муромец) никогда не проснулся. Единственная (несбыточная?) надежда, что некая появившаяся неизвестно откуда личность взломает сон, как подводная лодка арктический лед. И тогда бремя действия волшебным образом преобразуется во *время*, точнее, *радость действия пробудившихся масс.* Тогда зазвенят кимвалы новой общественно-экономической формации, *кровь* оросит надежду. А потом… отважно заглянул в будущее Объемов, после *великой победы* или *сокрушительного поражения* (это две разведенные во времени и пространстве стороны одной медали) надежда погаснет, растворится в ничтожестве подлого повседневного бытия, чтобы по прошествии времени снова *воссиять* и *воззвать!* Только вот, отстраненно и холодно подумал писатель Василий Объемов, крови для ее орошения с каждым разом будет требоваться все больше и больше. Кровь в этой радости всегда идет по нарастающей. Революция — смеющийся вампир, вспомнились ему слова отправившего немало людей на гильотину и в итоге тоже сложившего голову под ее косым ножом якобинца Сен-Жюста. Объемов как будто увидел растянувшуюся в ночном небе кровавую ухмылку, как некогда Алиса в Зазеркалье увидела улыбку Чеширского Кота. А еще, продолжил мысль Объемов, в *массовом действии* сама собой отольется *новая форма* для отливки *новых людей.* Кто-то отольется для радости, а кто-то уйдет в отвал. И не будет между людьми радости и людьми отвала мира и сотрудничества, а будут боль, ненависть и... новая революция. Вампир всегда смеется последним, потому что смеется и над победителями, и над побежденными. А еще — потому что по своему усмотрению меняет их местами.

Ты, строго, как Родина-мать с плаката, спросил себя писатель Василий Объемов, готов отлиться в новой форме? И сам же себе (Родине-матери) ответил: нет! Значит, пробуждение — не факт, предательски подумал он, переворачиваясь на другой бок. Кто сказал, что *растворение в свободном ничтожестве,* умноженном на *усиленный ужин*, *— не жизнь?* Не всем охота *отливаться* в *новой форме*, идти на корм *смеющемуся вампиру*, пусть даже это непременное условие грядущего... величия России. На кой хрен лично мне такое величие?

«Где ты?» — вдруг, как библейский Моисей в окрестностях *неопалимой купины,* услышал Объемов страшный для русского человека вопрос. Все, перепугался он, слуховые галлюцинации, рассеянный склероз! Но собравшись с духом, как Моисей, мужественно ответил: «Я здесь!», а потом уже честно закрыл тему: «Между *формой* и *отвалом*. И нет воли, Господи, *выбрать*».

Коэффициент бездействия, резко опустил планку странных литературно-обществоведческо-религиозных изысканий писатель Василий Объемов, уравновешивается в формуле бытия (государства, народа, отдельно взятой личности) коэффициентом риска. В характере Печорина коэффициент риска едва ли не превосходил аналогичный у контрабандистов. Коэффициент риска у Объемова был величиной блуждающей, почти неразличимой внутри математической погрешности. Печорин ничего не выиграл, но сломал контрабандистам игру. Объемов тоже ничего, кроме отвращения и презрения со стороны гэбистов (он надеялся, что им не придет в голову отправить видеозапись постельного допроса в Союз писателей России), не выиграл. Но и не дал проиграть Каролине, Олесе, свалившемуся через шестнадцать лет с неба майору Лешке и… загадочному деду из Умани, если, конечно, тот был *в курсах.* Хотя, может, дед ни сном ни духом, шлифовал себе пятки напильником да поджидал, укрепившись виагрой, очкастенькую завучиху.

Игра контрабандистов была проста и, в принципе, понятна Печорину. Игра собравшихся полтора часа назад в гостиничном номере людей была Объемову непонятна. Похоже, и сами игроки не вполне ее понимали, действовали, как говорится, по прецеденту. Власть в лице охранки стремилась нейтрализовать потенциальных носителей секретной (о чем?) информации. Каролина и Олеся — уберечь от власти пропавшего без вести (по вине власти, кого же еще?), но спустя шестнадцать лет загадочно объявившегося мужа и отца. Печорин был *лишним человеком* для контрабандистов, подрывавших экономику николаевской России. Объемов оказался *нелишним* для избегавших контактов с госбезопасностью объектов странного научного эксперимента с неясными последствиями. Кажется, так выразился борода. Объективно *лишний человек* Печорин принес пользу России. Что принес России *патриот* Объемов, пока было неясно. А что если, мелькнула нехорошая мысль, патриот сегодня в России и есть даже не лишний, а сверхлишний человек? Народ, сама собой продолжилась мысль, тоже *лишний,* но его пока слишком *много*.

Я не струсил, рискнул, еще как рискнул, подбадривал себя, ворочаясь в кровати, Объемов, только непонятно… что я буду с этого иметь? Перебрав варианты, он пришел к выводу, что единственно возможный бонус для него — Олеся! Объемов даже нашарил на тумбочке телефон, чтобы ей позвонить, но потом устыдился. О чем он, когда на кону… Россия! Да и Олеся была бы полной дурой, если бы после допроса не отключила телефон, не вытащила из него симку. А еще у Объемова неожиданно сложился сюжет для (сейчас такое безобразие входило в моду) рассказа *«Тамань-II».* Печорин не уехал *по казенной надобности*, а примкнул к контрабандистам, отбил дивчину у Янко, разобрался с конкурентами, создал настоящую морскую бандитскую империю. У слепого (Печорин его пожалел и приблизил к себе), как у болгарской Ванги, открылся дар предвидения. Он предсказал Крымскую войну и поражение России. Печорин тайно встретился в Севастополе с Николаем Первым, а потом…

Бред! Не *мысль изреченная* есть ложь, поправил Тютчева уставившийся в смутный и как будто слегка кружащийся потолок Объемов, а *жизнь изреченная* есть ложь! Я переутомился, закрыл глаза, хорошо бы заснуть.

Но сон не шел.

…Когда легкие шаги гэбистов и тяжелые спецназовцев в коридоре стихли, Каролина и Олеся стали одеваться, обидно не обращая внимания на писателя Василия Объемова. Он топтался между ними в позорных, купленных на рынке в городе Невеле (ближайший к его деревне райцентр) трусах, а они шуршали

колготками, искали на полу обувь, равнодушно задевая его *объемными* бедрами. Их разговор напомнил Объемову разговор контрабандистов из «Тамани».

— Сдурела? — спросила, защелкивая бюстгальтер, Каролина у Олеси. — Зачем пришла?

— Так он вырубился, захрипел, задергался, думала, концы отдаст. Куда я? Они зайдут, а я с трупом, да?

— Ладно, хоть живой, — согласилась Каролина. — Много ему накапала?

— Да нет, — пожала плечами Олеся, — норму, чтобы встал и кончил. Он, наверное, больной. Или до этого принял.

— Ты же говорила, что с ней не общаешься, — зачем-то уличил Каролину в изреченной ранее лжи Объемов, — она с мужем в Одессе, а ты к ним ни ногой.

— Ага, — откликнулась Олеся, — второй год сидит, козел, без зарплаты. Кофейную машину, которую ты, мам, из Германии привезла, — повернулась к Каролине, — пропил! Сказал, чтобы я без денег не возвращалась.

— Не переживай, — махнула рукой Каролина. — Там в парке кафе закрывали, технику на улицу выставили, бери что хочешь. Надо было все забрать и к вам на трейлере.

— Так это когда, — возразила Олеся, — сейчас негры и арабы… в момент.

— А муж что, — растерялся Объемов, — знает про твои… проделки?

— Хрен знает, что он знает, — ответила Олеся. — Мне какое дело? Детей кто будет кормить?

Объемов, окончательно растерявшись, взял со стола паспорт. С фотографии на него мрачно уставилась… Каролина в белом парике и круглых выпуклых очках.

— Грибоедова, — пробормотал Объемов, — она… потомок? — К своему стыду, он запамятовал, успел ли Грибоедов за короткую жизнь обзавестись детьми.

— Говорит, что по какой-то внебрачной линии, — забрала у него паспорт Каролина. — Позавчера приехала, ездит по области, осматривает усадьбы. Два раза у меня завтракала и ужинала. Образованная дама. Как начнет про литературу, про деревья и газоны — не заткнуть. Рассказывала, что Грибоедов женился на этой, как ее… грузинке…

— Нине Чавчавадзе, — подсказал Объемов. Это он помнил.

— Когда ей было то ли четырнадцать, то ли пятнадцать лет. Любил сидеть у камина и смотреть, как она играет с куклами. Он что, извращенец был, как его… педофил?

— Вранье, — возмутился Объемов. — Он был герой. Она всю жизнь по нему тосковала, отказывала женихам и умерла… от холеры.

— Анна Дмитриевна утром в Гродно с ночевкой уехала,— продолжила Каролина. — Я как войска из окна увидела, сразу вниз, а на выходе уже документы смотрят. Ну все, думаю, попалась, и Олеську подвела, мы с ней вместе должны были… А ты, — с подозрением посмотрела на дочь, — зачем так рано пришла?

— Думала, успею. Этот… боров, как фамилия… Залупан?.. Двести долларов обещал. Голос по телефону бодрый такой, а как увидела его…

— Не расплатился? — встревожилась Каролина.

— У меня всегда вперед, — хмыкнула Олеся, — но с него надо было больше. Думала, расплющит пузом.

— Как к тебе попал ее паспорт? — Объемов натянул спортивные трикотажные штаны. Мимолетно поймав в зеркале отражение, он подумал, что ему

вполне подходит определение *баран.* Так сказать, производное между нищим безработным козлом — мужем Олеси, и похотливым боровом — детским поэтом из Молдавии Серафимом Лупаном, показавшим здесь свое истинное лицо.

— Легко, — нервно зевнула Каролина, — увидела, что он лежит на *ресепшене*. Она сдала на регистрацию, а забрать, видно, забыла. Пока дежурную в холле допрашивали, я цап — и в подсобку. А как фотографию увидела… Господи, это же я… — покосилась на Объемова, — ну, лет через… десять. Взяла Олеськин парик, а очки один идиот в буфете на столе оставил. Напился, скотина, все меня маринованными опятами соблазнял, торговать приехал из Великих Лук… Кому тут нужны его опята?

— Подожди, — заторопился Объемов, увидев, что дамы опасливо выглядывают сквозь дверной проем в коридор. — Почему вы пришли ко мне? Откуда ты знала, что я…

— Лешка сказал, — прижала палец к губам Каролина. — Иди в девятьсот седьмой, он все знает и не выдаст. Так он сказал.

— Что знаю? Больше ничего не сказал? — сел на кровати Объемов.

— Сказал: «Мужик в теме».

— В какой теме? — вскочил с кровати Объемов.

— Понятия не имею, — ответила уже из коридора Каролина.

7

На третий — заключительный — день Международной научно-практической конференции, посвященной современному состоянию русского литературного языка, участников повезли на автобусе в поселок Ивье, где только что завершилось строительство нового аэропорта для малой авиации. Торжественное его открытие планировалось через две недели. Международная авиационная комиссия должна была оформить новому аэропорту сертификат и утвердить частоту для работы диспетчеров.

Беларусь, рассказал по дороге сопровождающий (явно из научной *национально ориентированной* среды), в ближайшем будущем превратится в *Мекку* экологического туризма. Великое Княжество Литовское, сердцем которого являлась *Белая Русь,* было самой экологически чистой, свободной, благоустроенной и культурной территорией тогдашней Европы. Именно в то время Франциск Скорина разработал основы европейской христианской философии. Но после третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году, развел руками сопровождающий, с белорусским ренессансом было окончательно покончено. Чернобыльская катастрофа нанесла экологии Белой Руси последний и самый страшный удар. Но сейчас Белоруссия возрождается, возвращается к традиционным началам европейской *Белой Руси.*

— Не могли бы вы просветить нас насчет этих начал? — прервала с ближнего сидения политизированного историософа въедливая Анна Дмитриевна Грибоедова.

Каждый раз видя или слыша ее, Объемов вздрагивал и опускал глаза, до того настоящая Грибоедова была похожа на Каролину. Анна Дмитриевна замечала это и смотрела на Объемова с недоумением. Ей было трудно понять причину его стыдливого смущения. А Объемову было трудно перестать воспринимать Анну Дмитриевну как голую Каролину, обхватившую его крепкими жилистыми ногами. Мужик, приехавший в Лиду из Великих Лук торговать

маринованными опятами и потерявший в буфете очки, сразу раскусил эту авантюристку! И ведь какую фамилию перехватила, запоздало негодовал, краснея, Объемов — Грибоедова! Священную для русской литературы фамилию! Да в одной цитате из «Горя от ума» — *«Чтобы иметь детей, кому ж ума недоставало?»* — вся суть человеческой цивилизации!

Слегка похмельная (участников конференции угощали на славу) голова писателя Василия Объемова шла кругом: настоящая, хоть и по боковой линии, Грибоедова -— Анна Дмитриевна; Лжегрибоедова — Каролина; неведомый мужик, приехавший из Великих Лук в Лиду торговать и соблазнявший Каролину… Интересно… Нет, строго осадил себя Объемов, мне совершенно неинтересно, чем закончилось амурное дело с маринованными опятами. При чем вообще здесь грибы? Но тут же сквозь тонкую пленку здравого смысла грибом выперло название авангардистской оперы безвременно скончавшегося композитора и музыканта Сергея Курехина *«Ленин — гриб».* Следом припомнилась народная примета, что многогрибье — к беде и войне. Будто бы летом 1914-го народ не знал, куда деваться от грибов, а в сорок первом гитлеровские танки в конце июня вязли в *грибной распутице.* Это был вещий знак, репетиция того, как они завязнут в настоящей распутице в начале октября под Москвой. В конце концов, и собирающаяся приструнить белорусского историософа Анна Дмитриевна Грибоедова увиделась Объемову в образе… *гриба* на длинной тонкой ножке с двумя круглыми улитками (очками) на шляпке.

— Охотно, — между тем ответил Анне Дмитриевне историософ, — вот эти начала: экология, свобода, порядок, культура.

— Вы забыли про пятое начало — народ! — скрипуче отозвалась та, сверкнув очками. Улиточный гриб был явно (для самозваного историософа) несъедобным.

Осознав это, он сменил чреватую тему на бесплодную служебно-скучную:

— Аэродром построен для того, чтобы состоятельные клиенты из Европы могли легко и быстро на своих частных самолетах добираться до экологических жемчужин Беларуси — ее лесов, озер и рек, а потом, насладившись отдыхом на природе, беспроблемно возвращаться домой.

В автобусе писатель Василий Объемов устроился рядом с молдавским поэтом Серафимом Лупаном. Седой, в тонком летнем костюме и свежей рубашке, при золотых часах, к тому же еще, как выяснилось, депутат молдавского парламента, Серафим смотрелся олигархом, вздумавшим демократично прокатиться на экскурсию вместе с нищими литераторами.

Сейчас события двухдневной давности казались Объемову каким-то нелепым сном. Когда он с тяжелым сердцем пришел утром завтракать, в кафе на двадцатом этаже распоряжался улыбчивый паренек, запутавший Объемова пересчетом российских рублей в белорусские за сто граммов коньяка, не предусмотренного в оплаченном (уже не *усиленном,* а *ослабленном*) завтраке. «Вчера вечером здесь была женщина, кажется, Каролина», — осторожно заметил Объемов. Паренек развел руками: «Я работаю в ресторане на втором этаже. Меня попросили ее заменить, наверное, заболела».

В перерыве между заседаниями в центральной городской библиотеке имени Янки Купалы Объемов озадачил Серафима (Фиму) Лупана неуместным откровением. Мол, снял с фонарного столба на автостоянке телефончик, позвонил какой-то Олесе, а та… не пришла. Фима благодушно улыбнулся в ухоженную седую бороду, никоим образом не осудив старого приятеля (они подружились сорок лет назад на всесоюзном совещании молодых писателей),

но и промолчав о своих ночных при(зло?)ключениях. Он никак не походил на человека, которого ночью откачала «скорая помощь».

С давних времен Объемова изумляла и восхищала способность Фимы респектабельно и опрятно выглядеть наутро после самых диких и безобразных гулянок. Во времена СССР Объемов и Фима часто пересекались на писательских съездах, семинарах и *днях советской литературы* в разных областях и республиках необъятного СССР. После 1991 года размах подобных мероприятий резко сузился, утратил державную мощь, однако алгоритм их проведения остался прежним. Хмельная тень СССР все еще тянулась за писателями из России и их пишущими на русском коллегами из бывших республик, а ныне независимых государств. А может, этот алгоритм не зависел от того, при капитализме, социализме или феодализме (дальше Объемов не заглядывал) существовало общество. *«А у поэта всемирный запой, и мало ему конституций»*, — еще черт знает когда провозгласил Александр Блок.

«Мне нельзя иначе, — помнится, объяснил свой феномен Фима полуживому после ужина на базе отдыха «Долина нарзанов» в Кабардино-Балкарии Объемову. — Детский поэт обязан быть *чистым, красивым и добрым,* особенно если он… пишет стихи о Ленине».

В автобусе Фима охотно прикладывался (и давал приложиться Объемову) к красивой серебряной фляжке с добрым молдавским коньяком. Приметливый Объемов заинтересовался эмалевым гербом на фляжке, разглядев в нем среди стрел и сабель... два кривых в капельках крови клыка. «Герб рода графа Дракулы, — объяснил Фима, — его потомки заказали мне поэму». — «Для детей?» — удивился Объемов. «Влад Дракула теперь во всех румынских и молдавских учебниках, — с едва заметной иронией, совсем как раньше, когда на днях советской литературы, допустим, в Хакасии, он читал на молдавском стихи о Ленине, улыбнулся Фима. — Пламенный борец за свободу Трансильвании против... русской тирании». — «Но ведь Русь тогда сама сидела под татарами», — напомнил Объемов. — «Ты забыл, — рассмеялся Фима, — Дракула был вампиром-долгожителем, есть версия, что он дотянул до девятнадцатого века».

Жаль, подумал Объемов, что не слышит Анна Дмитриевна Грибоедова. Она как-то неожиданно задремала, прислонившись головой к окну. Очки-улитки готовились соскользнуть с кончика носа, как с наклонного сучка. Самому ему не хотелось спорить с импозантным, легко переориентировавшимся с Ленина на Дракулу Фимой. Объемов даже засомневался: а вдруг это какой-то другой гостиничный боров чуть не задавил Олесю тяжелым, как унитаз, пузом? И еще: о Ленине ли читал в далекие советские годы стихи Фима на молдавском языке в залах, где никто, кроме него, не знал этого языка? Вдруг он просто материл вождя мирового пролетариата и советскую власть, а доверчивые слушатели ему бурно аплодировали? А сейчас Фима — депутат молдавского парламента — рассказывает на встречах с избирателями, как дурил русских лохов…

— Зачем нас везут в аэропорт? — спросил у Фимы Объемов, возвращая коньячную фляжку.

— Скорее всего, на них повесили заключительный банкет, — объяснил Фима. — Но вообще-то, малая авиация — хорошее дело, за ней будущее. Надо посмотреть, какая там полоса.

— Зачем? — удивился Объемов. — У тебя что, есть личный самолет?

— Люди из Трансильвании раскопали интересные документы в монастырских архивах, — объяснил Фима. — Хотят видеть меня немедленно. Если

полоса готова, они пришлют за мной самолет. Два с половиной часа — и я в Брашове, в замке Дракулы.

— К чему такая спешка?

— Я спросил, — пожал плечами Фима, — они ответили: «Дракула все делал быстро».

— Как Ленин, — ляпнул Объемов.

— Даже быстрее, — усмехнулся Фима.

Откинувшись в автобусном кресле, глядя на аристократически прогуливающихся по убранным белорусским полям аистов и *народно* путающихся у них под ногами грачей, Объемов подумал, что все эти годы он недооценивал Фиму, не придавал значения однажды вскользь произнесенной им по какому-то незначительному поводу фразе: *«Жизнь — это результат».* Сегодня *результат* был налицо. За Фимой потомки графа Дракулы были готовы прислать самолет, а Объемов на десятилетнем додже собирался пилить через всю Беларусь в свой разваливающийся дом в нищей деревне Невельского района Псковской области. И аплодировали на конференции Фиме сильнее, чем Объемову, почти как в советские времена, когда он читал в домах культуры стихи о Ленине. Особенно понравились местной и приглашенной творческой интеллигенции слова Фимы о том, что *русский язык уходит, чтобы никогда не вернуться.* Но мы, успокаивающе подмигнув Объемову, смягчил угрюмый прогноз Фима, литераторы разных национальностей, жившие в СССР, обречены *доживать* с этим языком, как с хомутом на шее, потому что *творили,* существовали в его среде в свои лучшие годы. Нам поздно переучиваться. Мы — пленники, притороченные к стремени *умирающего всадника на издыхающей лошади.* Фиму, похоже, увлекла конная *тема.* Неужели держит лошадей? — подумал Объемов. Но следом за нами, продолжил Фима, идут поколения, которым русский язык не нужен. Они не будут его изучать даже не потому, что он для них генетически неприемлем, как *язык* поработителей, а потому, что никто никогда не изучает *язык проигравших и побежденных.* Когда народ теряет волю и энергию, язык вырождается, превращается в одолеваемого рассеянным склерозом, забывающего собственное имя старика-маразматика. У русского языка за пределами России будущего нет. Проблематично его будущее и в самой России — на территориях, населенных другими этносами. Но я, завершил выступление Фима, буду до конца своих дней любить русский язык, говорить на нем и верить в его *победу*, как верили в нее советские люди в сорок первом году! В разгромившей фашистскую Германию армии команды отдавались на русском!

Оживленная дискуссия о печальной судьбе русского языка продолжилась на «круглых столах». Объемов, естественно, опроверг Фиму (тот, правда, был на другом «круглом столе» и не слышал), приведя в пример немецкий язык, интерес к которому в мире, особенно в Европе, стабильно растет. Немцы что, не проиграли Вторую мировую войну, не пережили национальную катастрофу? Можно подумать, они сейчас осмелели? Нет! Безропотно принимают толпы беженцев, живущих за их счет, лапающих их фрау и плевать хотевших на их порядки! Возражать Объемову взялся какой-то литовец, по всей видимости, потомок прибалтийских нацистов. Он заявил, что разница между отношением к немецкому и русскому языкам заключается в том, что немецкий народ не был сломлен, бился против всего мира до последнего, *заархивировав в душе* (так выразился этот литовец) *синдром отложенной победы.* Русские же в девяносто первом году, обладая самой сильной армией в мире, сдались Западу без борьбы. Поэтому, сделал вывод фашиствующий литовец,

русский язык — не только язык проигравших и побежденных, но еще и язык *сдавшихся,* то есть *втройне* позорный язык. Объемов запустил в литовца блокнотом, тот в него — открытой пластиковой бутылкой с водой. Бутылка до Объемова не долетела, как из шланга, веером окатила «круглый стол». Больше всех досталось молодящейся украинской поэтессе. С нее потекла косметика. Поэтесса завизжала как резаная. *Модератор* оперативно закрыл дискуссию. Подготовившие выступления участники возмущенно задвигали стульями. Литовец как-то незаметно исчез из зала. Позже выяснилось, что он торопился в аэропорт на рейс… в Москву.

Сделав вывод, что больше его никогда не пригласят в Беларусь ни на одно литературное мероприятие, Объемов странно успокоился, перестал гоняться за белорусскими начальниками со своими книгами, проникся неожиданной внутренней свободой. Следом за ощущением свободы к нему вернулось (как библейский *блудный сын* после долгого отсутствия) *достоинство.* Объемов перестал робеть, отважно провозглашал на банкетах тосты за русский язык и великую русскую литературу, потребовал у организаторов конференции карту дорог Беларуси, которую ему тут же испуганно принесли. Уже и строгая Анна Дмитриевна Грибоедова одобрительно поблескивала в его сторону очками-улитками, а украинская поэтесса уточкой отходила от него подальше. В последний день конференции писатель Василий Объемов, можно сказать, был счастлив как человек, ставший самим *собой.*

8

Гостей принимал директор аэропорта. Он сообщил, что *подлетное пространство* контролируют специально обученные соколы. Один такой сокол действительно стрелой пронесся высоко в небе. Его преследовала стая верещащих ласточек, явно не выдерживающая темпа погони ворона. Сведущий в орнитологии директор объяснил, что молодые хищные птицы не сразу осознают свою природу, первое время робеют нападать на других птиц, чем те пользуются, атакуя неопытных хищников большими стаями. Но потом, успокоил директор, все становится на свои места. Объемову стал ясен план вороны. Когда гонимый ласточками юный сокол обессилеет, подтянувшаяся ворона добьет его чугунным клювом, а заодно и полакомится свежатинкой.

Участников конференции сводили в дубовую рощу, где протекала небольшая речка, показали бобров, устроивших там свои *хатки.* Потом провели по взлетно-посадочной полосе. Она оказалась выше всяких похвал — прямая, ровная, без единого шва, как путь праведника в рай. Потомки Дракулы могли смело присылать самолет в Ивье.

Прощальный ужин, как и предсказал опытный Фима, организовали в светящемся металлом и серебристым пластиком зале нового аэропорта. Когда солнце зашло, над аэропортом образовался туман. Сидя за столом между Фимой и Анной Дмитриевной, Объемов вдруг вспомнил другой аэропорт — столицы Словакии Братиславы.

…Пятнадцать лет назад, тоже ранней осенью, он возвращался из Вены со съезда русскоязычных литераторов в Москву через Братиславу. Он попал на этот съезд случайно. Никто его, естественно, не приглашал. Русскоязычные литераторы (в основном выехавшие в Европу по брачным объявлениям, но не нашедшие там счастья дамы и натурализовавшиеся неудачливые бизнес-

мены) понятия не имели о существовании писателя Василия Объемова. Как, впрочем, и он о рассеянных по Европе русскоязычных литераторах. Но съезд проводился на российские деньги по линии то ли МИДа, то ли Фонда «Русский мир». Кто-то из ожидаемых гостей в последний момент не смог лететь. Объемов удачно подвернулся под руку одному своему знакомцу — бывшему комсомольскому поэту, а ныне начальнику департамента в министерстве культуры. Он и отправил его в Вену, правда, ограничив в командировочных. Возвращаться Объемов почему-то должен был за свой счет.

Обратный билет из Братиславы стоил дешевле, чем из Вены, и Объемов решил сэкономить. За пять евро доехал на автобусе, не заметив границы от венского автовокзала Erdberg до братиславского Letisko, который местные славяне называли по-простому *Иванкой.*

Пока Объемов (он прибыл с большим запасом времени) бродил по *Иванке,* искал табло, интересовался номером регистрационной стойки, покупал в dutyfree (опять же, из экономии) бутылку иорданского *арака,* стоившую дешевле виски и даже местной *сливовицы*, на Letisko опустился непроглядный туман. Мир за пределами аэропорта как будто перестал существовать. Фары машин, как тупые спицы, скользили по непробиваемому белому полотнищу. По громкой трансляции объявили, что в связи с нелетной погодой аэропорт закрывается… на восемь часов. Машины, мерцая стоп-сигналами, красными бусами повисли на шее ведущего в город шоссе.

Letisko стремительно опустел.

Объемов в бешенстве (как гранату) выхватил из сумки бутылку. Он взял в dutyfree последнюю — из холодильника. Охлажденный и встряхнутый *арак* цветом и видом был один в один с поглотившим Letisko туманом. Лечить подобное подобным, вспомнил Объемов бессмертный афоризм, напряженно размышляя, чем будет закусывать пятидесятиградусный арабский самогон.

После шибанувшего в нос анисом арака настроение улучшилось. Даже некая прелесть открылась Объемову в сидении в братиславском Letisko, в то время как многие его собратья по перу и думать не могли о путешествиях по Европе. Достав из сумки книгу Иоахима Феста *«Адольф Гитлер»* с черно-белой фотографией фюрера на обложке, Объемов переместился поближе к окнам, где было светлее. Не то чтобы его сильно интересовал преступник номер один, книга случайно попалась на глаза, когда он собирал дома сумку. Тут обязательно будет про Вену, рассудил писатель Василий Объемов, задумчиво взвешивая в руке солидный том. Его всегда удручали лишние вещи в багаже.

Он начал читать Феста в самолете, но быстро заскучал. В Вене вообще хотел оставить *«Адольфа Гитлера»* в гостиничном номере, но постеснялся. Люди из отеля могли подумать, что он случайно забыл важную для него книгу, и передать ее организаторам съезда. Те — дальше по цепочке в российское посольство. Там бы начали выяснять, кто такой Объемов и как он попал на съезд? Книгу, понятное дело, ему бы не вернули, а вот ненужную известность, как *фашист,* он бы точно приобрел. Хотя, в силу малозначимости его личности для работников российских загранучреждений, это ничем Объемову не грозило.

Кроме него у окон в опустевшей секции расположились две женщины: молодая негритянка с торчащими из головы, как разноцветные карандаши, *дредами* и одетая не по возрасту — в джинсах и кроссовках — пожилая представительница белой расы. Приглядевшись, Объемов определил, что тугая, с трудом удерживающая себя на месте, пританцовывающая в кресле темнокожая девушка — не чистая африканка, а скорее всего, плод любви негра и

южноамериканской индианки (или наоборот, краснокожего индейца и черной как уголь негритянки). Его как будто опалило пламя этой любви, так живо вообразил себе Объемов сцену близости родителей девушки. Она была произведением другого мира, и этот мир был мощнее и первобытнее мира Объемова. Он с тревожной грустью подумал, что морально и физически изношенная (*обобщенная*) белая плоть не выдержит напора этого мира.

Мысль просквозила стороной, как (по Маяковскому) *косой летний дождь.* У Объемова не было инструментария, чтобы ее развить, довести до логического абсолюта, а главное — сделать выводы и определить пути решения проблемы. Все обрывалось в вакууме между *выводами* и *путями решения проблемы.* Решение отсутствовало. Обобщенной белой плоти было предназначено (кем?) существовать (доживать?) *вне решения.* Неужели, отстраненно ужаснулся писатель Василий Объемов, *закон* вечности в том, что *нет ничего вечного?* Миллионы лет по Земле ходили динозавры, и где они? Какая разница, какого цвета люди будут ходить по Земле через сто или двести лет? Тем более что меня-то уже точно не будет…

Вздохнув, он вытянул ноги и погрузился в чтение Иоахима Феста.

— Интересная книга? — вдруг услышал Объемов мелодичный, с акцентом голос. Оторвавшись от книги, он увидел, что старуха в джинсах и кроссовках сидит напротив него в кресле, уставившись в черно-белую фотографию Гитлера на обложке.

— Как вам сказать, — растерялся Объемов, — слишком много второстепенных подробностей, и еще мне не очень нравится перевод. Вы… говорите по-русски? — А что если, с раздражением подумал он, *забыть* этого Феста в аэропорту, чтобы никто ко мне не приставал!

— Говорю, — подтвердила старуха, — но больше читаю. Отец вывез мою мать из *Совдепии*. Она жила в Омске, а он служил в чехословацком корпусе, который захватил всю Сибирь и похитил золотой запас Российской империи. В Чехословакии при *Масарике* русский был в ходу.

Объемов внимательно рассмотрел неожиданную собеседницу. Не такая уж она оказалась и старуха. У нее было довольно гладкое, слегка помеченное пигментными пятнами, подтянутое лицо, серые прозрачные глаза в птичьих лапках морщин, и седые, словно заиндевевшие, волосы, забранные сзади в мотающийся плетью хвост. В аэропорту было тепло, но рядом с этой дамой Объемову стало холодно, как будто она шагнула к нему из холодильника, забыв прикрыть за собой дверь. *Молодая старуха*, вспомнилось гениальное определение Достоевского. *Старуха, вернувшаяся с холода*, перефразировал название знаменитого романа Джона Ле Карре Объемов. Дух каждой нации, вспомнил он мудрые слова этого писателя и шпиона, находит отражение в характере деятельности ее *разведки.* И не удержавшись, снова перефразировал: «Дух каждой нации находит отражение в характере деятельности ее *старух*». Интересно, подумал Объемов, какая нация отражена в характере деятельности этой старухи?

— Я слышала его в Праге весной тридцать девятого, — кивнула на фотографию *старуха,* — но тогда он выглядел старше. У него были мешки под глазами и дергалась щека.

— Это фото… — зашелестел страницами Объемов, — тридцать второго года, за несколько месяцев до прихода к власти.

— Мне было четырнадцать лет, я стояла с цветами на Парадном дворе в Граде, а он говорил из окна. В тот год была ранняя весна, яблони и груши в

садах вокруг Града цвели. Он, наверное, видел из окна. Теплый ветер засыпал двор розовыми и сиреневыми лепестками. Мне было совсем не холодно.

— Вы помните, какие это были цветы? — задал странный вопрос Объемов.

— Белые гиацинты. Отец дал мне букет. Он хотел, чтобы я их подарила Гитлеру (у нее прозвучало *Хитлеру)*, но он тогда не спустился на площадь.

— Вы… по отцу немка? — предположил Объемов.

— Он был наполовину судетский немец, наполовину словак, — ответила дама. — Меня зовут Алгбета.

— Василий, — представился Объемов, — жду рейса на Москву. А вы…

— В Амстердам. Оттуда в Йоханнесбург, это в Южной Африке, и обратно.

— Не ближний свет, — уважительно заметил Объемов. Какое-то у нее *алфавитное* имя, подумал он, и сложное происхождение. — Южная Африка — прекрасная страна, — продолжил светскую беседу. Спрашивать, кем был озаботившийся букетом белых гиацинтов для фюрера отец Алгбеты, он не решился. Точно не Юлиус Фучик. В общих чертах Объемов знал историю возникшей в тридцать девятом году, когда вермахт вошел в Прагу, *независимой Словакии* — союзного Третьему рейху марионеточного государства, а потому догадывался, почему эта дама летит в Южную Африку. Она была с *той стороны.*

— Южная Африка давно не прекрасная страна, — ответила Алгбета, — я прожила пятьдесят пять лет на ферме в Северном Трансваале. Сейчас это провинция *Мпу… маланга,* кажется так. Я лечу в Йоханнесбург, чтобы оформить передачу местной общине земли и того, что осталось от фермы. Они ее год назад сожгли, а моего мужа Юхана убили. Он успел уложить двоих из старинного трофейного винчестера. Дед Юхана добыл его у англичан в битве при Кимберли сто лет назад во время англо-бурской войны. В подвале был огнемет, только Юхан не успел его заправить горючей смесью. Дочь сейчас живет в Голландии, но ей не дают гражданства, потому что мы не урегулировали имущественные отношения с правительством Южной Африки. Они недавно приняли закон о… reimbursement для BlankeZuid-Africanen. Как это по-русски? Компенсация за утраченное имущество. Ее дают только в том случае, если BlankeZuid-Africanen отказывается от всех претензий и разбирательства дела в международных судах. Тогда что-то выплачивают. Вырученных денег нам, пожалуй, хватило бы на полгода жизни в Словакии. В Голландии — нет, там все дороже.

— Могу только посочувствовать, — вздохнул Объемов. — Это называется *перестройка.*

— Возможно, — не стала спорить Алгбета, — но ферму не перестроили, а сожгли.

— Вы помните, — отложил в сторону книгу Объемов, — что произошло с Советским Союзом?

— Я пережила много *перестроек*, — сказала Алгбета, слегка, как показалось Объемову, дернувшись лицом при упоминании Советского Союза. — Чехословакия, Словакия, снова Чехословакия, наконец, Южная Африка…

— Значит, у вас есть опыт, — у Объемова возникла мысль угостить *алфавитную даму* араком. — Вы знаете, что надо делать.

— Делать? — переспросила Алгбета и… продолжила на немецком.

— Нихт ферштейн, — полез в сумку за бутылкой Объемов.

— Люди, не способные собрать силы для битвы, должны уйти, — вернулась к русскому Алгбета. — Это не мои слова, — уточнила, видя, что

Объемов не знает, как ответить. — Его! — ткнула пальцем в фотографию на обложке. — Он так сказал из окна пражского града.

— Какие люди? — уточнил Объемов. — Куда уйти?

— В никуда, — ответила Алгбета.— Силу, которую он имел в виду, уже не собрать. Вернее, ее не позволят собрать. Но она все равно соберется и… уничтожит тех, кто мешает ее собрать.

— Он вам нравится, — повернул Феста обложкой в сторону Алгбеты Объемов. — Вы сожалеете, что у него не получилось.

— Я его ненавижу, — не дрогнула Алгбета под пронзительным взглядом фюрера. — Он разрушил мою жизнь. Но был момент… на площади в Граде. Мне было пятнадцать, не знаю, как это звучит на русском… *Скрытый оргазм*, да, я его ощутила. Тот теплый весенний ветер с сиреневыми и розовыми лепестками… как будто влетел мне под юбку… С тех пор я в бесконечном полете, — добавила мрачно, — только уже без оргазма. После войны по лагерям. Потом через Аргентину в Южную Африку. Сейчас из Южной Африки в Словакию, а может, в Голландию, не знаю.

— Кем был ваш отец? — спросил Объемов.

— Министром почты в правительстве *Тисо*, — ответила Алгбета. — Коммунисты его расстреляли в сорок шестом. Адвокат мне сказал, что сейчас приговор можно обжаловать в европейском суде. Если он не совершал военных преступлений, могут даже назначить пенсию.

— Жизнь налаживается, — констатировал Объемов. — Хотите, подарю вам эту книгу?

— По-моему, вы хотите предложить мне выпить, — усмехнулась Алгбета. — Это самый верный способ наладить жизнь.

— Как товарищу по несчастью… Я имею ввиду *перестройку* и туман, — спохватился Объемов, свинчивая крышку с бутылки. Успокоительный запах аниса распространился по воздуху со скоростью перемешавшего лепестки и слова фюрера весеннего ветра, на порыв которого много лет назад столь неожиданно отреагировал юный организм Алгбеты. Он ее *согрел,* подумал Объемов, *растопил* ее *девство*, а потом она угодила в… *холодильник.*

— Перестройка и туман — это пауза, затишье перед очередным концом, — задумчиво произнесла Алгбета. — Сила не в нем. Она спит в людях. Если он знал, как *собрать ее для битвы*, значит, появятся и другие, кто сможет. Пусть даже отправная точка будет диаметрально противоположной. С кого он начал? С социал-демократов, душевнобольных, педерастов, евреев? Кто их уничтожал? Немцы и другие белые европейцы. Законы в Европе сегодня устанавливают те, кого он уничтожал. Белые в Южной Африке пострадали первыми. На очереди — *белые* в Европе. Суть в том, что *уничтожение* первично, а *отправные точки* вторичны. Зло может победить только более сильное зло, чтобы потом его победило еще более сильное зло. Он был всего лишь *звеном* в этой цепи. Звеном, но не цепью.

— Сбегаю за стаканами, — Объемов вспомнил, что видел прозрачную гусеницу (цепь?) из одноразовых (звеньев?) стаканов у агрегата с бесплатной водой.

— Почему вы? — возразила Алгбета. — Здесь есть… кому сбегать!

Пока Объемов смотрел по сторонам, Алгбета подошла к молодой, цвета тлеющих углей негритянке. Он не слышал, что говорила ей его новая знакомая, видел только ее прямую спину и вздрагивающий серебряный хвост на затылке, где прежде (Объемов в этом не сомневался) элегантно смотрелся пробковый шлем. Но негритянка, к немалому его удивлению, поднялась из кресла, упруго зашагала в сторону водяного агрегата.

— Летит вместе с вами? — проводил взглядом девушку Объемов. Ему казалось, она не идет, а прыгает, как мячик.

— Понятия не имею, куда она летит, — пожала плечами Алгбета. — Знаю только, что скоро *они* будут посылать *нас* за стаканами!

У впечатлительного Объемова, помнится, возникло странное ощущение, что он скользит в стеклянном лифте внутри новой — многоэтажной — реальности, прекрасно понимая, что открывающиеся внутри бесчисленных, как в Вавилонской башне, этажей картины жизни — миражи, ложь! Но иногда там мимолетно мелькало что-то похожее на *согревающую правду*, и он пытался зацепиться за эту, неуловимо носящуюся в воздухе, как сиреневые и розовые лепестки над Пражским градом, обманчивую правду, колотил по кнопкам на панели, но лифт не останавливался. Боже, ужаснулся Объемов, неужели из этого строительного материала создан наш мир? Есть ли в мире сила, способная *растопить* (не обязательно посредством *скрытого оргазма)* вселенскую ложь?

— Лехаим! — провозгласил он народный еврейский тост «За жизнь!», когда негритянка принесла стаканы. Объемов хотел и ей плеснуть арака, но взглянув в строгое лицо Алгбеты, понял, что делать этого не следует. Темнокожая красавица принесла, наверное, десяток плотно вогнанных друг в друга стаканов (звеньев). Алгбета извлекла два из середины. Ну да, подумал Объемов, нижний негритянка держала в руках, а в верхний могла… плюнуть.

— Лехаим! — подняла свой стакан Алгбета.

9

С легкой душой и ясной головой покидал Лиду писатель Василий Объемов. Ранним утром он внимательно изучил карту автомобильных дорог Беларуси и составил обратный маршрут в свою деревню километров на семьдесят короче того, каким приехал. Позавтракав на шведском столе, Объемов поднялся в номер за вещами, а потом спустился в холл, где, несмотря на ранний час, встретил доктора искусствоведения Анну Дмитриевну Грибоедову и знаменитого молдавского поэта Серафима Лупана.

Анна Дмитриевна недовольно тыкала пальцем в смартфон, а Фима, как всегда свежий и ухоженный, безмятежно покуривал в кресле. В холле нельзя было курить, о чем свидетельствовала табличка с перечеркнутой красной линией сигаретой, но для Фимы на столик возле кресла любезно поставили хрустальную пепельницу. Скользнув взглядом по окантованному (золотом?) кожаному с (золотой?) монограммой саквояжу Фимы, Объемов (в очередной раз!) вспомнил его афоризм: *«Жизнь — это результат».*

— Какой-то кошмарный бред! — швырнула смартфон на диван Анна Дмитриевна. — Она говорит, что все машины, обслуживавшие конференцию, отозваны в Минск. Дала номер какого-то местного дежурного, а он не отвечает. Сегодня воскресенье, в администрации никого нет!

— Куда вы собрались в такую рань? — поинтересовался, приветственно помахав рукой Объемову, Фима.

— В Селище, — обиженно ответила Анна Дмитриевна. — Раньше это было большое село, сейчас хутор. Там находилась усадьба графа Тышкевича. Уникальная для своего времени постройка. В одной из башен была обсерватория. Тышкевич сконструировал телескоп, в который можно было разглядеть кольца Юпитера. А еще он работал над *машиной времени,* определял

точки, из которых можно попасть в будущее. Он считал, что земля плывет сквозь время, как сквозь невидимое море, а прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно, только на разной глубине этого невидимого моря. Усадьбу хотел приобрести сам Жан Жак Руссо! Граф Тизенгаузен — родственник Тышкевича — вел с ним переговоры в Париже, но не сошлись в цене. Руссо, как и Вольтер, оказался скуповат. Я была уверена, что усадьба утрачена, остались только ее описания в письмах Тышкевича. Но женщина из кафе сказала, что недалеко от хутора сохранились часть фундамента и остовы двух башен. Этого же достаточно, чтобы начать восстановление! Подробный план усадьбы наверняка можно найти в архиве Руссо. Я должна все увидеть своими глазами!

— Женщина из кафе? — поставил сумку на пол Объемов. — Когда вы ее видели?

— Вчера случайно встретила в музее на выставке работ Каплана, — пояснила Анна Дмитриевна. — Она даже нарисовала, как туда добраться… Вот, смотрите, — вытащила из сумки свернутый лист, расправила на столе. — Это совсем рядом.

— Каплан… Кто это? — жадно уставился в нарисованный Каролиной план проезда в неведомое Селище Объемов.

— Великий художник, он рисовал в блокадном Ленинграде, — с сожалением посмотрела на Объемова Анна Дмитриевна. — А вообще, он родом из Беларуси, жил в местечке недалеко от Рогачева… Эта женщина была так любезна, что согласилась меня там встретить и все показать. У нее на хуторе какие-то дела…

— Во сколько? — перебил Объемов.

— Что во сколько? — Похоже, Анну Дмитриевну удивил внезапный интерес к развалинам усадьбы графа Тышкевича *жлоба*, не знающего, кто такой *Каплан.*

— Во сколько вы договорились?

— Она сказала, чтобы я постаралась к девяти, потом она должна уехать.

— Селище… — вытащил из сумки карту автомобильных дорог Беларуси Объемов. — Где же это? Ага! Селішча-2… Анна Дмитриевна, место называется просто Селище или Селище-2?

— Позавчера утром, — отвлек Объемова от изучения карты благоухающий дорогим aftershave Фима, — я переговорил с директором издательства «Лумина», они издают современную художественную литературу, иногда даже на русском. Это одно из крупнейших издательств Молдавии…

— Молодцы! — Объемов установил, что неприметные *Селішча-2* находятся недалеко от *Ивья,* куда они вчера ездили. Самое удивительное, что рядом проходило шоссе, по которому он собирался ехать до Молодечно, чтобы потом уйти на Витебск, откуда рукой подать до родного Невеля. Сама судьба звала писателя Василия Объемова в *Селішча-2*.

— Я пыталась вызвать такси, — в голосе Анны Дмитриевны проснулась надежда. Она недовольно косила очками на Фиму и даже пыталась бочком-бочком оттереть его от стола. — Они сказали, что смогут только через полчаса, а оплатить надо в оба конца. Ждать в Селище согласились только тридцать минут. Якобы больше нельзя по инструкции. Назвали какую-то несуразную цену, я не смогла перевести в рубли. Первый автобус из Лиды в ту сторону отходит только в одиннадцать тридцать. Я точно не успею!

— Мне нужны три твои последние книги, — продолжил Фима, игнорируя маневры Анны Дмитриевны. — Сначала напечатают на русском небольшими

тиражами. Если тиражи окупятся, переведут на румынский. У них налажено, переводчики хорошие, еще советской школы. Где румынский, там и итальянский с испанским и португальским. Я, как член попечительского совета издательства, попросил их подготовить контракт. Они вчера прислали, я утром распечатал на *ресепшене.* Черт! — сверкнул из-под белоснежного манжета сапфирами на часах Фима. — Контракт на молдавском, я хотел тебе перевести, объяснить, что и как. Понимаю, Молдавия в сравнении с великой Россией — ничто, но это шанс, Вася! Меня узнали в Европе только после перевода на испанский, а сейчас включили в издательскую программу Евросоюза, издают в двадцати восьми странах.

— Ну, мне-то это никак не грозит, — возразил Объемов. Он давно не слышал волшебных слов: тиражи, перевод, контракт...

— Почему? Ты критикуешь власть, ратуешь за свободу и демократию в… широком, так сказать, народном понимании. Не рвешь пасть за православие, не ругаешь гомосеков…

— Гомосеков? — удивился Объемов. — А… евреев?

— Евреев сейчас можно, — махнул рукой Фима. — Вдруг прокатит, а, Вася? Это же лотерея. Если я просочусь на следующих выборах в Европейский парламент, то обязательно попрошусь в комиссию по толерантности и культуре, кажется, так она называется… Мы с тобой сейчас сядем, выпьем по чашечке кофе, посмотрим контракт, ты дашь мне свои книги, а потом…

— Селище... — Объемов неожиданно вспомнил помятый жестяной, партизанский какой-то указатель «*Селiшча-2 — 26 км*» на грунтовой лесной дороге по пути в аэропорт. — Я знаю, как туда ехать! Анна Дмитриевна, мухой в машину! Я довезу, а обратно вы как-нибудь… Да на автобусе, который из Лиды в одиннадцать тридцать! Он же поедет обратно?

— Подожди-ка, — склонился над картой Фима, — это же совсем рядом с аэропортом в Ивье, где мы вчера были.

— Да-да, Ивье… — Слова Фимы как будто не доходили до сознания Объемова. Он не верил в предстоящие переводы и европейскую известность. Мир, где процветал молдавский поэт Серафим Лупан, некогда сочинявший стихи о Ленине, был устроен так, что туда не было пути русскому писателю Василию Объемову, не написавшему о Ленине ни строчки. Какие переводы? Какой контракт? О чем он? Объемов был готов допустить, что результативному Фиме чего-то от него надо, если бы наверняка не знал, что у него нет ничего, что могло бы понадобиться Фиме. *Результат* Объемова был *ноль!* Хотя, подумал он, правильно приставленный к цифре, ноль увеличивает ее в десять раз, а неправильно — превращает цифру в ноль. Но зачем Фиме мой ноль*?*

— Я разве тебе не говорил, что за мной прилетит самолет? — спросил Фима. — Приземлится в этом Ивье, — посмотрел на часы, — через… двадцать минут. Они подождут сколько надо, но я… вроде бы здесь почти все закончил. Собственно, я… уже собрался. Поедем вместе до Ивья, высадим Анну Дмитриевну в Селище, поговорим о контракте. Я попробую выбить для тебя небольшой аванс, думаю, на две тысячи евро они согласятся, — хлопнул по плечу Объемова Фима. — Ну, а дальше как получится…

— Аэропорт же собирались открывать только через две недели? — вспомнил Объемов.

— Это будет пробное открытие, — сказал Фима. — Знаешь, породистую кобылу никогда первым не покрывает жеребец-производитель. Это делает специально обученный ласковый конек, его называют *пробник.* Его задача — *разохотить* кобылу. Думаешь, аэропорт сильно отличается от кобылы?

— Тогда вперед! — подхватил сумку Объемов. — Ждите с Анной Дмитриевной в холле, я подъеду со стоянки.

— Б...! Не получится! — огорченно ударил кулаком в растопыренную ладонь Фима, перепугав Анну Дмитриевну. — Я с вами не смогу, совсем забыл, мне должны привезти файл с документами от одного господина из белорусской торговой палаты. Как его… — достал из кармана визитную карточку. — Витольд Аркадьевич Шмуклер. Хочет разливать в Беларуси молдавское вино и поставлять в Россию в обход санкций, как белорусское.

— Разве в Беларуси растет виноград? — Объемов укорил себя за глупые подозрения в отношении Фимы. Господи, кому я нужен, горестно подумал он. Фима хочет мне помочь по старой дружбе, а я...

— Еще как растет, — раздался скрипучий голос Анны Дмитриевны Грибоедовой. — В имении графа Тышкевича каждую осень собирали по несколько центнеров отличного белого винограда двух сортов — *«Лора» и «Аркадия»*. Василий Тимофеевич, так мы едем или нет?

— Он просил посмотреть бизнес-план, — с сожалением продолжил Фима. — Если дело покажется мне интересным, водитель заберет меня к этому… Шмуклеру в усадьбу, там обсудим детали. А потом отвезет в Ивье к самолету, так мы договорились. Но кто сказал, — поднял вверх указательный палец Фима, — что дело показалось мне интересным? *Белорусская семга* или *персики* еще туда-сюда, но белорусское вино… Да еще на экспорт в Россию? Нереально! — Фима вырвал листок из блокнота, достал ручку. — Напишу записку, — весело подмигнул Объемову, размышляющему о двух тысячах евро и недовольно посматривающему на прижимистую, совсем как Руссо с Вольтером, Анну Дмитриевну. Он не поверил в ее сказку про такси.

— Я по телефону проконсультировался с партнерами в Молдавии, и они сочли проект малопривлекательным. Поэтому… *Лареведере!* На молдавском языке это означает *до свидания!* — Фима отнес записку девушке на *ресепшен*, взял свой царский саквояж и вместе с Анной Дмитриевной направился к выходу.

10

Первый раз их притормозили на выезде из Лиды. Парень в камуфляже велел открыть багажник, а человек в черном кожаном пальто заинтересованно заглянул в машину. Он скользнул быстрым взглядом по Объемову и Фиме, а у нахохлившейся и что-то пробормотавшей про *последнего диктатора Европы* Анны Дмитриевны проверил паспорт. Человек в кожаном пальто, похожий на коня, объяснил, что, возможно, их еще остановят, потому что они будут проезжать через зону военных учений.

— Наверное, это был *пробник*, — заметил Фиме Объемов, когда отъехали.

— Да пусть проверяют сколько хотят, — отмахнулся Фима. — Нам нечего скрывать.

Вторая проверка состоялась на перекрестке перед съездом на грунтовую дорогу возле жестяного партизанского указателя «Селішча-2». Там под деревом стоял БТР, а дорогу перегородил шлагбаум. Скучающий лейтенант поинтересовался, зачем они едут в Селище, на что Анна Дмитриевна дала ему гневный и исчерпывающий ответ.

Селище и впрямь оказалось крохотным хутором, окруженным яблоневыми и грушевыми садами. Ветки клонились к земле под тяжестью плодов,

как натруженные крестьянские руки. Вместо Каролины Анну Дмитриевну встретила директриса библиотеки из Ивья, которая вчера была на ужине в аэропорту. Объемов вспомнил, что по ее просьбе подписал читателям этой библиотеки последние остававшиеся у него книги. Не везти же обратно! Ольга Ильинична, так звали директрису, сообщила, что Каролина не смогла приехать в Селище, но попросила ее, и она специально приехала из Ивья на велосипеде, чтобы показать Анне Дмитриевне развалины усадьбы.

Остовы двух башен и фрагмент фундамента походили издали на челюсть с двумя подгнившими зубами. Библиотекарша успела рассказать, что *при поляках* усадьба была в хорошем состоянии, но в сорок первом ее сильно попортили немцы, а окончательно добил Хрущев, распорядившийся залить бетоном близлежащий источник, куда местные католики ходили за святой водой. С бетоном в стране была напряженка, поэтому не подлежащую восстановлению усадьбу оперативно взорвали, а источник завалили обломками, о чем немедленно известили Хрущева, еще не успевшего отбыть из Гродно. Возмущенная Анна Дмитриевна назвала это *архитектурным геноцидом*, объявила, что организует в славянских странах сбор средств на восстановление усадьбы. Граф Тышкевич, оказывается, был не только астрономом и путешественником во времени, но еще и панславистом, мечтавшим о единой всеславянской демократической державе-матери. Объемов пообещал Анне Дмитриевне поддержку Союза писателей России, а Фима — молдавского парламента и ЮНЕСКО.

Объемов полюбопытствовал, как проехать из Селища в Ивье. Библиотекарша объяснила, что через поля будет гораздо быстрее, чем по грунтовке, главное же, не придется возвращаться назад.

— Дорога приличная, хоть и малоезжая, — заверила она, — ее только местные знают. Я за сорок минут на велосипеде долетела. Сразу за хутором налево, а дальше все время прямо через подсолнухи.

Объемов едва разглядел эту дорогу, травянистой змейкой вьющуюся между двух полей с едва не попадающими в окна машины, как летающие тарелки, подсолнухами.

— Помнишь, ты спрашивал меня про *Олесю*, которая не пришла к тебе в номер? — приспустив стекло, закурил ароматную сигарету Фима.

— Да? — насторожился Объемов. — Хочешь признаться, что она пришла к тебе?

— Не важно, к кому она пришла, — стряхнул пепел на дорогу Фима.

— А что тогда важно? — удивился Объемов.

— Я ей кое-что обещал, — сообщил Фима.

— И не выполнил? — поежился Объемов, вспомнив железный каблук на своей пояснице. Ему показалось, что вместе с дымом сигареты Фимы в окно улетают его надежды на аванс в две тысячи евро и европейскую славу.

— Она попросила кое-кого подвезти и сказала, где он будет нас ждать. Надеюсь, ты не возражаешь? Стоп! Вот он! Тормози.

— Его подвезти? — испуганно дал по тормозам Объемов, узнав в уверенно вышедшем из подсолнухов человеке без вести пропавшего шестнадцать лет назад *Лешку* — мужа Каролины, пилота ВВС Беларуси, чью фотографию ему два дня назад показывал *борода*.

— Она попросила подвезти этого паренька до аэропорта в Ивье. Я обещал, что здесь такого? — пожал плечами Фима. — Все ведь по пути.

— Он… без вещей? — Объемов увидел, что спокойно идущий к машине *Лешка* выглядит точно так же, как на давней фотографии. Окажись сейчас рядом с ним Каролина, они бы смотрелись как мать с сыном.

— Без вещей? — переспросил Фима. — Кто его знает. Есть такие люди, любят путешествовать налегке. Я, кстати, тоже. А он нет! Видишь, у него за спиной рюкзак.

— Далеко везти? — угрюмо поинтересовался Объемов.

— Не беспокойся, — засмеялся Фима, — только до самолета.

— Возьмешь его с собой в замок Дракулы? — Объемов обреченно наблюдал, как *Лешка* открывает дверь и садится на заднее сиденье.

— Поехали, — посмотрел на часы Фима. — Нехорошо заставлять пилота ждать.

— Кто ты? — задал против собственной воли глупый вопрос Объемов.

— Я? — удивленно посмотрел на него Фима. — Добрый самаритянин, помнишь Библию? Хочу помочь парню, оказавшемуся в сложной ситуации. Не бросать же его… в подсолнухах? Ведь если поймают… как пить дать *распнут*!

— Кто он?

— Ты знаешь, — усмехнулся Фима. — Помнишь старую советскую песню: *«Где же ты, где же ты, человек с рюкзаком?»* Исполняла… Эдита Пьеха, кто же еще? Мы нашли *человека с рюкзаком*, а ты не радуешься!

Оставшуюся часть пути проехали в тишине, нарушаемой глухими ударами подсолнухов по крыше машины.

Но вскоре они, как солдаты, расступились. Травяная дорога уперлась в бетонную полосу аэропорта для малой авиации. В конце полосы Объемов увидел самолет, похожий на изящное железное насекомое.

Возле него притормозил.

Фима и *Лешка* выбрались из машины.

Поднимаясь по высунувшемуся из самолета, как язык, трапу, *Лешка* оглянулся и внимательно посмотрел на Объемова. Неужели, ужаснулся Объемов, и мне суждено испытать… *скрытый оргазм*? Но обошлось. Староват я для такого, решил он.

— Фима, ты что-то забыл! — крикнул Объемов, заметив на заднем сидении белый конверт.

— Это твое, — помахал рукой с трапа Фима. — Контракт остается в силе!

Трап-язык, обернувшийся по ходу дела дверью, втянулся в самолет.

Неслышно загудели двигатели.

Объемов отъехал в сторону.

Разогнавшись, самолет оторвался от полосы и быстро растворился в осеннем небе.

Объемов в ужасе выскочил из машины, бросился на землю. Он как будто воочию увидел столб огня и взлетающие вверх обломки своего верного «доджа».

Но ничего такого не случилось. Насмотрелся боевиков, — кряхтя, поднялся с земли, отряхнул штаны Объемов. Он открыл дверь, подтянул к себе конверт, уже зная, что обнаружит там две тысячи евро и контракт на языке графа Дракулы.

2015—2017 гг.

Виктор ШНИП

Еще не поздно что-то изменить

Сад вечного одиночества

Хочется плакать. Мое одиночество
Слезы скопило под небом моим.
Падают листья осенним пророчеством,
А от костров — только искры и дым.

Ветер гуляет над садом покинутым,
Старые яблони — словно ничьи.
Радость давно листопадом отринута,
Хоть на весь мир об утрате кричи.

Быстро листва прогорает. Как порох…
Дым поднимается к небу опять.
Много травы наросло у забора,
Так и останется там зимовать.

Молча пойду от садовой ограды.
В шум городской возвратиться не рад.
Будут мне сниться теперь листопады,
Будет мне сниться покинутый сад.

Каркают вороны…

Каркают вороны то и дело,
Ветер листья рвет как ошалелый,
А на листьях — красная печать.

Золотятся все кресты на Храме,
Свечки на могилах гаснут сами,
Люди, как подсудные, молчат.

Никому теперь нет утешенья,
Только скачут тени, только тени
Ведают пути из небытья.

Свечки гаснут, и уходят люди.
Красный цвет во всей округе будет.
Листики с осин к земле летят.

* * *

Туман вечерний вновь заполонил просторы,
И слышен птичий крик под куполом небес.
Тоскливое житье — пока еще не горе,
Хотя глядишь на мир то со слезой, то без…

А во дворе моем шумит, горланит праздник.
От въехавших возов не оседает пыль.
И полный дом гостей своим весельем дразнит,
Но веселиться мне уж не хватает сил.

Пройдет дурной настрой, как тень от тучи черной,
И будут, как всегда, и день, и жизнь, и сон.
И будем каждый день глядеть в тоску простора,
Куда умчалась пыль и уплывает звон.

На сером снегу…

Здесь серый снег, и черные грачи
Расклевывают тени под собой.
Здесь корни трав разбужены весной.
Речных разводьев черные зрачки
Глядят на небо, где ветра пасут
От зимних дней остатки белизны,
А тучи мокрый снег еще несут,
Не понимая тщетности возни
За сохраненье власти в высоте,
Но в марте дни давно уже не те…
Весна не за горой. Она пришла
Деревьям снова хочется тепла,
Чтоб шум листвы услышать над собой.

…На сером фоне черные грачи,
И лед в реке, проснувшейся почти…

* * *

Еще не поздно что-то изменить,
Несказанные высказать слова.
Еще меня ты сможешь полюбить
Чуть-чуть иной любовью, чем была.

И этот мир, где мы с тобой живем,
Не будет клеткой золотой для нас.
И мостик в рай осветится огнем,
Который не заметен нам сейчас.

Еще не поздно что-то изменить,
Но рвется путь, как Ариадны нить…
И я теперь один, и ты одна.

И можешь ты меня еще любить…
Я горького вина не буду пить…
Но черный день меж нами, как стена.

Сказка про таверну смерти

Пришел я однажды в таверну ночную,
Увидел, как девушка кофе смакует,
Густой, черный кофе, и курит взатяжку.
«Скажите, а жить одиноко не страшно?..» —
Спросил я у девушки, рядышком стоя.
Она мне в ответ: «Приближаться не стоит.
Меня ты не знаешь, и знать-то не надо.
Тут много девиц и доступных, и ладных…»
Но я ощущаю ее притяженье,
Минуты, как вечность, теряют движенье.
И думать не думаю я о греховном,
Но в разум врезается каждое слово:
«Ты будешь моим. Тебе хочется смерти?..»
… Гляжу, а в таверне — не люди, а черти.
Припомнить молитву — забыл, как молиться,
Но вспомнил, что нечисть креста убоится.
«Твое это горе — не веришь ты в Бога…
Но жаль мне тебя, дурака молодого.
Беги из таверны… под небо, под звезды…
Беги из таверны, покамест не поздно…»

Я выбежал в страхе, не чувствуя тела,
И в черное небо таверна взлетела.

* * *

Еще будут высокие, мягкие травы.
В этих травах с тобой мы заблудимся ночью…
Черный кофе мы выпьем, как горькую правду,
Чтоб часы до рассвета не стали короче.

А пока дождь и ветер стучат в наши окна
И срывают листву, словно старые маски,
С низкорослых кустов и с деревьев высоких,
И с трубы водосточной отставшую краску.

Но дожди над землею утихнут помалу,
В черных лужах утонут далекие звезды.
Как нам радости часто с тобой не хватало,
Как с тобой погрустить нам сегодня не поздно!

И глядишь ты в окно, словно в вечность немую.
Что ты видишь, скажи, за сырой пеленою?
Говоришь, что жалеешь пчелу золотую,
Унесенную с розы водой дождевою?

Еще быть нашим дням и теплее, и суше,
Будут пчелы, как прежде, в цветах копошиться.
И пойду я из дома за хлебом насущным,
А ты в церковь пойдешь за детей помолиться.

* * *

Без тебя нет мне в мире покоя,
Потемнел белый свет без тебя.
Помахав на прощанье рукою,
Ты ушла в королевство дождя.

Я теперь вместе с кленом листаю
На ветру свои листики дней.
Я к тебе облака посылаю,
Как почтовых своих голубей.

В голове моей мысли — как в улье…
Ожидание сводит с ума.
Ты сказала: «Тебя не люблю я,
Ведь тебя полюбила зима…»

Мне дорога к тебе — как икона,
Все гляжу на нее и гляжу.
Завтра утром за край небосклона,
В королевство дождя ухожу.

Перевод с белорусского Юрия МАТЮШКО.

Николай КРАВЦОВ

Пять рублей решают все

Рассказ

Отец умер неожиданно. Как всегда после завтрака курил у окна, любуясь октябрьской листвой во дворе. Совсем не обращал внимания на холодный ветерок из форточки, игравший с его седой челкой. Вдруг присел на табурет и с растерянным лицом тяжело вздохнул.

— Да, ну, ладно!.. — непонятно кому это было сказано: себе, Богу или сыну.

Сигарета упала на пол. Глаза обессмыслились. Глухой удар рухнувшего тела и резкий стук опрокинутой табуретки. Вершинин-старший лежит с открытыми глазами в картинной и в чем-то даже трогательной позе. Господин ректор скончался. Младший Вершинин был так поражен этим тихим и быстрым уходом, что даже не заплакал, хотя отец был лучшим другом и вообще единственным близким человеком. Вершинин закрыл усопшему глаза. На полу дымится сигарета. Зачем-то непременно захотелось докурить ее. «То, что отцы не допели, мы допоем! То, что отцы не достроили — мы достроим!» — совсем уж издевательски мелькнуло в голове. Надо было звонить в ректорат и огорошивать дружный коллектив.

Похорон Вершинин не любил, и то, что все хлопоты по организации взяли на себя университет и городское начальство, пришлось по душе. Как водится, по смерти большого человека все получилось раздражающе пафосно и растянуто. Панихида в заполненном кафедральном соборе. Бесконечные речи у свежевырытой могилы на Аллее Почета — с неизменным соблюдением табели о рангах. До тошноты знакомая казенная лирика с поправкой на «масштаб личности». Поминки в банкетном зале Оперы — с руководством университета, и уж конечно, не без областных и городских шишек. Вершинин томился. Неприятно видеть раскормленные физиономии, скорбно вспоминавшие об исключительных человеческих качествах покойного, в деталях, странных для людей, мало его знавших. Еще противней, что коллеги, не очень любившие безвременно ушедшего ректора, интриговавшие все девять лет его правления и метившие на ректорское кресло, вдруг ощутили невыносимую тоску по светлой улыбке и чарующей манере вести беседу.

«Вселиться бы в вас, мерзавцы, и озвучить то, что вы думаете на самом деле! — подумал Вершинин после очередной порции официозных соплей. — Как в той книге…»

* * *

Удивительно, что вспомнил о книге… Вроде давнее дело и пустяшное.

Лет десять тому — стажировка в Париже. Французский коллега, истовый католик, уши прожужжал книгами Аббата Жюлио. Концепция даже заинтере-

совала Вершинина. Правильный подбор молитв, формул обращения к Богу и рисунков на пергаменте могут гарантировать исполнение прошений лучше, чем бытовое, любительское богопросительство. Однажды, как нарочно, проходил мимо книжной лавки, где это продавалось. Задержался у витрины. Чепуха, конечно, но на всякий случай можно купить, как обереги. Зашел внутрь. Видимо-невидимо свечей, крестов, медальонов, и конечно — книг. Все труды Аббата Жюлио в наличии. Вершинин выбрал краткий сборник молитв на все случаи, руководство по грамотному чтению псалмов на разную потребу и зачем-то толстенную книгу экзорцизмов и молитв на пергаменте. Собрался было расплатиться и уйти, как вдруг приметил тонкую книжицу, скорее брошюрку. «Техника введения в одержимость». Имя автора ничего не говорит. Полистал. Редкостная чушь. Но именно поэтому прибавил ее к стопке покупок.

В съемной квартире не удержался, полистал. Репринт скучной работы доморощенного мистика конца девятнадцатого века. Автор утверждает, что после серии упорных тренировок можно научиться выходить из своего тела и занимать на время тела других, делая их «одержимыми собой». Список упражнений занимал большую часть объема, был педантичен, скучен и напоминал дешевые пособия по технике гипноза или медитации. Автор не забыл предусмотрительно заметить, что овладение техникой требует упорной многолетней и ежедневной подготовки. Перерыв на пару дней чреват обнулением достигнутых результатов. В общем, как мог подстраховался от обвинений в бесполезности сочинения. Была и вишенка на скучном торте. «Чудесно одаренные природой и Богом» люди, которых в мире единицы, оказывается, могут овладеть искусством введения в одержимость с ходу, безо всяких тренировок. Вершинин не выдержал. Швырнул брошюру в чемодан, куда складывал то, что точно не понадобится до возвращения в Россию. А по приезде не задумываясь забросил на дальнюю полку и позабыл.

* * *

После отцовских сороковин книжка попалась на глаза. Миновало отупение и хотелось что-то делать. Решил разобрать книги и выбросить принципиально ненужные. Алена дремала в кресле-качалке, расставшись с надеждой на проявление мужского интереса. Вершинин поглядывал на нее. Яркая, русая, с очаровательными губками; не вполне в его вкусе: чуть склонна к полноте, но держит себя в форме. В хорошем настроении изумительно красиво смеется, любит подурачиться. В плохом может быть склочной до невыносимости. Нет, все-таки красотка. В последнее время стали часто бывать вместе. Аленка еще официально не развелась, но семья— уже формальность. Раньше ночевали в недорогих гостиницах — папа барышню категорически не одобрял и видеть не желал. Теперь можно. Покойник был, конечно, прав — простовата, нагловата… Но сейчас самое оно! Браком не грезит, детей не планирует, на шесть лет младше. И великолепная любовница. Вершинин всегда поражался тому, как у Алены получается ночи напролет проводить в сексуальных излишествах, не без возлияний, просыпаться рано и как ни в чем не бывало весь день заниматься бесчисленными проектами. Хваткая. Три образования — экономист, юрист, психолог. Все время что-нибудь придумывает. Одни проекты лопаются сразу, а другие дают заметный быстрый доход. Каким-то чудом успела к разводу накопить на квартиру. Пусть стройвариант, но в хорошем районе. И глав-

ное — никаких обязательств. Отец ненароком привил Вершинину скептицизм в отношении брака. Не смог простить жену-кукушку. Был третьим мужем. Звезда местной оперетты лишь ему позволила произвести с ней потомство, но как только мальчишке стукнул годик, исчезла. Одни уверяли, что видели ее на светских раутах в Москве, другие убежденно говорили, что встречали совершенно опустившуюся и увядшую на Брайтоне. Обоим Вершининым это было давно безразлично.

Брошюрка совершенно неожиданно обнаружилась за задним рядом книг. Вспоминая милый летний день, когда ее купил, Вершинин не без приятной ностальгии закурил. Листая, подивился, что помнит суть. Выбросить с прочим хламом! Собирался было положить в стопку на выброс, как вдруг осенила забавная идея: не убедиться ли напоследок, что он точно не относится к «людям, чудесно одаренным природой и Богом»? Смешно, конечно, но чем не передышка перед еще парой шкафов?

Вершинин лукаво подмигнул спящей Алене. Так. В чем механика процесса? Улыбнулся. Вытянувшись на диване, сделал три глубоких вздоха. Надо сконцентрироваться.

* * *

Перед глазами мелькнуло белое марево. Легкий шум в ушах. Вершинин почувствовал, что на нем нет брюк. Как и трусов. Что-то непривычно щекочет шею. Русые длинные волосы. Он уютно полулежал в кресле-качалке в коротком прозрачном халатике. Почему-то даже не удивился. Знакомыми мягкими пальцами коснулся знакомой щеки. До оторопи необычное ощущение! Задумавшись о том, что делать дальше, пошевелил изящными пальчиками на ножках. Вскочил и пулей — к дивану.

Картина еще та: смотреть на себя со стороны жутко, тем более, на неподвижного и странно тихого. Вершинин с нарастающей тревогой коснулся тела, вытянувшегося на диване, испытав непонятную брезгливость. Взял себя в руки. Надо проверить пульс у того, диванного Вершинина. Пульс на удивление ровный и спокойный. Как и дыхание. Стало легче.

Побрел на кухню, где Алена оставила сигареты. Закурил. Вкус оказался на удивление приятным. Совсем не так, как бывало, когда раньше пробовал эти слабенькие макарошки. Сообразил: организм привык, воспринимает как свои. Повеселев, отправился в ванную комнату, приятно шлепая босыми ногами. Возле большого зеркала настроение стало игривым. Распахнул халатик. Аленка!.. Не удержавшись, потеребил соски, испытав скорее дискомфорт, чем удовольствие. (И что она в этом находит?) Потом ход мыслей стал и вовсе хулиганским: не узнать ли больше об ощущениях женщины? Но благоразумие шепнуло, что для первого эксперимента достаточно. Редко его слушавшийся Вершинин на сей раз проявил странную покорность. Запахнув халатик, вернулся в комнату. Диванный Вершинин по-прежнему прекрасно выглядел и ровно дышал. Пора заканчивать! Сел в качалку, устроился уютней. Три глубоких вдоха. Концентрация. Белое марево. Легкий шум в ушах. Он на диване. В брюках. Настроение и самочувствие — прекрасные. Приподнял голову. Алена мирно посапывает в кресле. Ну дела!…

Шкафами заниматься было уже невозможно. Через четверть часа растолкал подругу. Не похоже, что она почувствовала что-то необычное. Вершинин вновь испытал азарт, и когда Алена отправилась на кухню покурить, быстро растянулся на диване.

Он в халатике на кухне с зажженной тонкой сигаретой… Докурил. Окурок — в мусорник, для конспирации. Концентрация… Диван. Шлепанье босых ножек по паркету. «Зай, представляешь, забыла, зачем ходила на кухню!»

Все, похоже, проще и веселее, чем кажется!

* * *

Несколько дней Вершинин внимательно изучал книжку. Обнаружились интересные подробности. Чтобы перенестись в другое тело, необходимо сконцентрироваться на конкретном человеке. Непременное условие: знать, где находится. Ну, это пустяки! Вторая манипуляция сложнее. Можно представить себе не человека, а место, и, перенесшись туда, немедленно выбрать одно из тел, иначе тут же вернешься обратно. Сложнее, но освоим! Свое тело желательно покидать лежа, но не обязательно. Что важно, всегда оставлять в безопасности и ненадолго, во избежание непредвиденных ситуаций. Еще момент. Перебравшись в другое тело, нельзя из него попасть в третье. Это ограничивало фантазию, но чудеса и так слишком хороши, чтобы придираться.

Фантазия разгоралась не по дням, а по часам! Увлекающемуся и склонному к приключениям, веселому, несмотря на прибавляющуюся с годами меланхолию, и любящему розыгрыши и баловство Вершинину стоило громадных усилий удержаться от немедленного продолжения. Прежде всего — знать основные положения книги от корки до корки. Потом — решить, чего хочется и хочется ли в принципе. Если да — тщательно спланировать и подобрать время и место. Иначе — ни в коем случае! Не с самокатом, чай, балуемся.

Да и было о чем подумать кроме свалившихся на голову чудесных возможностей. Первые недели после смерти отца коллеги поглядывали с искренним сочувствием. Потом стали смотреть спокойно. Вроде бы нормально. Но Вершинину показалось, что слишком равнодушно и неприязненно поглядывают, не так, как год назад. Впрочем, и это было объяснимым. Вершинина любили. Но ректорский сын, или, если угодно, «сынок», — всегда повод для пересудов и зависти. Знали, что старик Вершинин сына не баловал сверх меры, не пробивал должностей и протекций. Но и без того палки в колеса вставлять не смели. А это уже повод завидовать. Потом, и не бедствовали Вершинины. Баловались вкусностями и долгими поездками в Европу летом. Сначала Вершинин списывал ощущения на мнительность. Позже стало ясно, что они реальны. Коллеги, которые раньше неизменно встречали криком: «Какие люди и без охраны!», теперь молча жали руку. Завкафедрой перешел с ласкового «Мишенька» на вежливое «Михаил Сергеевич». Стал чаще придираться, прерывать. Так проходит мирская слава…

* * *

На кафедре истории философии привычно спокойно. Возле компьютерного столика сосредоточенно сопит беременная лаборантка Катя. Над широким столом державно возвышается заведующий, Алексей Алексеевич Давыдов, шикарный, рослый, заметно располневший с годами, потерявший половину курчавых волос, основательный, апоплексически румяный.

— Михаил Сергеевич… — он без энтузиазма махнул Вершинину рукой. — Добрый денек!

— Добрый день! — отозвался разматывающий длинный шарф Вершинин.

— Вы, Михаил Сергеевич, очень кстати! Давно хотел с вами поговорить. У вас, я полагаю, методичка уже года два как без изменений и дополнений? Нехорошо это! Вы уж будьте любезны освежить!

«Освежить! — мысленно передразнил Вершинин, — придирается, старый носорог! Знает ведь, что у меня сплошь греки да римляне! Ни менять, ни освежать нечего!» Вслух не возразил. Давыдов этого не любит, да и сам не склонен к пререканиям с вышестоящими.

— Всенепременно! — не глядя на шефа, проговорил Вершинин. — Мне понадобится пара дней.

— Вот и славно! — Давыдов удовлетворенно кивнул. — Катюша сейчас сделает вам распечатку с новыми требованиями.

Доктор философских наук, профессор Давыдов — мужик основательный. Советского розлива. Виртуозно сделал карьеру. Еще аспирантом женился по расчету. Жена — некрасивая умная дочка большого начальника. С самого начала понимала, что адюльтеров не миновать, и мудро их благословила на классическом условии «чтобы я ничего не знала». Любивший дам и любимый ими, Давыдов соблюдал правила неукоснительно и позволял себе охоты только во время командировок супруги. Причем отправлялся охотиться на чужую территорию, принципиально никого не приглашая домой. Отношения, построенные на расчете, быстро давали плоды. Супруги, эгоисты и карьеристы до кончиков пальцев, решили жить в свое удовольствие и детишек не завели. С годами брак укрепился искренней дружбой.

Профессор и сам не в грязь лицом. В советские годы сделал имя и репутацию, посвятив вдохновение марксистско-ленинской диалектике. В каждой строчке о классиках светился почти эротический экстаз, переданный с такой простодушной искренностью, что труды невозможно было не похвалить. Правоверность чуть не стоила проблем в трудные девяностые. Но Давыдов быстро сориентировался: «ни в коей мере не отказываясь от признания выдающейся роли марксистской философии», он, тем не менее, начал обнаруживать положительные черты деконструктивизма, а Деррида стал главным источником цитат, вытеснив бедолагу Маркса. Слава ученого, «мыслящего широко», прилипла быстро, и собственно, привела на должность заведующего. А после того, как верная жена и товарищ Арина Николаевна получила отличное местечко в аппарате губернатора, можно было жить совсем спокойно и широко.

Раздосадованный разговором, Вершинин побрел на лекцию. Прочитал вяло, без огонька, хотя имел репутацию неплохого лектора. После лекции на кафедре уже никого. Быстро одевшись, спешно засеменил вниз по парадной лестнице. На пролете второго этажа еще одно огорчение: доцент Петренко собственной персоной. С превосходством улыбаясь, тот пробасил:

— Рад видеть, рад видеть! — И не дожидаясь ответа, добавил: — Что-то, голубчик, давно не видел ваших новых работ! Мало, мало работаете! Теперь опереться не на кого. Самому надо реноме зарабатывать! Послушайте совета: пашите как вол, и будет результат!

Очень довольный собой, продолжил подниматься.

Вот это — хуже некуда! От кого угодно Вершинин стерпел бы проявление высокомерия, но не от недоумка Петренко! Домой вернулся злой как черт. Благо, идти было недолго: ректор озаботился о том, чтобы жить с сыном ближе к университету. С раздражением закурив, Вершинин авто-

матически взглянул на часы. Без пятнадцати два. Отчего-то подумал о том, что Петренко сейчас читает в главном амфитеатре скучнейшую лекцию по этике…

Планов не было, но уже от сознания, что можно сотворить самую восхитительную шкоду из всех возможных, стало смешно. Теперь уж удержаться не было сил! Сардонически улыбаясь, Вершинин прилег на диван. Предельная концентрация… Аудитория. Студенты в анабиозе от чудовищной смеси Лейбница, Канта и личных банальностей Петра Никитовича Петренко…

* * *

Когда Вершинин решился пошалить по полной, Петренко чувствовал изумительнейший прилив своей значимости. Хотя, когда он его не чувствовал? Доцент всегда подыхал от желания войти в историю мировой науки. Старался, как раб галерный. Кандидатскую защитил через год после поступления в аспирантуру. Жестоко пришпорил научного пегаса и принялся за «плодовитое творчество». Выяснилось, что своих идей нет. Но это не смущало. Петр Никитович выработал оригинальный творческий метод.

Попадается, к примеру, абзац из Ницше: «Нет более опасного заблуждения, чем смешивать следствие с причиной: я называю его подлинной испорченностью разума. Тем не менее, это заблуждение принадлежит к числу древнейших и позднейших привычек человечества: оно даже освящено у нас, оно носит название “религии-морали”».

Попыхтит Петренко да и изложит по-свойски, серьезно: «Общеизвестно, что неправильное истолкование причинно-следственной связи событий и явлений, является недопустимой ошибкой при осуществлении любого философского исследования. Более того, есть возможность именовать такого рода неверные истолкования рациональной порочностью. Несмотря на очевидность констатируемого нами факта, подобные ложные истолкования зачастую встречаются как у мыслителей древности, так и в философских концепциях Нового и Новейшего времени. Порой даже таким истолкованиям придается значение самоочевидной истины; не исключены также попытки освещения их авторитетом морали и религии». После чего остается только добавить: «В нынешних условиях глобального кризиса этического сознания такого рода заблуждения носят исключительно опасный характер». Эта техника позволила Петренко за пару месяцев переделывать любой классический философский трактат в малопонятную, но весьма актуальную монографию. Была «Критика чистого разума» Канта — стал «Критический анализ мыслительных способностей индивида в постиндустриальном обществе». Таких шедевров, как оказалось, можно публиковать минимум пару в год. До публикации — пускать фрагменты на статьи, а сокращенные варианты статей использовать как тезисы для конференций. Творческое наследие Петренко росло. Только за последние пять лет — двенадцать монографий, сто пятьдесят статей и около двухсот тезисов в различных сборниках. При том что опусы никогда не оценивались коллегами с восторгом, внешне наблюдались признаки «ученого со всероссийским именем». Правда, с докторской вышла заминка. Уже готова была — толстенная, страниц на полтыщи. Да вот беда — опубликовал статью, где сравнивал мысли Плеханова и Бельтова, искренне не догадываясь, что «Бельтов» — псевдоним Плеханова. Осмеивали бурно, и после скандала нужно было подождать с защитой годик-другой, а пока продолжать активное

творчество. И продолжал. Тема значения не имела. Старший Вершинин говорил о нем: «Акын какой-то… Что видит — о том пишет!»

Лекции Петр Никитович читал скучно, обстоятельно и со вкусом. Студенты прогуливали бы, да непременно делал переклички и отыгрывался на прогульщиках в сессию. Потому, услышав от тяжеловеса науки: «Впрочем, коллеги, это все хрень!» — студенты замерли...

Привыкнув к нескладному телу Петренко, Вершинин поймал волну и продолжил, стараясь подражать его манере:

— Именно сейчас стоит обратиться к такой категории, как свобода в ее этическом аспекте. Для наглядности предлагаю вам сейчас смоделировать ситуацию. Я могу продолжать читать вам лекцию в академическом стиле, а вы, вопреки желанию скорее дождаться перерыва, слушать и конспектировать. Но возможна и иная модель поведения. Я, к примеру, могу, как внутренне свободный индивид, совершить вместо этого этически сомнительный поступок. Вот…

«Петренко» схватил кусочек мела. На доске со скрежетом появилось слово «жопа». И три цветочка. В амфитеатре зашептались.

— Ваша реакция, несомненно, может быть охарактеризована как удивление. Впрочем, ничему не следует удивляться. Вот, известно ли вам, что в молодости я мечтал быть оперным певцом?

Шепот усилился. Вершинин, сжимая кулаки, чтобы не расхохотаться, принял картинную позу и так противно и фальшиво, как только мог, басовито заблеял: «Сгустилась тьмааааааа…. И в эээтойтьмеееполуно-чи… любвииисильне-е обаянье!..» Публика обреченно замолкла. Поймавший кураж Вершинин распоясался.

— Вернемся к слову, которое вы видите на доске. Имейте в виду, что внутренняя свобода есть следствие категорического императива, и она абсолютно необходима начинающему философу! Попробуйте вместе со мной произнести это слово вслух! Жопа!

Зал безмолвствовал. «Петренко» стал дирижировать:

— Ну же! Смелее! Вы же молодые, свободные люди! Жо-па! Жо-па!

Робкие голоса присоединились к доценту. Потом больше. Вскоре, заразившаяся энтузиазмом аудитория гремела в едином ритме. Вершинин понимал, что творит безумие, но удовольствие оказалось неописуемым, и остановиться не было никакой возможности. Знал, что слышимость на факультете прекрасная. Но уже был на коне!

— Жопа!!! Жопа!!! Жопа!!! — в экстазе скандировали студенты.

Через пару минут скандирование стало рассыпаться, а потом и совсем смолкло. В дверях амфитеатра ошарашенно кусала палец проректорша по учебной работе. За ее спиной отчаянно суетились декан и профессор Давыдов. К чести Вершинина, он понятия не имел, что сегодня на факультете ожидалась проверка по линии ректората…

* * *

Вершинин как с цепи сорвался. Хотя работы прибавилось. Петренко с перепугу лег в санаторий. Пришлось подменять. Свободное время уделял опытам. Освоил вторую технику — переход в помещение. Использовал ее для вечеров в дорогих ресторанах и барах. Кутил в чужих телесах сколько хотел, вернее, сколько позволяла наличность реципиентов. Определенную степень

джентльменства соблюдал: оставлял на такси и непредвиденные расходы. Осмелел и освоил короткие «загранпоездки». Приятно часок-другой провести в Берлине или Амстердаме в теле туриста-одиночки! В местных не вселяться! — знакомые, родственники, коллеги — оно надо? Иногда позволял себе экзотику вроде Лаоса. Что особенно приятно, свое тело в это время отдыхало. После пеших прогулок и возлияний оказывался на диване трезвым и отдохнувшим. Естественно, утром не было ни малейших признаков похмелья, даже если за вечер было пиво в дублинском пабе, шнапс в эльзасском трактире и литр «Вдовы Клико» в роскошном ресторане в Шампани.

Малую родину также не обошел вниманием. Полакомился хорошенькой соседкой с третьего этажа в теле ее парня. Несколько разочаровался. Справляться с неродной физиологией непросто. Секс в чужой плоти нехорош. Зато позабавил совсем глупый эксперимент: вселился в соседского котенка. Не без удовольствия погонял мячик, покувыркался. С наслаждением подрыхнул на мягкой перинке. На десерт пописать на ковер было и вовсе здорово! Подстава, конечно, но того стоило. Хотя больше экспериментов с животными решил не проводить.

Чуть было не решился попугать туристов в оболочке мумии жреца Петесе в Эрмитаже или лучше — Ильича в Мавзолее. В последний момент передумал. Шуму много. Да и мертвых надо уважать. Тем более, кто знает, что за мракожуть прицепиться может.

Зато избавился от наглого быдляка-первокурсника. Все элементарно. Вселился, публично нагадил под дверью деканата, демонстративно сжигая зачетку и студенческий билет. Дело бы и замяли, благо родители у гаденыша со связями. Но добрые люди, как водится, на мобильники снимали, в интернет выкладывали. Так что не выкрутились.

Обнаружился приятный бонус, не предусмотренный в старорежимной книжке. Во время прямых трансляций вселяться можно. Целое поле для экспериментов открылось. Вершинин, когда охота была, помогал нашей сборной. То в теле английского вратаря пенальти пропустит, то в роли вражеского нападающего на штрафном грохнется. Однажды в веселом настроении влез в трансляцию «Щелкунчика» из Мариинки. Не куда-нибудь, в заглавную партию! Полминутки покружился в лезгинке вокруг оторопевшей Маши. На «Евровидении» главный соперник российской певички на решающем выступлении оказался совершенно невменяем. То ж не без вершининских штучек!

На самый яркий опыт принципиально отвел только минуту — из соображений безопасности. В теле космонавта оценил ощущение невесомости. И конечно — «Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе!». Несколько дней ходил окрыленный: мечта детства, да так легко, бесплатно и без усилий! Дал себе честное пионерское пару минут поучаствовать в ближайшей экспедиции на Марс или хотя бы на Луну.

* * *

После Нового года на кафедру вернулся отдохнувший Петренко. Похудел, лиричность какая-то появилась. Меньше писал макулатуры. Даже признался, что принялся за книгу «от души и для себя». Новая версия доцента Вершинину понравилась. Если какое-то время выходка на лекции грызла совесть, то теперь улеглось. Тем более что два месяца подмен на петренковских лекциях

и семинарах казались справедливой и достаточной платой за несколько минут хулиганства.

Алена затеяла масштабный проект в Москве и надолго пропала. Как на грех, лаборантка ушла в декрет, и на ее место взяли другую. Валерия… Не красавица, но что-то в ней пронзительное. Вершинин искренне увлекся. Как показалось, симпатия была взаимной. Лера от души звонко смеялась его шуткам. Легко перешла на «ты». Так же легко согласилась пойти на кофе. Вечер прошел отменно. Сидели долго, болтали. Новая пассия смотрела с ласковой поволокой в глубоких карих глазках. От комплиментов розовели щечки. Попрощались поцелуем в щеку, но тепло.

Вершинин от души надеялся на развитие отношений. Но не тут-то было. Такая же теплота и искренность, но ни шагу дальше. Обескураженный, он пытался понять, что делает не так, но как ни старался, версии не появлялись. Вообще-то он любил «читать» настроение женщины, угадывать и предугадывать. Но теперь впервые появилась возможность сыграть в игру с «чит-кодами». Подавить искушение было невозможно.

В начале февраля решился. Вечером отправился в тело Валерии. Оказался на уютном диване в мягких лосинах и приятном пушистом свитере. Покрутился у зеркала. От души обрадовался стройности барышни, которую раньше видел только в строгой одежде. Понравилась со вкусом обставленная «двушка». Оценил набор книг и фильмов. Подозревал, конечно, в Лере хорошее воспитание и разносторонность. Подтвердилось. Приятно! Никаких следов присутствия кавалера не обнаружилось — ни мужской одежды, ни аксессуаров, ни фотографий. Тоже радовало. Вершинин не удержался заглянуть в холодильник. Порядок, свежие низкокалорийные продукты. Хорошо.

Приятные наблюдения прервал звонок мобильника на журнальном столике. Вершинин выработал кодекс обращения с чужими мобильниками. Если видел, что реципиенту звонит супруга или ребенок, немедленно покидал тело, от греха подальше. Если определить статус звонящего было невозможно, не отвечал. При повторном звонке тоже возвращал тело хозяину — возможно, что-то срочное. Никогда не звонил сам. И прочее.

Слегка расстроился. Еще не хватало из-за телефона прервать исследование! С другой стороны, узнаем, кто осмеливается звонить хорошенькой барышне после десяти вечера. Звонил Давыдов. Номер был обозначен в Валерином телефоне так же, как и в вершининском: «Давыдов кафедра». И Вершинин, вопреки правилам, на автомате принял вызов.

— Валерочка, добрый вечер! — растекся сгущенкой давыдовский баритон.

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич!

— Милая, вы не забыли о наших планах на завтрашний вечер? Надеюсь, все в силе?

— Конечно… Конечно! — Вершинин растерялся. Какие планы на вечер? Давыдов — он котяра еще тот… И судя по тому, как смело поздно вечером телефонит юной коллеге, супруга в командировке. Ох, беда!

— Вы, милая, какое шампанское предпочитаете? — голос Давыдова потянул феромонами.

— На ваш вкус….

— Ну что ж, чудесно! Тогда как договаривались! Ждите меня завтра в половине седьмого! До встречи, милая!..

— До завтра!..

* * *

Ночью не спалось. Вершинин злился. Что он нравится Валерии, не сомневался. Но почему не продвигаются отношения, стало ясно. При всех достоинствах барышня не из тех, что отклоняют недвусмысленные предложения боссов. Кошачья натура Давыдова общеизвестна. Полагать, что он может прийти вечерком в гости с шампанским, чтобы обсудить эстетику позднего Бунюэля, может только последняя дура. А на повестке далеко не глупая дама. Вершинин почти разочаровался. Карьеристов, а особенно юных карьеристочек, не любил. Не считал себя высокоморальной личностью, но интим с начальством без любви дамам не прощал: приравнивал к проституции. Конечно, и обидно. Ни пригласить Валерию в гости, ни напроситься самому не получилось. А тут — поди ж!.. Вертелась и совсем нехорошая мысль: будь он по-прежнему «ректорским сынком», вопрос, чья бы масса перевесила — его или давыдовская. Хотя, хорошо, что так. В принципе — хорошо! По крайней мере, будет теперь яснее понимать свою подлинную ценность в женских глазках!

Успокоиться бы, но пакостные идейки начали по кирпичику складываться… Раньше давыдовские кобелирования были Вершинину безразличны. Даже в душе нахваливал — молодец, мол, мужик, в его-то годы! Теперь на первом месте было досадное чувство присутствия чужака на твоей территории. Отбивать Валерию мы, конечно не станем! Пусть карьеристочка живет своей жизнью. Но как, зная о завтрашних планах и имея уникальную возможность, ничего не сделать?

Первое, что пришло в голову, — заняться с Лерой любовью в теле шефа. Какое-никакое удовольствие. Гаденькое, но самоутверждение. Причем с элементами прикола. Пускай Давыдов утром удивляется, что ничего не помнит, и не знает, как реагировать на ее реплики! А она пусть голову ломает, что было не так, если мужик на следующий день включает идиота. Но в тело шефа очень не хотелось. До брезгливости. Потом, кто знает, как обращаться с тушей пятидесятых годов выпуска?!

Черт с ним, с сексом! Ведь мечтал еще недавно, искренне мечтал, от души — подарить очаровательной Валерочке незабываемый вечер! Мужик сказал — мужик сделал! Мечтал — вот и дари! Вершинин коварно улыбнулся…

* * *

Давыдов позвонил в дверь с образцовой точностью, как только часы пробили половину седьмого. Появился на пороге привычно осанистый и вальяжный. Вместо делового костюма уютный, но элегантный свитер. Не банальные розы, а маленькие разноцветные тюльпаны, подобранные с безупречным вкусом. Приятный мужественный парфюм. На физиономии приятельская и мудрая улыбка. В глазах одобрение. Понравилось, стало быть, изумрудное платье чуть выше коленок. Поцеловал руку. Не разуваясь, прошел с цветами и шампанским в комнату, как будто не в первый раз. Но при всей уверенности держался не нагло. Даже приятно было. Валерино напряжение как рукой сняло. Кстати, на шампанское не поскупился — «Моет». Если уж заводить служебные романы, то с такими милыми пожилыми львами.

Понятно, что приставания начнутся не сразу и не грубо — этот себе и даме цену знает. Органично нашлась стартовая тема. Давыдов с видом зна-

тока стал разглядывать японскую гравюру на стене. Научно-популярно и с милым юмором заговорил о японской живописи. Попросил разрешения закурить. Затянувшись ароматным дымком дорогой сигареты, окончательно расслабился. Непринужденная поза, с которой он развалился в кресле, шла ему необычайно. Перешел на синтоизм. Элементы, мол, пантеизма в синтоизме — неплохая, в принципе, тема для кандидатской. Нашелся бы только автор! А что от автора требуется? Молодость, любовь к японской культуре, готовность к работе и открытость! А руководить такой темой любой будет счастлив! Гм-гм… В особенности, если соискатель — очаровательная юная леди. Валерия чувствовала себя совсем уютно. Уже ни капельки не жалела, что решилась. Алексей Алексеевич в приватном общении еще милее, чем она себе представляла.

Через полчасика с небольшим Давыдов еще более оживился. Рассказал анекдот-другой. Ох, психолог! Соль всех шуток — ниже пояса, но подборка мастерская, и преподнес ничуточки не похабно. Вместо нехороших слов — милые литературинки. Главное — смешно до чертиков! Валерия поймала себя на том, что строит глазки совершенно искренне.

— Милая Лерочка! Просто удивительно, какой вы интересный человечек! — Давыдов с восторгом лопал взглядом лаборантку. Ах, котяра! «Интересный человечек» слова не произнес за все время! Льстит, но как умело!…

«Привет, Лерка!» — мысленно поздоровался Вершинин, оценивая обстановку. Берем барышню за руку. Мягко, осторожно…

— Лерочка, я неописуемо уютно чувствую себя у вас в гостях! Поверьте, это не дежурная фраза! — кажется, получается изображать кошачью интонацию шефа.

— Алексей Алексеевич… Так приятно это слышать! — Валерия решила пока не отнимать руки. Даже слегка-слегка провела по ладони Давыдова пальчиком. Совсем чуточку.

— Милая, а нет ли у вас коньяка? — вдруг выпрямился весело улыбающийся Давыдов. Лера не подала вида, но слегка опешила. Нет, не может быть, чтобы все свелось к банальному спаиванию!

Давыдов словно угадал.

— О, не волнуйтесь! Я вовсе не предлагаю вам перейти на крепкие напитки! Просто… Видите ли, признаюсь, никогда не считал шампанское вполне мужским напитком… Я, должно быть, немного наглею… Но с вами мне так просто! Не рассердитесь?..

— Конечно, не рассержусь! — улыбнулась, радуясь тому, что неплохой армянский коньяк в баре есть. Целый литр. Тем более, шеф был таким трогательным и милым, когда просил прощения. Хотя коньяк мог бы и сам прихватить! Черт знает — не догадался или не решился появиться на пороге с двумя бутылками? Не важно. Главное — ему уютно. И ей неплохо. Метнулась на кухню. Вот он — коньяк и дорогущий пузатый бокал. Нате!

— Нет-нет, дорогая, прошу вас! Не надо подвергать риску такую дорогую вещицу! Дайте, ради бога, самый простой стакан. И вообще, знайте, милая Лерочка, что я в повседневной жизни гораздо проще, чем на работе! Забудьте, пожалуйста, о кафедре! Сегодня — просто милая вечеринка добрых друзей.

Через минуту Давыдов уже любовался стаканом, наполненным на две трети.

— И чтобы закрыть тему кафедры… За мое самое мудрое кадровое решение!

Лера, смеясь, чокнулась с Давыдовым. Тот с гусарской прытью хлопнул залпом. Даже не закусил, только закурил. Мужик!..

После второго тоста с таким же полным стаканом Давыдов принялся изучать книжную полку. Похвалил за чудесный выбор. Пообещал однажды показать свою библиотеку.

«Ну, размялись, а теперь убираем шасси!» — подумал Вершинин.

— Бертран! «Ночной Гаспар»! Какое чудо! — с восторгом воскликнул Давыдов. — Милая, да вашему вкусу позавидует кто угодно! Какая вещь! Какая чудная вещь!

Валерия смущенно улыбнулась. Давыдов полистал книгу. Полилась декламация с артистическим завыванием:

«Мало того, что в полночь — в час, предоставленный драконам и чертям, — гном высасывает масло из моего светильника! Мало того, что кормилица под заунывное пение убаюкивает мертворожденного младенца, уложив его в шлем моего родителя. Мало того, что слышно, как скелет замурованного ландскнехта стукается о стенку лбом, локтями и коленями. Мало того, что мой прадед выступает во весь рост из своей трухлявой рамы и окунает латную рукавицу в кропильницу со святой водой. А тут еще Скарбо вонзается зубами мне в шею и, думая залечить кровоточащую рану, запускает в нее свой железный палец, докрасна раскаленный в очаге...»

Лера зааплодировала. Хотя ей и не очень понравилось, как шеф читает. Тот приосанился. Поклон со скромным достоинством. Подошел — чмок в ручку! Налил еще стакан, почти до краев.

— Если позволите, дорогая, еще немного для вдохновения, и я прочту еще один фрагмент… Только для вас! Как же здорово, что мы обнаружили такое совпадение вкусов!

Фужер снова приятельски столкнулся со стаканом. А Давыдов опять не закусил…

К середине бутылки он уже стоя прочел вразброс половину книги и явно не собирался останавливаться… И не остановился. Белые стихи Бертрана ощутимо потянули армянским коньяком и неудержимым вдохновением старого льва. Валерия обреченно растянула улыбку. Что делать? Хотя в половине двенадцатого хотелось чего-нибудь другого… Предпочтительно заснуть.

Через час, захлопнув, наконец, несчастного Бертрана, шеф приблизился. Нежный чмок в шейку.

«Слава богу, переключился!» — подумала бедная лаборантка. Хотя никаких ласк окончательно не хотелось.

— Милая, нежная! Замечательная моя девочка! — романтично проорал Давыдов. — Я хочу продолжать вас радовать! Хочу продлить это единение душ! Позвольте, вам и только вам я прочту теперь «Кортик» Рыбакова! Эта жемчужина так плохо оценена вульгарной публикой с точки зрения филигранности языка!

И направился к книгам. Лера едва не потеряла сознание. А Вершинин собрал всю волю, чтобы не захохотать.

— Нет, Алексей, Алексеевич! Если вы не возражаете, отложим «Кортик» до следующего раза! — Лера никогда так искренне не желала, чтобы Бог и гость непременно ее услышали.

— Вы правы… О, как вы правы, моя драгоценная маленькая леди! — Давыдов одним прыжком оказался у дивана. Бух на колени! — Лучше стихи! Это вам, моя маленькая муза! Только вам!!! Экспромт…

Тяжело посопев, романтически завыл:

— Вы так прекрасны, дорогая,
Прекрасны телом и душой,
И к вашим персям припадая,
Я делаюсь совсем немой.
Какая мука в сердце старом,
Любуясь на младую грудь,
Желать вам спеть, мой друг, с гитарой,
Как безо вас мне не заснуть!
Какая радость, рядом стоя,
Смотреть на ваш красивый нос,
Но я вас вовсе не достоин,
Я рядом с вами пес Барбос…
И розы вашего дыханья
Я не решаюся испить,
И предлагать вам лобызанья
Никак я не могу решить…

Валерия незаметно для Давыдова больнехонько ущипнула плечо — уж не сон ли? Профессор не останавливался. Все более причудливые и плохие вирши лились нескончаемым потоком. Наконец разрыдался в голос, поцеловал ее ладонь, прижался щекой и замолк. Вариантов поведения у Леры не было. И ничего не придумывалось. Поэтому, когда Давыдов, пыхтя, поднялся («Простит ли меня милый ангел, если я оставлю его на минуточку?») и его туша тяжеловесно направилась в санузел, она была готова перекреститься.

Минуточка продлилась около четверти часа. Лера мучилась. Где выход из ситуации? Можно встретить шефа в неглиже, потерпеть несколько минут физиологического абсурда и попытаться его убаюкать. Начала было развязывать поясок на талии, но не решилась… Намекнуть на позднее время? Обидчивость Давыдова общеизвестна. Что делать?..

А ничего! Замереть от ужаса! Профессор красовался в дверном проеме в одних трусах. И если бы в его глазах читался хоть намек на похоть, это бы обрадовало Валерию. Но Давыдов был по-детски весел.

— Как же хорошо, как свободно я чувствую себя у вас, моя дорогая! Как дома, честное слово! Я даже в раковину пописал! Как у себя!..

— На здоровье, Алексей Алексеевич! — только и смогла вымолвить мученица.

— Эх! — залихватски оглушил Давыдов. И, взявшись за краешки трусов, исполнил совсем по-детски, даже по-девчоночьи, польку-бабочку, сопровождая танец пением без слов тоненьким голоском. Ля-ля, ля-ля, ля-ля-яяя! Ля-ля, ля-ля, ля-ля-яяя! Ля-ля, ля-ля, ля-ля-яяя!

Наконец силы его покинули. Треснул еще стакан коньяку. Сидит теперь у ее ног и что есть сил обнимает колени.

— Валерочка, родненькая моя девочка! У тебя я чувствую себя самим собой! Не надо лгать, притворяться, напускать на себя серьезность, лоск и значительность! Можно быть веселым и свободным! — и со счастливой улыбкой громко пустил газы.

Около получаса ничего не происходило. Давыдов молча обнимал уже изрядно затекшие ноги лаборантки. Потом встал не говоря ни слова. Опять бредет в санузел… Вернулся одетым. Со скорбной миной вызывает такси…

У двери церемонно поцеловал Лере руку. Обнял. Ну вот, вяло гладит попку. Зачем-то укусил за ухо, противно его обслюнявив.

Закрыв дверь, Валерия в изнеможении опустилась на пол. Господи, что это было?!.

* * *

В такси Вершинин хотел было дать профессорскому телу свободу, но душа требовала продолжения. Ключи от квартиры отыскались в барсетке профессора. Как и немалая сумма денег. Идея напрашивалась сама.

Получивший фантастические чаевые таксист милостиво согласился подождать, даже подсказал телефончик. Прибыли девушки по вызову. Вершинин долго выбирал, комментировал, шутил. Остановился на двух самых некрасивых. Собрался расплатиться. Нет, одну забракуем! Велел сутенеру привезти самую толстую. И постарше. Подождали еще. Вершинин оплатил утехи до полудня. А шофер получил еще прибавку за терпение. Вскоре пенсионерка-соседка с удивлением смотрела в дверной глазок, как профессор заводит в квартиру двух удивительно некрасивых, непотребного вида дам, похлопывая их по задницам.

В квартире Вершинин дал девочкам по червонцу сверху. В спальне разделись. Вершинин нашел профессорский бар, и вскоре в опочивальне старого повесы оказалось почти все содержимое. Угостил девчонок, покурил, стряхивая пепел на пол. Выдул залпом поллитровку коньяку. По его настоятельной просьбе девчонкам пришлось немедленно лечь с ним, обнимая с двух сторон. Сделал три глубоких вдоха и сконцентрировался…

Давыдов проснулся около одиннадцати. В полудреме удивился сильному перегару и дурноте. Обнял Валерию. Потом вторую Валерию. Запоздало удивился. Что было-то вчера вечером? Открыл глаза. Пришлось удивиться уже не количеству, а качеству Валерий. Хотел было разбудить. Но тут в дверь позвонили. Один длинный, один — короткий. Так всегда звонила жена.

* * *

Вскоре эксперименты стали надоедать. Настроение не соответствовало. Обстановка на кафедре сделалась неуютной. Давыдов испортился. Резко постарел. Стал мнительным и неразговорчивым. Ко всему придирался и по возможности портил всем настроение. Валерия уволилась, и на ее место взяли вечерника. Вершинину он с ходу не понравился: пухлый очкастый подхалим, неестественно улыбающийся, всем говорящий медовые приятности. Брр! Кирпича просит…

Коллеги становились все холоднее с бывшим «сыночком». Алена попрежнему не появлялась. Других историй в личной жизни не возникало, как заклинило. Весна оказалась повторением поздней осени: дождливая, скучная, серонебая. У Вершинина, не выносившего такой погоды, начиналась весенняя депрессия. Не хотелось шуточных выходок, загранбросков, и даже космических полетов, и вообще ничего. Соскучился по прежней, размеренной жизни, где было не калейдоскопическое безумие, а некоторая размеренность. Без чудес и сверхспособностей. Не роскошь европейских ресторанов, а пара котлет с макаронами под вечерние новости и простую русскую водочку с солеными огурчиками. И безопасней, и намного вкуснее, если уж честно.

Как-то в субботу утром проездом заскочила на часок двоюродная тетка из глубинки. Привезла гостинцы: кучу мясных вкусностей, сало, соленья — все собственного приготовления. Вершинин твердо решил устроить русское застолье вечером после лекции. Купить водочки и черного хлебца. На обратном пути выяснилось, что оставил дома кошелек. Скорым шагом пошел

домой. Вернуться бы в магазин с деньгами, да тут же на улице громыхнуло, и закатил стеной мерзейший холодный ливень.

Портить вечер было совершенно немыслимо. Но и выходить не хотелось. Решение придумалось сразу. Стасик! Главный в доме алкоголик. Вот пусть и идет! Улыбнувшись, Вершинин переоделся в домашнее. Пятисотрублевку можно спрятать у двери под половичком. Дверь оставил незапертой. Диван. Привычная поза.

Во рту почувствовал вкус перегара. Давно Вершинин так скверно не чувствовал себя в чужом теле. Последний раз было плохо, когда в Марселе оказался в пожилом астматике. Но тогда через пару минут смылся. А теперь ради хорошего ужина придется потерпеть четверть часа. На удачу, Стасик был сносно одет — в треники и старую клетчатую рубашку, застегнутую на одну пуговицу. Найдя в замызганном коридоре потертое пальтишко, нацепил. Теперь — за добычей. По пути забираем купюру из-под половичка.

Под ливнем понял, что ничего не выиграл. Мог бы и сообразить, дурак, что на чужой шкуре все как на собственной. Съежился. Семеня, утешил себя тем, что сушиться не придется. Да и простудится, если что, Стасик. Когда пробегал мимо беседки, окликнули. Здоровенный грязный алкаш махал рукой:

— Стасян! Загордился?! Зайди, поздоровайся!

Пришлось заскочить в беседку.

— Брагу бабкину будешь? Угощайся! — амбал щедро протянул едва початую пластиковую полторашку с мутной, не внушающей доверия жидкостью. — Да ты что, сука, кривишься?! Брезгуешь?!

Вершинин понял, что отказ означает приятельский мордобой. И будет больно. Да и Стасика жалко. И в кому впасть не хочется. Мало ли чем грозит… Преодолевая отвращение, добросовестно отхлебнул три больших глотка кисло-сладкой бурды, воняющей одновременно спиртом, дрожжами и уксусом. Мысленно порадовался, что скоро окажется в своем теле, все таком же здоровом и проголодавшемся к ужину. И мерзкий вкус исчезнет. Пошарил по карманам. Сигареты без фильтра и спички. Все же лучше, чем совсем без закуски! Покурили с братаном, за жизнь побазарили, кажется, роль сыграл убедительно. Когда амбал слегка обмяк, Вершинин, наконец, пошатываясь от необычно нездорового опьянения, потопал в магазин. Благо ливень ослаб. Купил что хотел. Даже Стасику почти стольник сдачи остался в благодарность за услуги. Радуясь скорому освобождению из нехорошего тела, Вершинин пулей влетел в подъезд. Кулек со снедью лучше было оставить в темном углу. Перепрыгивая через ступеньку, поспешил в квартиру Стасика.

* * *

Ну вот. Сейчас вся эта мерзопакость кончится, и будет вкусный русский народный ужин под хороший фильм. После похода в теле Стасика желательно — под комедию. Три глубоких вдоха, концентрация…

И ничего…

Три глубоких вдоха, концентрация…

И ничего! Во рту так же пахнет вчерашним перегаром, сегодняшней брагой и скверным табаком. Он сидит мокрый, как уличный котяра, на ободранном допотопном пуфике в прихожей. И в Стасике!

Третья попытка, четвертая… двадцатая… И ничего! Отставить панику! Думай!.. Думать в теле алкаша со стажем трудно. Брага мутит мозг.

Пока версия одна. Ну, не знал французский католик девятнадцатого века о свойствах русской бабкиной браги начала двадцать первого. Не его вина, что не предупредил. Так. Оптимистический вариант. Ждать, когда отпустит немного, и пробовать опять. Пессимистический: после бабкиной браги это навсегда. Стоп! Без паники! Сначала убедиться в том, что оптимистический сценарий не работает, потом соображать дальше, а пока — успокоиться!

И тут совсем похолодел, стало нехорошо. Вторая версия — совсем жуткая! Дверь-то не запер! А если что-то с тем, диванным Вершининым? Почему, почему, идиот, дверь не запер?! Хотя… Вот и здорово, что не запер! Умница! Теперь успокоиться и к себе. Впервые за много лет Вершинин перекрестился. Выноси, Господи!

На два этажа вниз. Спокойно! Дверь, по крайней мере, не открыта. Прихожая. Никаких следов чужого присутствия. Дальше! На диване он — Вершинин. Выноси, Господи! Пульс, дыхание в норме. Спасибо, Господи!

И тут…

— Эу! Ты что здесь делаешь вообще?!

На пороге — Алена. Ничего себе — вовремя…

— Ты кто вообще такой, мужик?! С Мишкой что?! — и за рукав хвать! Огонь девка!

— Я это… Сосед. Тут это… Сплохело слегка, просил подежурить…

— Ты что трындишь, чмо бухое? — Аленку не наколешь. Метнулась в подъезд: — Соседи! Держи грабителя!

Вот уж если не везет по жизни, так не везет! В другом доме соседи бы только крепче заперлись, услышав истошные вопли дамочки. А у нас тут на лестничной клетке в одной квартире старая идейная большевичка. В другой — советский полковник в отставке; настоящий офицер и мужик. Вершинин так и представил себе, как они вскакивают и решительно отправляются на помощь. Ох, заткнуть бы Аленку!.. А та уже выбежала в подъезд. Как трудно пытаться сориентироваться, не выходя, на всякий случай, из роли! Догнал на лестнице, хвать за знакомые плечи чужими руками!

— Сеструха, ты, это… Не кипишись! Не грабитель я!

А она ногтями — чирк! — по лицу. Эти ногти спина Вершинина знала хорошо. Как через минутку похорошеет рожа Стасика, он прекрасно мог себе представить. Инстинктивно оттолкнул. Аленка не удержалась на высоких каблуках. Вот она кубарем катится через два пролета. Господи! А за спиной уже движение. Крепкие руки соседа схватили сзади. Слышен голос соседки: бежит вызывать милицию. Сосед умнее: «Виктория Федоровна! У вас же сигналка! Жмите на тревожную кнопку! Эти быстрее приедут!» Уж это мы знаем. Охранная часть всего в квартале.

В своем теле вырвался бы из рук соседа. А хлипкий потрепанный Стасик — что заяц в волчьей пасти. Мимо пробегает соседка — вниз, к Аленке.

— Ой, господи! Да у нее голова разбита! Я — в «скорую»!

Бежит обратно. Слышно, как она прерывающимся голосом визжит в трубку. Опять куда-то несется.

— Анатолий Дмитрич! Я опять — в «скорую»! Миша — ноль реакции! Угробил, дуралей пьяный! Двоих угробил!

Снова истошные вопли в телефон. И твердые быстрые шаги снизу. Кто бы сомневался, что придут быстро. Ну вот и попались вы, Стасик да Вершинин!

* * *

В обезьяннике били. Сильно. Ночью тело ныло — чужое, неприятное, слабое тело.

На допросах настаивал, что ничего не помнит. Это — единственная возможная тактика. Если, даст Бог, получится вырваться из Стасика, он не будет помнить. А если не получится — спешить некуда. Подумаем. Уж «вспомнить» — никогда не поздно. Плюс ситуации один. Чтобы бежать отсюда, не нужно делать подкоп, пилить решетки. Просто выйти из Стасика.

Когда последние признаки похмелья выветрились, еще несколько раз попробовал. Ничего не выходило. Видно, крепко доморощенная сивуха засела в организме. Ладно. Не расстреляют. А там — посмотрим.

На другой день перевели в городской СИЗО, где было теплее. Вершинин чистил организм. Отказывался от сигарет, когда их предлагали алкашу-оборванцу сердобольные сокамерники. Старался пить больше воды и чаю.

На душе было мерзко от осознания содеянного. Горячо хотелось знать, что с Аленкой. Менты темнили. Понятно, что жива, но насколько тяжкое состояние — молчат. И не спросишь: как спросить, если вроде как ничего не помнишь? Шили дело пока что широкими стежками — два покушения на убийство и попытка ограбления. Страшно было ничего не знать о диванном Вершинине. Лежит сейчас где-нибудь в анабиозе, и врачи ломают голову о причине. Или, что хуже, капают какую-нибудь ерунду в вены. А как она подействует на организм — поди знай! Так что вырваться из Стасика — это полдела. Не факт, что в себя вернуться получится. А и то: так надолго он себя не покидал никогда. И последствия непредсказуемы. Может, висит уже его, вершининская, фотография в холле факультета — с черной ленточкой. А он на ней такой милый и улыбчивый. И коллеги, сталкиваясь в холле, качают головами: мол, ужас какой! — такой молодой и красивый! И надо же, какая судьба: отец и сын, оба меньше чем за год! А еще говорят, снаряд дважды в одну воронку не падает… Философия, коллеги! Философия!

А еще стыдно было, что, несомненно, подставил Стасика. Да и где теперь этот Стасик? В книге ни слова не было о том, где обретается душа хозяина тела, пока ты в нем. Месяцы экспериментов прояснили одно: после одержимости реципиент ничего не помнит.

В первый понедельник апреля — маленькая радость. Подвижка. Прилег на нарах, подышал подольше, сконцентрировался. Знакомое белое марево и шум в ушах. Но потом душа, как за метровую резинку привязанная, шарахается обратно в Стасика. Такое раньше бывало, когда Вершинин ошибался в местоположении реципиентов или действовал наугад. Значит, Стасик больше не держит. Проблемы с пунктом назначения. Если жив диванный, а теперь, возможно, коечный или могильный Вершинин, то Бог знает, где он. Решился на то, что всегда отталкивало. Надо рассуждать логично. Если помер — скорее всего, похоронили рядом с отцом. А уж где могила отца — это мы, братцы прекрасно помним! Храбрости набирался до вечера. Снова «эффект резинки»! То есть — в познавательном плане результат нулевой.

В конце недели, слава Богу, добилась свидания с непутевым сынулей Нина Борисовна, мама Стасика. Плакала, обнимала. Журила, но не как за преступление, а как за очередную лишнюю поллитру. Уж слишком привыкла переживать за сына. Почти давясь, по существу, чужими гостинцами, а не есть было нельзя, чтобы бедную «маму» не обидеть, Вершинин слушал, жадно слушал. Аленка жива. Черепно-мозговая травма. Дней восемь не приходи-

ла в сознание. Нина Борисовна, ангельская душа, ясное дело сама каждый божий день в больницу бегала. С мужем Аленкиным познакомилась: он там безвылазно торчал, «приятный такой мужчина, расстроенный, аж смотреть страшно!». Вот вам и на грани развода! Сейчас вроде поправляется, «и слава Богу! Душегубства хоть тебе в вину не поставят». Но это при одном условии: «Если Мишенька, сосед, из комы тоже выйдет. Пока врачи только руками разводят. Уж как ты его… Никто и не поймет толком. А ты, башка твоя пьяная, не помнишь ведь! — И заплакала: — Соседям и раньше в глаза смотреть было стыдно, а теперь…»

— Где Мишка-то лечится? — Вершинин почувствовал, с какой тревогой и надеждой колотится чужое пропитое сердце. Выдержало бы!

— Тебе оно на кой? — «мама» вытерла слезы. — Хорошо сказал, «лечится»! Лежит деревяшкой, а не лечится!.. В этой… В нейрологии.

— В какой?

— Вот завелся, непутевый! В четверке, на Ковалевской.

Ну, прощай, СИЗО! От души обнял «маму». Она уткнулась в грудь и опять давай плакать… Пусть плачет. Есть о чем. Да и сам заплакал втихую…

* * *

Внезапно пришедший в сознание в наилучшем расположении духа и космическом самочувствии пациент Вершинин окончательно поставил в тупик врачей, и так пребывавших в полном недоумении относительно причин комы. Суетились. Носились вокруг него всем отделением. Взяли все возможные анализы. Раз десять измерили давление и температуру.

В это же время медицинская суета происходила и на другом конце города. В тюремной больнице врачи кололи лошадиную дозу успокоительного заключенному Мухину Станиславу Олеговичу. Совсем с ума съехал мужик! То больше месяца ничего не помнил о преступлениях, в которых подозревался, а теперь, видишь ли, вечером вскочил с койки, стал в панике бегать по камере, кричать. Сокамерников не узнавал, охранников тоже. Все голосил: «Белочка, люди добрые, белочка!»

Вершинина для порядка и в интересах науки еще недельку подержали в больнице. Навещали обрадованные коллеги. Кажется, снова полюбили! И почему для любви окружающих надо быть либо сыном большого человека, либо кандидатом в покойники? Давыдов приходил с дорогими отборными фруктами. Он показался Вершинину каким-то очень теплым и трогательным. Говорил много хорошего. Даже прослезился. Петренко тоже примчался. Был глубокомыслен и слегка загадочен. Все повторял, что Вершинин теперь — философ больше, чем они все, понеже побывал на краю вечной бездны. Вывод, однако, сделал препохабный: пора писать докторскую. Милые, по-своему добрые, по-своему забавные люди!.. Как-то стыдно теперь было за пакости, которые он им устроил без особых поводов. Слава Богу, обошлось!

Теперь уже все обошлось!

* * *

Снова дома, и к лешему дурацкие опыты! Через «не хочу» прибегнул к технике одержимости только дважды — ради благой цели. Сначала воспользовался телом начальника следствия. Велел подчиненным составить Стасику

обвинительное заключение помягче. Потом поработал ангелом-хранителем в теле председателя областного суда: в коридорчике шепнул судье, который должен был рассматривать дело, чтобы не губил парня.

Был Вершинин и на судебном заседании как один из потерпевших. Поскольку сам всю кашу и заварил, а к телу Стасика в свое время почти привык, чувствовал странное раздвоение. Естественно, дал самые благоприятные для алкаша показания: мол, пришел домой с лекции, переоделся. В дверь позвонил подсудимый — просил денег на опохмел. Конечно, дал по-соседски. Назвал сумму. Заметил, что адвокат удовлетворенно кивнул — сумма совпадала с найденной в кармане пальто подсудимого при задержании. Затем, мол, неожиданно почувствовал недомогание, попросил соседа не уходить, прилег. Очнулся в больнице. Уверен на все сто, что гражданин Мухин не имел никаких преступных помышлений. Парень пьющий, но добрый. Из квартиры ничего не пропало. Так что не имеет претензий и просит проявить снисхождение.

Аленка пришла в суд с мужем. Слегка подурнела и располнела. На Вершинина и Стасика старалась не смотреть. Ее показания были тоже на пользу подсудимому. Пришлось признать, что заблуждалась относительно целей пребывания Мухина в квартире Вершинина. Понапрасну подняла шум и панику. Лицо расцарапала. В общем-то, тоже зла не держит. Не удержалась, добавила, что после происшествия восстановилась семья. Даже всплакнула. Растроганный Вершинин тут же удалил ее номер из телефона.

Соседи побранивали Стасика за пьянство, но тоже в один голос говорили, что парнишка — добрый и безобидный. А мать — вообще святая женщина, побольше бы таких! Так что намекали как могли на снисхождение.

Адвокат настаивал на невменяемости. Заключение врачей однозначное — парень не симулирует. Амнезия налицо. Сидел в кухне, потом очнулся в камере. Другое медицинское заключение однозначно свидетельствует, что никаких следов физических повреждений и какого-либо внешнего воздействия у потерпевшего Вершинина не обнаружено.

Сам Стасик был незаметней всех. Ошарашенно моргал, на вопросы отвечал: «не помню» да «не знаю». На констатацию невменяемости судья не решился. Квалифицировал причинение тяжких телесных по неосторожности. Памятуя о рекомендациях председателя, сделал вид, что не заметил отягчающего обстоятельства — состояния опьянения. Стасику улыбнулось наказание по низшему пределу. Вершинину только оставалось через полгодика совершить еще пару чудес с правоохранительными телами, чтобы Мухина условно-досрочно освободили за примерное поведение.

* * *

Годовщину смерти отца Вершинин мечтал отметить в одиночестве. Конечно, не получилось. Университет устроил торжественное заседание в актовом зале и пышные поминки. На фасаде главного здания установили мемориальную доску. Густо многословил новый ректор, Чугунов. Вообще было много речей.

Студенческий хор не без греха исполнил первую часть «Stabat Mater» Перголези. Студент-старшекурсник, активист до противного и неизменный участник всех торжественных мероприятий, с надрывом прочел стих собственного сочинения. Явно подражая Маяковскому, призывал всех, и университетскую

молодежь в особенности, «дела вершить по-вершинински!». Пожилые коллеги смахивали слезу. Чугунов мудро и скорбно кивал в такт рубленому ритму. Впрочем, выражение его физиономии подсказывало, что он уже пригрелся в главном кресле и дела должны вершиться по-чугуновски.

Вершинин вернулся домой затемно, отчасти растроганный, отчасти расстроенный. Включил телевизор. В разгаре была прямая трансляция Генеральной Ассамблеи ООН. Президент Обама менторским тоном говорил об опасности России для мирового порядка. Вершинин с раздражением закурил.

А здорово, если бы господин президент сейчас на полминутки умолк под непонимающими взглядами зала. Потом снял бы галстук, заявил бы, что все вышесказанное — полная хрень. Покаялся бы по поводу имперских амбиций своей страны. Признался бы, что Штаты финансируют террористов, устраивают революции и повсюду шпионят. Призвал бы соотечественников и вообще весь Запад пересмотреть систему ценностей и внешнюю политику. Извинился бы перед всем миром, заявил бы об отставке. И, рыдая, побежал бы в уборную… Конечно, домашнюю заготовку нашего президента это похоронит, но, похоже, он вряд ли расстроится…

Почувствовал легкое головокружение. Встал. Порылся в кармане. Вот она — пятирублевая монета! Взлетает вверх от щелчка большого пальца. Вершинин зажмурился…

Монета с приглушенным стуком падает на ковер. Он стоит посреди комнаты с закрытыми глазами. Политическая судьба мира лежит перед ним в виде металлического кружочка. Меньше десяти центов по курсу, кстати, о птичках…

Что ж! Если решка, никакой больше техники введения в одержимость! Разве что в самых крайних, архиважных случаях и с доброй целью. А если орел… Хватило бы знания английского. А уж дури хватит, будьте спокойны!

Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

Береги то, что есть...

Два брата

Я Каин,
я — Каин!
Откликнись же, Авель,
пришло мое время,
мой час — моя смерть.
Ищу тебя, Авель,
ведь ты же — не умер!
Не мог, не простив меня,
ты — умереть.
Ведь ты же, брат — Авель,
был — Богом любимый,
безмерно был добрым,
ты можешь — прощать!
Ищу тебя, Авель,
я — Каин, я — Каин,
откликнись в тумане,
нет сил уж — кричать!
И нет мне прощенья,
но ты же — безвинный,
а кто же еще меня
может простить?

Я — Авель…
Я — Авель,
давно уже слышу
твой плач и рыданья,
все крики тоски.
Как тщетно искал ты
в степи — покаянья,
там, где ты убил меня,
тяжки пески…
И ноги, и грудь мне
сдавила пустыня…
Простил бы тебя я

в неравной борьбе,
да встать не могу я…
Но, плачу внимая,
и слышу, и знаю,
как горько тебе!
Как холодно, брат мой,
как невыносимо
ходить без прощенья,
где раньше ты — жил!
Мой кровный, любимый,
где кровь — там отмщенье,
нет доли страшнее,
нет муки сильнее,
но ты же — убил…

Безбожник не знает,
какое страданье —
жить без покаянья…
А я бы — простил.
Я — Авель!
Я — Каин…
Навек неразлучны
в столетиях — рядом
звучат имена:
два кровных,
два брата:
один — убиенный,
другой — непрощенный,
и пропасть меж ними
без края.
Без дна.

Я — Каин…
Я — Авель…

Памяти сына

В чистом поле,
чистом, белом,
белой ночи свет.
Там — душа
прощалась с телом
на заре — навек.

Ах, прощалась,
тосковала
и к родным рвалась,

на мгновение
влетела
в дом, где родилась.

Встрепенулась
среди ночи,
пред рассветом, мать.
Горе, горе, нету мочи.
Очи выплаканы, очи —
нечем зарыдать.

В чистом поле
белы звуки,
даль белым-бела…
Не подставила
я руки,
не уберегла!

Видно, мало
я молилась,
вглядывалась в даль,
и — случилась
ночью белой —
черная печаль...

В чистом поле
свет лучистый…
Белый-белый свет,
чистый, чистый,
а от боли
нет спасенья.
Нет.

Научись — дорожить…

Я пришла в этот мир удивительный — смело,
Беззащитной, но сразу безмерно любимой,
День весенний сиял, от черемухи — белый!
Той любви мне хватило на осени, зимы,
На морозы, болезни, страдания, холод…
Был красив мой отец, ослепительно молод,
Мать — под стать ему тоже, но только — моложе,
И была как две капли на них я похожа!

А сегодня — взглянула: за окнами — осень,
Золотая, моя, свое золото сбросив,
Ты со мной засыпаешь, а завтра — зима.

Кто бы звал ее? Только — приходит... Сама.
Сердце пьет свою чашу, стучит: ты — жива!
Я стою на краю, о любви — все слова:
Потому что — сильнее, желанней на свете
Ничего, лишь она, с нею — внуки и дети…

Нежный щебет рассвета и утра настанет,
Вновь — вольется в окно, но... меня не застанет.
Унесут меня самые легкие кони
Далеко, высоко, где никто не догонит,
И со мной улетят — мои первые слезы,
Первый снег, и любовь, и апрельские грозы,
Мое звездное небо, обиды, прощения,
Здесь — останутся строки и стихотворения.

А они говорят: пой, как птица в саду,
Все, что жизнью дано, принимай, как награду,
Каждый день, даже боль и любую беду,
Это — доля твоя, знает Вечность, что надо
Дать любому из нас: свой экзамен сдавай
И не падай, не плачь, не стони, а — вставай,
Береги то, что есть, ведь могло — хуже быть…
Научись тем, что есть, что дано, — дорожить.

Не придавайте пустоте значенья…

Я вас прошу: в угаре увлеченья
страх отметая, ложь и суету,
не придавать пустым делам значенья,
не тратить сил души на пустоту.
Живущему — однажды суждено
вдруг испытать в отчаяньи глубоком,
что в смерти и страдании — одно
дано нам: быть одним и одиноким.
У каждой жизни эти даты есть,
достойные навек застыть в граните:
одна — рожденье, а другая — смерть,
а между ними, радуясь, живите!
День каждый — словно с чистого листа,
не сдерживая слез и восхищенья,
а чтобы вас не съела пустота,
не придавайте пустоте значенья.

Иван САВЕРЧЕНКО

Сокровище кривичей

По следам легенды

1

Страх воцарился среди кривичей: магическое оружие — лук со стрелой и блестящий короткий меч, — доставшееся племени в наследство от далеких предков, внезапно потеряли свою силу. Все жили предчувствием неминуемой беды. Старейшины родов в один голос обвиняли *Волка* — властителя кривичей. Он совершил смертный грех — в гневе убил невинного земледельца, и потому, как объясняли жрецы, навсегда лишился поддержки богов.

В отчаянии когда-то могучий и непобедимый Волк носился на взмыленном скакуне от селения к селению, советовался с волхвами, искал выхода. Его преследовали тяжкие мысли: «Народ погибнет, враги завладеют всеми богатствами, испепелят землю, разгонят людей, а его самого разорвут на куски и бросят диким зверям». Сон не шел к нему. Глаза налились кровью.

Обессиленный, он остановился у раскидистого дуба над Полотой. В тени могучего дерева Волк на минуту свел веки, задремал, и ему приснился сон, который, к счастью всей кривичской земли, стал вещим. Волк отчетливо увидел: «Мимо леса бежит молодой и крепкий лось. Земля дрожит под его копытами. Рога у лося — золотые, а на них отражается Солнце. Вдруг лось поворачивается и летит прямиком к Волку. Тот будто и рад, но не знает, что делать. Пытается осмотреться, но не может повернуть головы».

Через силу Волк проснулся. Сразу почувствовал облегчение на сердце. Позвал волхва, рассказал свой сон.

Прорицатель объяснил:

— Молодой лось с золотыми рогами — это молодой князь, наш новый повелитель. Нужно посылать гонцов за Варяжское море. Там, у могущественного князя лютичей Любомира, есть младший сын — Рогволод. Твой сон ясно говорит: молодой княжич избран богами, чтобы царствовать у нас. Такова воля небес! Ее не обойдешь, иначе кара постигнет нашу землю!

Вскоре посольство от кривичей отправилось в неблизкий путь.

2

Шел 945 год от рождества Христова.

Мощная Двина уверенно сокрушила ледовый панцирь, который сковывал ее в течение долгой зимы, избавилась от холодных льдин. Всю весеннюю муть и стоки с придвинских просторов стремительно поглотило соленое Варяжское море. В природе началось обновление. Настал благоприятный момент, чтобы воплощать в жизнь смелые планы.

Рогволод, которому зимой исполнилось двадцать лет, принял окончательное решение: весной оставить обветренные берега Варяжского моря и перебраться в лесистую Кривичскую землю. В Полоцке его с нетерпением ждали.

Опытные и хорошо искушенные мореходы тщательно подготовили три проверенные соленым морем ладьи, надежно упаковали все вещи, необходимые для долгого плавания. Путь им был, конечно, знакомый, но совсем не близкий и довольно трудный.

Рогволод с верными и надежными друзьями, а также прислугой, направился вдоль морского побережья к устью Двины. Плыли с хорошим настроением. Попутный ветер помогал гребцам.

Княжич вглядывался в морскую даль, смотрел на молчаливый берег, мысленно прощался со знакомыми с детства местами. Приблизительно сто лет назад этим же путем плыл Рюрик-варяг, также приглашенный восточными славянами на княжение. Рогволод знал, что Рюрик долгое время властвовал в Новгороде, создал там мощную державу.

Сердце Рогволода немного печалилось, но в целом он чувствовал удовлетворение — впереди самостоятельная жизнь, наполненная большими делами и приключениями.

Еще в прошлом году к его отцу приезжали послы от кривичей. Многословные гости, как и полагается, привезли ценные подарки — мечи и луки, мягкие изделия из меха, украшения и хорошее угощение. Князь принимал подарки, радовался, так как предчувствовал: они пришли с хорошими новостями.

Во время роскошного ужина послы-кривичи перешептывались с князем Любомиром. Как выяснилось позже, они просили направить княжить к ним его младшего сына — Рогволода. Князь не возражал. Наоборот, был рад, что его род расширит владения и он станет еще сильнее.

Рогволод тоже был доволен: наконец выйдет из-под строгого родительского присмотра. Хотелось жить собственным умом. О свободе Рогволод уже мечтал много лет, давно считал себя взрослым. К тому же, он имел практический опыт в различных ремеслах, был первым в охоте на диких зверей.

К тому времени Рогволод получил и надлежащую военную закалку. Много раз его меч сокрушал головы вурдалаков-германцев при столкновениях с ними. Довольно рано он испытал наслаждение победы над врагами.

Без особых приключений мореходы добрались до устья Двины, а затем вверх по течению направились в землю кривичей. Хлопот с питанием не имели. Накопченного мяса хватало. Отдыхали и угощались чаще всего прямо на ладьях.

Изредка выходили на берег, разжигали костер. Двина, особенно под вечер, словно кипела от рыбы. Разворачивали сеть-бредень, протягивали раз-другой вдоль берега. Корма кишмя кишела от речной живности — щуки, окуни, лини, плотва, длинные усатые мени. Вкуснее и сытнее ничего не придумаешь!

Старались, однако, не очень часто останавливаться. И не потому, что чего-то опасались, — берегли время, спешили в Полоцк.

Плыли долго, чаще держались берега. Ближе к берегам течение было не таким сильным, как в середине реки.

Рогволод вглядывался в прибрежные пейзажи, мечтал о скорой встрече со Звениславой — дочерью старейшины Волка. Ее удивительную красоту в прошлом году на все лады расхваливали приезжие послы кривичей.

Сердце княжича, однако, беспокоили тревожные мысли: «В самом ли деле она так хороша? Не станет ли этот династический брак тяжким игом для него? Где и какой выход тогда искать? Но ничего уже не изменишь. Так распорядился Кон. Решение принято окончательно».

Рогволод успокаивал себя, верил в лучшее.

3

Накануне приезда Рогволода в Полоцк на подоконник к Звениславе прилетели синички. Они радостно щебетали, махали крылышками, перепрыгивали с места на место. Звенислава увидела в этом добрый знак. «Значит, все идет к лучшему, боги не против моего счастья», — подумала девушка. Ее сердце успокоилось, тревожные мысли отлетели прочь.

Ладьи с гостями причалили к берегу ближе к полудню. Лучи весеннего солнца согревали землю, все вокруг зеленело. Рогволод спрыгнул с ладьи, огляделся. Он был среднего роста, но крепкого телосложения, с правильными чертами лица и светлыми волосами. Одет в короткую тунику с вышитой каймой, подпоясан кожаным ремнем с бронзовой чеканной застежкой. Сверху на плечи накинут широкий плащ. На ногах — мягкие сафьяновые сапоги.

Гостей встречало много полочан. Все хотели видеть князя. Мужчины, женщины и подростки стояли на валу, иные — прямо на берегу. Головы девушек украшали венки, изящно сплетенные из ярких луговых и лесных цветов.

Согласно обычаю, красиво одетая молодая девушка преподнесла Рогволоду каравай. Волк стоял впереди толпы. Он шагнул навстречу и крепко сжал в объятиях Рогволода, как предполагалось — будущего зятя и нового властителя Полоцкой земли.

Рогволод поблагодарил хозяина, передал добрые пожелания от отца.

Люди в толпе шептались, кто-то довольно громко произнес:

— Ишь ты, варяг, а одет как мы! И говорит почти по-нашему!

Девушки, празднично одетые в легкие белые платья, запели песни в честь гостя. Теплый летний ветер понес их над Двиной.

Волк был взволнован. Он очевидно радовался приезду Рогволода. Повел дорогого гостя в дворец, специально построенный для него из звонкой смолистой сосны.

Новый дворец для будущего князя стоял на пригорке. Властитель должен далеко видеть! Сказочной красоты здание польстило Рогволоду. Удивили узоры, вырезанные на дверях. Дощечки аккуратно подогнаны друг к другу. Видно было — дерево обрабатывали умелые руки мастеров. В просторных комнатах все упорядочено, должным образом подготовлено для уютной жизни.

Вечером в честь прибытия Рогволода устроили роскошный пир. Крепкие дубовые столы прогибались от блюд, приготовленных умелыми руками местных поваров. Деревянные и глиняные миски были доверху наполнены жареным и вяленым мясом — олениной, лосиной, дичью, зайчатиной, колбасами, различными видами рыбы, солеными грибами. Пили медовуху и яблочное вино. Слуги подносили новые блюда, ловко обслуживали гостей и хозяев, которые расположились вдоль столов на скамьях.

То и дело звучали тосты за здоровье господина кривичей и дорогого гостя. Высоко поднимали наполненные до краев кубки.

Наконец наступил главный момент. Волк приказал слугам позвать дочь. Звенислава, заметно волнуясь, вошла, поздоровалась, села слева от отца.

За весь вечер Рогволод лишь несколько раз обменялся с ней взглядом. Пообщаться, а тем более остаться наедине не позволял обычай.

4

На следующий день Волк показывал Рогволоду город. Обзор начали с Верхнего замка, который был наиболее защищенным. Полоцкий детинец стоял на высоком правом берегу Двины. От Полоты до Двины прорыт глубокий ров, заполненный водой. Замок был укреплен дубовыми стенами, имел девять башен с несколькими этажами бойниц. Из них лучники могли беспрепятственно стрелять по врагу.

Ближе к воротам находилось просторное здание. Там жила личная охрана князя из наиболее искушенных и проверенных дружинников.

В Верхнем замке кроме дворца князя стояли впечатляющие сооружения — Оружейная палата и Сокровищница.

Оружейная палата имела округлую форму. Бревна располагались вертикально, были плотно подогнаны друг к другу, накрыты острой дощатой крышей. Она имела несколько входов, чтобы в случае надобности можно было быстро раздать мечи, копья, щиты, боевые топоры, луки с колчанами стрел. Снаружи, около каждой двери, стоял вооруженный стражник. Оружия и различной защитной амуниции было довольно много — на случай длительной обороны. Дружинники, которые жили в Нижнем замке и Заполотье, держали собственное оружие при себе. На всех башнях также находилось необходимое количество оружия. Кроме того, ремесленники и практически все мужчины города имели оружие в собственном жилище, под рукой.

Особенно поразила Рогволода Сокровищница. Над землей возвышалась постройка, словно отдельная башня, приспособленная к обороне. Ее постоянно охраняли вооруженные дружинники. Волк, Рогволод и воевода Лось вошли в здание, спустились по ступеням, выложенным из камней, в освещенное помещение. Стены и потолок крепились дубовыми плахами и плоскими камнями. Вдоль стен на низких скамейках стояли металлические и дубовые сундуки. Волк открывал их по очереди, показывал Рогволоду сокровища кривичей. Сундуки до краев были наполнены золотыми и серебряными изделиями редкой красоты — кольцами с драгоценными камнями, амулетами, бусами, серьгами, браслетами. Отдельно хранились монеты — скандинавские, византийские, хазарские.

Волк объяснял:

— Все это — залог нашего могущества. В крайнем случае, всегда можно откупиться золотом и драгоценностями.

Рогволод не ожидал увидеть столько богатств. Он никогда в жизни не встречал таких сокровищ, собранных в одном месте.

Нижний замок выглядел намного скромнее. Он имел семь оборонительных башен. Почти в центре возвышался красивый дворец воеводы Лося, а также ухоженные домики, где жили состоятельные торговцы и дружина князя.

Значительную часть территории Нижнего замка занимала Ратница. Здесь происходила закалка дружинников. На площади были специальные приспособления для тренировок, изготовленные преимущественно из дерева.

В Заполотье, обнесенном высокими стенами с башнями, трудились мастера и ремесленники. Там обустроили свои мастерские оружейники, кузнецы, золотари, а также гончары, плотники, ткачи, сапожники, мясники и хлебники. За Полотой находилось определенное количество дружинников князя. В случае нападения они могли стремительно занять оборону на стенах.

Всего в Полоцке на то время жило более трех тысяч человек. С жильем полочане никаких неудобств не имели: вокруг шумели леса, строительного

дерева всем хватало. Городники — строители городских укреплений и плотники — хорошо знали свое дело. Испокон веков кривичи умели ловко обращаться с топором и столярными инструментами.

Волк подробно рассказывал, как возводилась оборонительная система города, хвалил мастеров, обращал внимание на многие детали. Город поразил Рогволода — ухоженный, хорошо укрепленный, надлежащим образом упорядочен.

Воевода Лось, который также сопровождал Рогволода, преимущественно молчал. Свыше двух метров ростом, человек-великан, мускулистый и ловкий, он практически не имел себе равных: прекрасно владел мечом, умело справлялся с длинным копьем. Лось лично отвечал за защиту замков, знал каждую деталь оборонительных стен, все башни и бойницы на них.

5

Рогволода, однако, ожидал сюрприз. Волк и другие вожди родов не сказали главного. Через день, к вечеру, они позвали его в Священную дубраву, что раскинулась на высоком берегу Двины.

В центре дубравы возвышался огромный Дуб-великан. Вокруг него равными кругами росли меньшие дубы, высаженные жрецами. Что-то мистическое и величественное царило в Священной дубраве.

Их уже ждал высокий седобородый жрец, который держал в руках тугой лук с короткой стрелой и двусторонний меч, изготовленные из неизвестного металла. Оружие принадлежало предкам кривичей. По преданию, эти лук со стрелой и меч кривичи получили из рук самого Перуна.

Когда приехали и спешились, Волк обратился к Рогволоду:

— Великий князь! Мы позвали тебя господином к нам, так как боги выбрали тебя. Наши жрецы прочитали волю небес. Сейчас я вручу тебе эти лук со стрелой и меч. Они имеют огромную силу. Тот, кто станет их владельцем, никогда не будет побежден врагом.

Все в оцепенении ждали. А вдруг жрецы ошиблись?

Как только Рогволод коснулся реликвий, в небе блеснула молния и ударил гром — окрестности содрогнулись. Люди от страха упали на колени.

Лук со стрелой и меч снова приобрели магическую силу. Небеса подтвердили избранность Рогволода.

Когда все стихло, Волк первым поднялся и воскликнул:

— Слава князю! Пусть процветает Полоцк и богатеет наша земля!

Остальные повторяли за ним:

— Слава князю! Слава Перуну!

Приблизился Волхв и сообщил князю:

— Эти лук со стрелой и меч получили наши давние предки от богов. Они свидетельство величия нашего народа! Никогда не забудем, кто мы есть! Никогда не потеряем души своей и сути.

6

Свадьбу сыграли через несколько дней. Она происходила по обычаям и обрядам кривичей.

Люди ждали главного события — когда Звенислава перед всеми разует князя и омоет ему ноги. Кривичи заботились о том, чтобы сохранить давний обычай.

Перед высоким крыльцом поставили деревянный княжеский трон, перед ним — низенькую скамеечку для ног. Рядом — кадка с теплой водой.

Рогволод подошел, сел на трон. Он немного волновался. Не за себя, за Звениславу. Но, как оказалось, князь напрасно беспокоился. Звенислава уверенно приблизилась к месту свадебного ритуала, быстро сняла обувь Рогволода. Пригоршнями набрала воду из кадки, омыла князю ноги. Затем нежно вытерла их платком, который держала наготове служанка. Много раз служанка Збыня показывала Звениславе это ритуальное омовение, пока та не освоила его до мелочей.

Старинный обычай, который символизировал вечную преданность жены своему князю-повелителю, готовность во всем служить и угождать ему, был должным образом исполнен. Именно с этого момента Рогволод и Звенислава становились мужем и женой.

Звучали свадебные песни, пожелания здоровья, благополучия, продолжения княжеского рода. Затем начались пляски с припевками:

Голубь сивый, голубь сивый,
Голубка сивее.
Отец милый, матка мила,
Девушка милее.

Все остались довольны. Династический брак заключен, политический альянс западных и восточных славян создан, мир и покой гарантированы. Полоцкая земля в лице Рогволода действительно нашла надежного князя-защитника.

Во время свадьбы Рогволод не был многословен, он спокойно вступал в свои права. Прозвище Варяг, сказанное кем-то из людей в тот момент, когда он ступил на Полоцкую землю, так навсегда и прилипло к князю. Почти все между собой звали его Варягом, но он не возражал. «Варяг так Варяг, чего тут обижаться. Главное, чтобы дела шли на лад», — разумно рассудил он.

7

Вскоре после восхождения на княжение Рогволод призвал воеводу Лося и приказал ему созвать дружину. Князь хотел проверить умение и военные способности воинов.

Дружина князя — отдельная каста, элита Полоцкой земли. В ее состав входили крепкие и рослые юноши, собранные из всех поселений княжества. На вершине военной пирамиды стоял воевода Лось, который имел неоспоримый авторитет среди дружинников. Он был отчаянный в сражениях и справедливый во время споров, которые возникали между воинами.

В состав дружины хотели попасть многие, но выбирались отдельные, наиболее подходящие к ратному делу. Юноши ежегодно в определенный день на лошадях и пешком собирались в Полоцк. Приезжали отовсюду — из Лукомля, Друцка и Борисова, из Браслава и Янковичей, из Логойска и Минска, из всех ближних и дальних селений. Они демонстрировали боевое мастерство, силу и ловкость. В дружину отбирали лучших — наиболее сильных и закаленных.

Дружинники показали новому князю все что умели. Наблюдать за зрелищем пришли все горожане. Толпа отзывалась возгласами одобрения после удачных приемов и гудела, если что-то шло не так.

На момент восхождения Рогволода на трон в княжеской дружине насчитывалось свыше трехсот воинов. Около тридцати — личная охрана князя. Около ста дружинников жили в Нижнем замке и отвечали за его защиту. Около двухсот находились в Заполотье. Их жилище стояло почти по всему периметру оборонительных стен, что было очень удобно.

Рогволод ввел систему в обучении боевым искусствам. Занимались преимущественно в первой половине дня. Затем делали перерыв на обед и отдыхали. Потом снова до позднего времени осваивали науку боя. Князь не только наблюдал за ними, сам бился на мечах — стоя и верхом. Вооруженные, со всей походной амуницией, переплывали на лошадях Двину.

Часто дружинники делились на группы, шли друг на друга. Учились держать оборону, наступать на врага. Княжеская дружина готовилась и к походам, и к защите Отечества.

С течением времени князь стал своим среди дружинников. Постепенно узнал о способностях и возможностях каждого из них. Среди дружинников выделялся коренастый юноша, который имел исключительные физические данные. Широкоплечий, с налитыми силой мускулами, он виртуозно наносил мощные удары медной палицей и топором. Его прозвали Медведь, что совершенно естественно. Парень быстро привык к прозвищу и откликался на него. Медведь стал первым среди дружинников князя. Правда, все остальные воины со временем тоже получили прозвища-имена: Бык, Рыжий, Воробей, Белый, Сова, Шпак, Комар. Называли чаще всего по главным чертам характера или в зависимости от внешнего вида.

Дружинники хотя и боролись за первенство, но жили дружно. Позже, в походах и сечах, им это очень пригодилось.

8

Рогволод счастливо княжил в Полоцкой земле. Брак, совершенный изначально по необходимости, вовсе не стал для него тяжелым бременем. Напротив, жизнь со Звениславой приносила Рогволоду невыразимую радость: он полюбил ее. Она стала не только самым близким и дорогим для него человеком, но и очень хорошим советчиком.

Звенислава первой познакомила Рогволода с местными обычаями. Она рассказала ему о главных богах кривичей — четырех детях Солнца, которые по очереди приходят царствовать на землю.

Первым является *Коляда*. Старые люди не раз видели его. Он похож на козла с длинной бородой. Именно поэтому появление Коляды приветствуют в козлиных масках, чтобы он видел, что все ценят его. В его честь поют колядные песни, дети собирают в сумки и плетеные корзины угощение для него.

Второй сын Солнца — *Ярило*. Он приносит на землю первое тепло, помогает людям сеять. Люди ждут Ярилу. Каждое поселение как может прославляет его. Хозяйки выпекают вкусные галушки, а наиболее старательные — лепят из теста птичек, запекают их на огне, а затем угощают детей. Все стремятся выразить радость по поводу его прихода.

Самый красивый и ласковый — *Лада*. Его владычество — пора созревания урожая, появления ягод и плодов. Если Лада чем-то недоволен, то начинается жара, и тогда нужно как следует ублажать его. Лада приходит как раз

в купальскую ночь. Именно в его честь девушки поют песни-гимны, просят осуществить их мечты о счастливой любви. На Купалу девушки и парни играют до утра, до восхода Солнца — отдавая дань уважения богу любви.

Четвертый сын Солнца — *Ящер*. Он приходит тогда, когда Солнце начинает ниже ходить над Землей. Его мало кто любит, кроме молодых парней. В то время, когда господствует Ящер, ребята забирают девушек из родительских семей и везут в свои дома. Ящер приносит холода и болезни. Большинство людей боятся его, поэтому встречают со страхом и трепетом.

Рассказы Звениславы на многое открыли глаза Рогволоду. Он лучше начинал понимать народ, к которому пришел на княжение.

Князь и княгиня принимали участие в народных празднованиях, в ходе которых чествовались главные боги кривичей. Они вместе приносили пожертвования *Волосу* — богу животных, чаще всего — молодого агнца. Верили, за эту жертву Волос обязательно будет способствовать плодовитости и защитит домашних животных от злых духов и смертельных болезней.

Летними солнечными днями, когда Лада царствовал на земле, Рогволод со Звениславой отправлялись на конные прогулки. Лошади стремительно несли влюбленных по лугам, вдоль опушек, ржаных полей. Останавливались на холме под развесистым деревом. Огонь любви охватывал Рогволода и Звениславу, наслаждением и счастьем пылали их сердца.

Наконец у князя родился сын. Первенца назвали Ратьмиром. Через три года появился на свет второй сын. По желанию родителей ему дали имя Светозар. Так случилось, что и первый, и второй раз, когда Звенислава рожала, князь был в походах. Только тогда, когда Рогволод возвращался, старый Волк сообщал ему радостную новость.

9

Молодой князь полюбил охоту на дикого зверя — незаменимый отдых и дополнительная закалка для дружины. Рогволод собственными глазами мог видеть свои владения — поля и луга, пущи и леса, реки и озера.

Круглый год били диких кабанов. Без мяса воинам нельзя, нужны сила и ловкость. Осенью, когда опадал лист и в лесу становилось видно далеко, гонялись за косулями и лосями.

Наибольшей ловкости и даже мужества требовала охота на правителей пущи — бизонов-зубров, которые имели свой нрав и характер. Добыть зубра было непростым делом, но помогал приобретенный охотничий опыт. Зверя загоняли в клинообразную ловушку, заранее возведенную из деревянных столбов. Хотя чаще — зубров, лосей и кабанов — догоняли на лошадях и валили копьями с металлическими наконечниками.

Уставшие, возвращаясь домой, каждый раз посещали бога *Перуна*, который величаво стоял среди леса. Высеченный из мощного ясеня, Перун на холме молчаливо ждал причитающуюся ему жертву — зайца или косулю. Кто и когда поставил здесь образ славянского бога Перуна — никто точно не знал.

Рогволод пешком приближался к капищу, всматривался в грозное лицо Перуна и замирал от волнения. Бросал Перуну жертву, тихо шептал, просил защиты у властелина земли и небес.

10

В 947 году Рогволоду сообщили, что киевская княгиня Ольга, вдова князя Игоря, направила вверх по Днепру дружины, чтобы расширить границы своих владений на Севере. Она жаждала полностью контролировать водный путь из Греции в Скандинавию. Неслучайно ее люди оставались в Могилеве, Орше, и даже добрались до Витебска и Пскова, основали заставы по реке Мсте и в верховье Волги.

Рогволод и вся полоцкая знать восприняли походы Киева как угрозу собственным интересам, покушение на их права. Местные князьки давно мечтали о новых землях и владениях. Князя-варяга они потому и пригласили, чтобы начать решительную и энергичную деятельность, смело двинуться за горизонт, перейти привычные границы.

Рогволод демонстрировал сдержанность. В ответ на призывы старейшин, которые все больше выражали обеспокоенность и даже недовольство, он спокойно предложил созвать Вече и принять совместное решение.

Скоро в Полоцк съехались гонцы со всех уголков Полоцкой земли. После громких споров и ссор, которые едва не переросли в драки, Вече решило: отвоевать земли на востоке, поставить где только возможно собственные дозоры.

Рогволод призвал местного астролога *Ворона*, прозванного так из-за черного цвета волос. Юркий и проницательный Ворон пользовался уважением и имел большой авторитет среди кривичей. Ни одна значительная затея не начиналась без совета с ним.

— Поведай нам волю небес, — приказал князь, — что говорят звезды?

Ворон достал из сумки сверток. Развернул на столе карту звездного неба, раскрашенную фигурками животных и неизвестных Рогволоду предметов. Он какое-то время пристально смотрел и чуть слышно шептал: «Гидра, Змея, Лев, Скорпион, Лира, Треугольник, Весы, Цефей, Андромеда, Орион, Близнецы...» Наконец ответил:

— Князь, небесные светила предсказывают успех.

Первый поход был совершен в 950 году на Витебск.

Накануне выступления дружины состоялась жертвенная вечеря. В Священной дубраве, неподалеку от Дуба-великана, на костре, служители культа жарили мясо молодых бычков. Дружинники наедались досыта. Они искренне верили — общее съедание добычи придает им сил, объединяет дружину в единый организм, что очень необходимо в длительном походе и кровавых сечах.

Утром отдохнувшие кони понесли полоцкую дружину на восток.

Поскольку витебляне и жители окрестностей сразу невзлюбили киевских ставленников, то Рогволод с дружиной очень быстро достиг цели. Люди княгини Ольги, услышав о приближении полоцкого князя с войском, в спешке сели на коней и оставили город. Витебляне встретили Рогволода как освободителя, с радостью открыли ему городские ворота.

В последующие почти полтора десятка лет, как только уходила вода и почва становилась твердой, Рогволод с дружиной отправлялся в походы. Боевые навыки дружины улучшались, каждый новый город отвоевывали легче предыдущего. Людские потери снижались, воины почти не погибали. Так овладели Оршей, Могилевом, Копысью, Велижем, Усвятами, Смоленском, Кричевом и Пропошеском. Конечно, каждый город имел особенности географического расположения и отличительные оборонительные сооружения.

Но Рогволод с дружиной, которой руководил силач Лось, умело преодолевал барьеры и препятствия.

Секрет успехов Рогволода заключался не только в военном мастерстве дружины. Он побеждал благодаря правильному выбору стратегии и поддержке богов. И главное — Рогволод имел магический меч и тугой лук со стрелой, которые вручили ему старый Волк и местные старейшины родов. Перед походом князь запускал стрелу высоко в небо. Она долго кружилась, а затем выбирала определенное направление. Конница шла тем путем, куда направлялась стрела. Когда армия останавливалась на отдых, стрела неподвижно стояла в выси. Дивную стрелу наблюдали все дружинники. Это был знак того, что боги — на стороне князя. Так доходили до города, который надлежало покорить. Тогда магическая стрела бесшумно возвращалась в колчан Рогволода.

Осада и штурм города не представляли сложностей. Оборонительные сооружения крушили легко, словно игрушечные. Не только таинственный лук со стрелой, но и меч Рогволода имел магическую силу. Как только князь доставал его перед битвой, он начинал излучать ослепительно-белый свет и наполнял владельца невероятной силой. Никто не мог победить Рогволода, боевой дух и оружие князя решали исход сражения. По всему видно, тени могучих пращуров и боги помогали Рогволоду.

После захвата городов полоцкий властелин оставлял там своих людей во главе с наместниками. В их задачу входил контроль над территорией, а также сбор налогов в княжескую казну.

11

Рогволод, наконец, решил посетить Скрипторий — место, где хранились древние и писались новые книги. Он уже много слышал о чудесах, которые хранятся в скриптории.

Здание книжников располагалось на Нижнем замке, напротив дворца воеводы. В нем ежедневно усердствовали книжники-летописцы. Князь выбрал день и вместе со Звениславой и сыном Светозаром направился к летописцам. К их посещению они должным образом подготовились.

Книжник-мудрец по имени *Любомысл* разложил перед гостями книги кривичей. Они были написаны на пергаменте — обработанной коже — довольно большими буквами. Текст часто перемежевывался цветными рисунками.

— Здесь помещены рассказы о главных событиях нашего рода, — пояснил Любомысл. — Написано, главным образом, о давних героях и их подвигах.

Рогволод аккуратно переворачивал страницы, с любопытством рассматривал рисунки, расспрашивал о том, что на них изображено. Любомысл охотно и со знанием дела рассказывал разные интересные истории, иногда зачитывал фрагменты из книги. Затем пригласил Рогволода и Звениславу к широкому столу, на котором лежала книга больших размеров. Развернул ее и продолжил:

— Это «Правда» — главная книга рода. В ней свод законов кривичей. Здесь записаны решения старейшин о наказаниях за различные провинности.

После листали другие книги — переводы мудростей египтян и халдеев, греков и латинян на язык кривичей.

Все книги были написаны смешанным алфавитом — латинскими и греческими буквами, а также знаками-символами кривичей.

«Действительно, чтобы их читать, а тем более писать — нужна великая мудрость», — подумалось Рогволоду.

Светозар попросил разрешения у родителей остаться у книжников. Они согласились, так как видели в нем склонности к науке. После этого Светозар часто наведывался в Скрипторий, охотно постигая книжную мудрость.

12

964 год стал особенным в жизни Рогволода. Звенислава родила дочь. Рожала тяжело, в муках, потеряла много крови. На глазах князя красавица Звенислава начала чахнуть и сгорать. От нестерпимой боли ее глаза погасли.

Знахарь *Зенька* применял все доступные ему лекарства, чтобы спасти княгиню. Поил настоями и отварами трав, натирал ноги барсучьим жиром. Употреблял даже магию — подкладывал под голову камни, закапывал отрезанные кусочки ногтей и пучок волос Звениславы в дремучем лесу. Не помогло. Тогда Зенька решился на последний шаг. По его приказу Звениславу отвезли в лес, привели к большой сосне с обнаженными корнями. Врач велел совсем ослабевшей к тому времени женщине пролезть под корнем многолетнего дерева. Но и это средство лечения оказалось напрасным.

После родов Звенислава прожила меньше месяца.

Умерла княгиня утром. Тело ее на второй день сожгли, а пепел развеяли в Священной дубраве.

Рожденную девочку назвали *Рогнедой*.

Печаль воцарилась в душе Рогволода. Давило грудь, на глазах часто выступали слезы. Осознание того, что Рогнеда никогда не увидит мать, пронизывало сердце. Все вокруг стало неинтересным.

На какое-то время Рогволод даже приостановил походы. «Зачем те земли и города, зачем богатства?» — думал с печалью князь. Да и воевать с единокровными братьями-славянами он, судя по всему, больше не хотел.

Рогнеду кормила и досматривала мамка. Дочери князя разрешалось больше, чем остальным детям. Однако она не слишком пользовалась возможностями княжеской дочери. Рогнеда проявляла склонность к рукоделию. Она с детства научилась прясть кудель, делать полотно и вышивать красивые узоры на рубашках и полотенцах.

Зенька охотно рассказывал Рогнеде о ее матери. Девочка любила проводить время с ним. Она внимательно слушала, запоминала все детали. Вместе с врачом княжна собирала лекарственные травы и коренья, помогала ему готовить настои и отвары.

Рогнеда с радостью занималась поварскими делами. Ей нравилось готовить вкусную еду — мясные изделия и выпечку, сбивать масло и делать сыры из молока коров и коз.

Когда дочь подросла, Рогволод чаще стал брать ее с собой. Она участвовала в охоте, выездах князя за данью. Постепенно княжна пристрастилась к боевым искусствам. Особенно ей удавалась стрельба из лука. Со временем дочь князя попадала в мишень не хуже взрослого лучника.

13

Постепенно Рогволод возвращался к своим обычным занятиям. Вместе с ним была *Рута* — черноволосая девушка редкой красоты. Дочь полоцкого кузнеца, который перед тем умер и оставил жену и дочь без защиты, смогла

утешить князя, вернуть ему интерес к жизни. Рута подружилась с Рогнедой, многому научила ее. Она принесла в дом князя уют, успокоила его сердце.

Рогволод наладил отношения со старейшинами соседних славянских племен — радимичей и дреговичей. Но особенно он дорожил дружбой с влиятельными киевскими князьями, при необходимости оказывал им помощь.

Полоцкий князь внимательно следил за событиями в Киеве. Там княжил *Святослав* — сын Игоря и Ольги. Он считался князем с трех лет, после смерти отца в 945 году. Но реальную власть осуществляла мать, княгиня *Ольга*. Полновластным киевским правителем Святослав стал лишь в 964 году.

Уже на следующий год Святослав организовал большой поход на Хазарский каганат. Рогволод долго не колебался и присоединился к Святославу. Старший сын — Ратьмир, имевший к тому времени достаточный военный опыт, также просился в поход. Но Рогволод приказал ему с частью дружины охранять княжество.

Тайное оружие князя на большом расстоянии от Полоцка не имело силы. Поэтому брать его не имело смысла. Надежды возлагались на военный опыт и боевое мастерство дружины.

На лошадях домчали до Орши. Там пересели на ладьи и вниз по Днепру доплыли до Киева. После воссоединения с войском Святослава двинулись на юго-восток, на город *Саркел* — столицу Хазарского каганата.

На пути произошло несколько крупных стычек с хазарской конницей. Высокорослые кривичи плечом к плечу с киевлянами громили хазар.

Саркел стоял на реке Дон, имел хорошие укрепления. Осада крепости длилась несколько недель. Наконец штурмом взяли город. Саркел, по предложению Рогволода, переименовали. Назвали на кривичский манер — Белая Вежа. В городе оставили большой гарнизон славянских воинов.

Рогволод повел с собой несколько десятков взятых в плен хазарских юношей и девушек, чтобы использовать их на родине как слуг. Но как показало время, это была его непоправимая ошибка.

Полоцкий властелин и впредь поддерживал властные амбиции Святослава Игоревича, имея от этого немалые приобретения. Кроме военного снаряжения и табунов породистых лошадей золото, драгоценности, редкие украшения — рекой текли в Полоцкую землю. Сокровищница кривичей стремительно пополнялась.

14

Весной 970 года Рогволод с дружиной пошел в поход на *Византию*. Начал поход могучий киевский князь Святослав Игоревич. Как наиболее опытный и влиятельный, он и возглавил объединенные славянские дружины.

Более трех сотен кораблей направились через Русское море к Царьграду. Все надеялись на удачу в походе. Славяне уже приходили под стены Царьграда. В 860 году отряды русичей приходили к столице Византии. Легендарный князь Олег с дружиной штурмовал Царьград в 907 году.

Армия высадилась во Фракии. Дружинники пересели на коней и двинулись на столицу Византии.

Рогволод и его воины впервые увидели неприступные каменные стены Царьграда. Сперва смутились, увидев твердыню, но постепенно преодолели страх и готовы были действовать отчаянно и решительно. Очень привлекала добыча.

Опытный византийский военачальник Патрикий Петр принял, однако, другое решение. Он откупился. Славяне получили большую дань, в том числе и на тех дружинников, которые погибли во время предыдущих схваток. Довольные, они сняли осаду.

Возвращались домой с немалыми сокровищами. Везли редкие вещи и ценные украшения. Часть богатств передали в Сокровищницу княжества. Остальными распоряжались как хотели: продавали, обменивали, дарили своим женщинам, которые ждали мужей из похода.

Дочери Рогнеде Рогволод привез ценные изделия, которые удалось добыть в Византии — золотые цепочки, серьги, кольца. Особенно утешило Рогнеду ожерелье — оно сияло всеми цветами. Рогволод сам закрепил его на шее Рогнеды. Глаза дочери светились невыразимой радостью, излучали благодарность.

15

В конце лета отмечали праздник урожая. Рогволод с дочерью выехали через Заполотье за город. Земледельцы из всех окрестностей собрались в селении над Двиной.

Жнеи на поле из последних колосьев «завивали бороду»: ублажали духа поля! Последний сноп — именинник — обвязали вышитыми полотенцами принесли к праздничному столу, поставили в красный угол.

Из колосьев сделали венок и возложили его на голову красивой девушке — владычице дожинок.

Избранная девушка приблизилась к Рогволоду, сняла венец и возложила его на голову князю. Рогволод, по обычаю, подарил ей кольцо с драгоценным камнем. Других жней также наградил — серьгами и браслетами.

Рогнеда присоединилась к хору девушек и вместе с ними пела жатвенную песню:

Ходил раю по улице,
Никто раю в дом не пустит,
Только попросила наша мать:
— А ходи, раю, ко мне в комнату,
А в моей комнате, как в горнице,
Мои столы тесовые,
Мои скатерти беленые,
Мои хлебушки золотые,
Медом налитые.
А мы жнейки молодые,
Серпы золотые —
Под горою жали,
Серпы позлочали.

Затем все земледельцы направились в украшенный к празднику дом, где их ждали блины с салом, яичница, мед. До позднего вечера не утихали жатвенные песни.

16

Полоцкий властелин приветствовал расширение власти киевского князя Святослава. Присматривался к его сыновьям, которые становились правителями в отдельных городах и землях. Около 970 года сын Святослава —

Владимир — стал хозяином Новгорода. Второй сын — Олег — получил Древлянскую землю. Старший сын — Ярополк, по наследственному праву, — оставался княжить в Киеве.

Полоцкий князь надеялся на мир со Святославичами. Думал о новых совместных походах на Балканы, на Волгу, далекую мордву и булгар, косогов и аланов.

Рогволод с грустью воспринял в 972 году известие о смерти Святослава. Киевского князя убили печенеги около днепровских порогов, когда он возвращался из очередного похода на Болгарское царство.

После смерти Святослава между его сыновьями вместо взаимовыручки и братского согласия вспыхнула вражда. Начались непрерывные и кровавые междоусобицы. Что послужило конкретной причиной для взаимной ненависти — тайна за семью печатями. Не иначе, главным мотивом стала необузданная жажда Ярополка единоличной и безграничной власти над всеми славянскими землями. Осенью 975 года он пошел на брата Олега, древлянского князя, и тот при побеге погиб, упав в ров.

Под натиском войск Ярополка второй его брат — новгородский князь Владимир — вынужден был бежать к шведам. Весной 978 года он вернулся с дружиной наемников и сумел отвоевать Новгород Великий. Сбросил наместников Ярополка и установил свою власть.

Кровавые разборки претендентов на Киевский престол существенно уменьшали угрозы для Полоцкого княжества. Но Святославичи во взаимной борьбе искали союзников и все чаще обращали свой взгляд на Полоцк. Поэтому Рогволоду надо было определяться: на чью сторону стать, с кем дружить, кого поддерживать.

Какое-то время полоцкому властителю удавалось хитрить и лавировать между различными лагерями, сохранять военно-политический нейтралитет.

17

Наступил 978 год. Он стал решающим для семьи Рогволода и всей Полоцкой земли.

Рогволод мечтал о том, чтобы породниться с киевским князем Ярополком. Именно он являлся полновластным господином Киева, законным наследником престола. Согласно планам Рогволода, они вместе с Ярополком смогли бы противостоять агрессивным ордам, совершать совместные походы на степняков, собирать с них дань.

Рогнеде как раз исполнилось 14 лет. Самое время выходить замуж! Лучшей кандидатуры для нее, чем Ярополк, Рогволод и не представлял. Рогнеда имела богатое приданое. Но она сама — бесценное сокровище, настоящая жемчужина Полоцкой земли — достойная невеста для киевского князя!

Ярополк был старше Рогнеды на четыре года. Он только и ждал, чтобы посвататься к ней.

Однако новгородский князь Владимир опередил. Через своего гонца он сообщил, что скоро пришлет сватов к Рогнеде. Властный и амбициозный князь Владимир не слишком заботился о взаимных чувствах. Он рассуждал просто: «Рогнеда будет ему хорошей женой, а ее отец — князь Рогволод— надежным союзником в борьбе с Ярополком». Владимир жаждал власти над Киевом. Для него, сына князя Святослава и ключницы *Малуши*, не было ничего важнее княжения в богатой Киевской земле.

В ночь перед приездом сватов Рогволод плохо спал. Решимость резко менялась на тревогу. Перед самым утром ему мерещилось: в лучах яркого солнца он кружит в воздухе вокруг своего дворца. В боевых доспехах, с мечом в руках, он борется с необычно большими, будто воробьи, пчелами. Они больно жалят его руки и незащищенные места. Рогволод изо всех сил бьет мечом, уничтожает их десятками, но пчел не уменьшается.

Проснулся, не отдохнув как следует. Омыл холодной водой лицо, немного успокоился.

Утром охрана сообщила князю, что в Полоцк приехали послы. Перед городскими воротами стояли гости из Новгорода — сваты от князя Владимира.

В качестве главного свата пожаловал *Добрыня* — дядя Владимира, родной брат его матери Малуши. Гостя вышел встречать воевода Лось. Он любезно приветствовал Добрыню. Затем новгородцев проводили в роскошный Гостиный двор в Нижнем замке, где обычно и размещали иноземцев и важных персон.

Вечером Рогволод пригласил Добрыню с дружками на ужин к себе в Верхний замок. Повара и челядь накрыли богатый стол.

Добрыню с друзьями посадили слева от князя. С правой стороны от Рогволода сидели Волк и воевода Лось. Затем сотники и состоятельные купцы. За спиной князя стояли два охранника — на всякий случай, для спокойствия.

Хозяева и гости много пили, вкусно ели. Беседовали, шутили, смеялись.

Воевода Лось выразил искреннюю надежду на дружбу между князьями. Он озвучил свою давнюю мечту:

— Полоцк и Новгород должны покорить хазар, уничтожить их до основания. Было бы хорошо побить и германцев. У них много золота и ценностей.

Рогволод и Добрыня кивали головами в знак согласия. Всем хотелось верить, что так оно и будет.

18

На следующий день Рогволод позвал в свои палаты Рогнеду. Она вскоре появилась в ярко-красном платье, с дорогими бусами на шее и золотыми браслетами на руках.

Беседовали недолго.

Князь вполголоса спросил:

— Ты, законная дочь полоцкого князя, согласишься жить с сыном рабыни?

Рогнеда молчала. Она выглядела на удивление спокойной и уверенной. Было видно, что должным образом подготовилась к будущей роли княжны.

Затем она неожиданно решительно ответила:

— Не беспокойся, отец. Я никогда не разую сына рабыни. Хочу быть с законным киевским князем Ярополком. Только за Ярополка хочу. Никого другого не желаю и видеть!

Рогволод встал, обнял дочь и сказал:

— Пусть все будет так, как хочет твое сердце.

Воевода Лось передал Добрыне отказ Рогнеды. Разгневанные сваты вскоре покинули город и стремглав понеслись в Новгород.

Князь Владимир, услышав оскорбительный ответ, вскипел от злости. Он жаждал немедленной мести.

Тем временем Рогнеде приснился сон: множество крыс и огромных тараканов носятся за ней по всему городу, противно пищат. Она пытается

скрыться во дворце, но они повсюду — лезут за ней в жилище, пытаются укусить за ноги. Она отбивается, кричит...

От собственного голоса княжна проснулась. Предчувствия не обманули Рогнеду. Через несколько недель огромное по тому времени войско Владимира, численностью свыше пяти тысяч воинов, стояло под Полоцком.

Добрыня, перед тем как покинуть Полоцк, сумел подкупить княжеского виночерпия *Тишилу*. Старый воевода предвидел гнев и решительные действия своего господина. Знал, что тот вскоре вернется с войском, чтобы отомстить Рогволоду и жестоко наказать Полоцк.

Алчный Тишила ждал условного знака. Как только получил его, ночью украл лук со стрелой и меч князя Рогволода. Завладев магическим оружием, вор бросился бежать. Виночерпий перебрался через оборонительные сооружения, спустился к Двине. Осторожно положил оружие в небольшой челнок, оттолкнулся от берега. Чтобы справиться с сильным течением, пришлось с силой грести веслом. Но вдруг челнок без каких-либо видимых причин, словно потянула невидимая рука, вместе с Тишилой стремительно ушел под воду и исчез в глубоком омуте.

Двина навсегда поглотила реликтовый меч и лук со стрелой. Никто с тех пор больше не видел магического оружия кривичей.

19

Утром у ворот Нижнего замка появились гонцы от новгородского князя Владимира. Рогволод приказал открыть ворота и лично выехал навстречу. Гонцы предложили ему мирно сдать город и вместе с дружиной присягнуть на верность их хозяину князю Владимиру. Рогволод отверг позорное предложение и гневно заявил:

— Вы пришли с мечом, от меча и погибнете. Пусть ваш князь-собака идет прочь с моей земли!

Посланники резко повернули и помчались в лагерь к Владимиру, который поставил свой шатер на возвышенности, неподалеку от Двины, чтобы видеть всю панораму Полоцка.

Рогволод отдал приказ готовиться к битве. Вскоре он узнал, что пропало его оружие — лук со стрелой и меч. Сердцем почувствовал неладное. Он распорядился немедленно перепрятать полоцкие сокровища подальше от города. Ночью ценности осторожно погрузили в ладьи и отправили вниз по Двине. В лесистой местности, на возвышенности, в тайном укрытии, подготовленном заранее, жрецы надежно замуровали сокровища Полоцкого княжества.

Штурм Полоцка возглавил Добрыня, который хорошо знал оборонительную систему города. Рогволод, однако, попытался помешать планам новгородцев. Он решил выйти за ворота и биться в открытом бою, в чистом поле. Рассчитывал сильным ударом отбросить врага, железной булавой навсегда отбить охоту не только угрожать, а даже приближаться к его владениям. Конница двинулась навстречу вражескому войску. Но хоругвь полочан заманили в ловушку, всадников расстреляли из луков. Погибло много дружинников. Князь с остатками дружины вынужден был повернуть назад и скрыться за стенами города.

После первого поражения было принято решение — детей и женщин вывезти из осажденного города. Ночью по Двине их удалось переправить в безопасное место.

Рогнеда отказалась покидать город. Она осталась вместе с отцом и братьями биться с врагом. В кольчуге и шлеме, с собственным тугим луком, заняла место на башне возле одной из бойниц.

Как только полоцкий князь отступил и закрылся в Нижнем замке, часть вражеского войска переправилась через Палату. Одновременно с Нижним замком войска Владимира начали штурмовать и Заполотье, которое имело стратегическое значение. Оттуда в Верхний и Нижний замки, через мостики, поставлялись припасы и продовольствие.

Защиту Заполотья возглавил лично воевода Лось. Рядом с ним боролся Ратьмир — старший сын Рогволода. Добрыня прекрасно знал роль предместья в жизни города, поэтому основной удар направил именно на него.

20

Осада Полоцка длилась почти неделю. Полочане мужественно боролись. На защиту города встали все жители — ремесленный люд и челядь, мужчины и женщины, все, кто мог держать оружие.

Нижний замок, семь башен которого были хорошо укреплены, защищала дружина под руководством Рогволода. Князь бился рядом с остальными защитниками города.

Ночью город со всех сторон обстреливали горящими стрелами. Крыши, накрытые осиновой щепой, мгновенно вспыхивали. Жители пытались гасить пламя водой и песком, но не справлялись. Склады с продовольствием охраняли наиболее пристально, не оставляли без присмотра ни днем, ни ночью.

Спасти Скрипторий не удалось. Ценные рукописные книги кривичей сгорели. Хотя, как потом говорили, книжники-летописцы сумели кое-что выхватить из пламени, перепрятать и сберечь.

Через несколько дней на месте ухоженного красивого города дымились головешки. На улицах лежали трупы. Разносились стоны и вопли раненых.

Врач Зенька не успевал оказывать всем помощь. Рогнеда спускалась со стен и вместе с ним перевязывала раны. Оттаскивали раненых в более безопасные места. Женщины, которые остались в городе, разделили судьбы своих мужчин. Они делали все, чтобы остановить врага.

Войско Владимира, усиленное наемниками-шведами, в конце концов смогло сломить сопротивление. Сначала взяли Заполотье. Затем ворвались в Нижний замок. Озлобленные, добивали раненых, из уцелевших домов вытаскивали ценные вещи.

Рогволод с остатками дружины отступил и закрылся в Верхнем замке, но ряды защитников с каждым новым наступлением редели.

Новгородцы наседали со всех сторон. В конце концов они тараном пробили замковые ворота и ворвались в замок. Полоцкий князь с дружинниками спустился с оборонительных стен и бился на площади. Сеча длилась еще несколько часов.

Рогволод отчаянно бился до последнего, до того момента, пока не увидел яркий свет. Он ослепительно сиял и постепенно овладевал всем его существом, а затем — поднял князя с земли и стремительно понес в небеса.

Перевод с белорусского автора.

Иван ВОЛОСЮК

Там продолжалось Божие творенье

* * *

Хорошо, что снегами укрыта земля,
что солдат в маскхалате стреляет в меня.
Что отсюда улыбка его не видна,
что я будто бы падаю в погреб без дна.
Что находят живым, и везут меня в тыл,
и в больницу заносят меня без бахил.
Что хирург, не надеясь на быстрый осмотр,
шьет пространство и смерть из меня достает,
а потом пьет из термоса кофе и зря,
что забрызгал халат, упрекает меня.

Донбасс, февраль 2015

* * *

Человеку другому, который сильнее меня,
достается земля, та, в которой нашел археолог
ископаемый меч, отпечаток лихого коня
и остатки костра на стоянке татаро-монголов.

Ты, кто завтра лопатой разроет слоеную степь,
по приметам каким-нибудь жизнь мою тоже заметь...

Дружковский диптих

1

В такой глуши, где воздух был нетронут,
не попадавший в легкие ничьи,
там в озере образовался омут,
а вдоль холма прорезались ручьи,

там продолжалось Божие творенье
уже само собой, без повеленья.

Земля вторично жизнь произвела,
и там, где прежде глина розовела,
лежало человеческое тело,
а позже рядом женщина прошла.

Все прочее осталось на бумаге,
и устыдились мы, что были наги,
перебрались в седьмой микрорайон,
где сам не помню, сколько лет живем.

Рука качает детскую кроватку,
на тремпеле сто лет висит пиджак.
Закат угас, и звезды в беспорядке —
в созвездия не сложишь их никак.

2

Соглашайся на меньшее, дура,
после хитростью все заберешь.
Старый Шлойме глотает микстуру,
собирает патроны Гаврош.

В этом городе страшно и дико,
и не выпрямишь спины людей,
чтоб там ни напридумывал Диккенс,
чтоб там спьяну ни плел Теккерей.

Добываем ли глину в карьере,
добиваем лопатой врага,
все равно мы свое отгорели
и попутали все берега!

* * *

Снег сам собой не образует мифа:
мы бабу снежную лепили — дети скифов,
сакральный смысл оставив на потом,
с кургана покатились кувырком.

А зимы были страшные: страшнее,
чем ночь в бомбоубежище. Дощечки
привязывали вместо лыж к ногам;
и даже если дом не уцелеет,
то в кухне летней как-нибудь у печки
перезимуем и хвалу богам

весной, когда снега сойдут с курганов,
мы выразим посредством истуканов.

* * *

Ночью я видел звезды обоих полушарий
одновременно (небо было почти молочным).
Будущее разбухло: оно вмещает
теперь и меня, но пока не точно.

Тошнит от русской весны, что продолжит собой
украинскую зиму. Копоти шин стало меньше,
запах въелся в Крещатик. Родинка над губой
помогает тебя отличить от других женщин

даже в толпе. На руке ожог от раскаленной
бутылки из-под белого полусухого.
Я привыкну к тебе и проснусь, просветленный,
в шесть или, может быть, в полседьмого,

проснусь, чтобы жить.

* * *

Я просочился в щелочку, меня не стало…
Александр Козлов

Мне жить разрешалось с людьми, но я был обязан
звонить в колокольчик, который носил с собой,
а смерть не за каждым следит, но за всеми сразу,
поэтому мне уже тридцать и я живой.

Когда в феврале из державной обертки — зверем
я выпал на снег *(Боже, элиосон имас!),*
деревья молились, раскачивались деревья
и в темной воде отражался один из нас.

* * *

По живому пространству, где фосфор
оставляет чахоточный след,
я прошел невесомо и просто
без знамен, без потерь, без побед.

Там о смерти ни слова — не каркай:
ворон ворона не заклюет!
На какие военные карты
нанесут этот пеший поход?

Я ходил по холмам и пригоркам
(хочешь смерти — так быть посему),
но ни корки теперь, ни полкорки
я с чужого стола не возьму.

Екатерина ДЕРИШЕВА

Наст настоящего

Черный ящик

воспаленное сердце
не бьется
не тикает
не стучит —
боится пошелохнуться

вблизи бьются блюдца
бренчат ключи
а я думаю
как бы мне не вернуться

туда где никто
никого не ждет;
в окне — черный квадрат
и кровать — черный ящик

где «прости» холодное
не спасет;
каждый прожитый час
вороват
и ненастоящий

где «люблю» — умелая чехарда
с расстановкой акцентов
деталей признаков

рассуждала раньше — тебя не предам —
прости
но время стирает призраков

слой

скажи хоть слово —
сними ороговевшую тишину

фракталы слов
отслаиваются на коже памяти
разлетаются на буквы
звуки
оттенки звуков

голоса
акушерок
родителей
одноклассников

соседок тети ани светы
маши
узнанных за время жизни
тысячи голосов
серфингуют
в сознании
но одного не хватает

интерференция

наст настоящего
земля еще помнит
первые поцелуи снега

Ирина ЖАРИКОВА

В секунде от истины

* * *

Мне несладко сейчас, будто что-то не отпускает.
Будто кто-то крадется в памяти в дальний угол...
Будто новый сюжет о суетном по Дискавери
о пришествии толстых клоунов, глупых кукол.

И зачем мне, скажи, подсказки, цветы, поблажки,
если мир не продвинется далее ни на йоту?
Смотрят странно и дико забытые чебурашки
из витрин магазинов, отчаянно ждут субботу.

Вот бы смелости мне — набираться ума и опыта
и не слушать глупцов, но себя научиться слушать,
быть простым и серьезным нынче довольно хлопотно.
Наряжаем тела, позабыв, как всегда, о душах...

Ты приходишь, и свет…

ты приходишь ко мне, когда ночь заливает чернилами небо
будто соткан из света густого и ветра горячего
я не верила в чудо, но сердце бывает так слепо

что иллюзии прыгают в небо игривыми мячиками
ты приходишь… и нет, ничего, что пока не сбывается
наш заезженный сон, в унисон мы вдыхаем октябрь —
знаю точно, ты тоже смотрел его на ночь по пятницам
/или просто рекламу плакатную видел хотя бы…

ты приходишь, и свет застывает в секунде от истины,
закрывая от вьюги и стука в хранилища прошлого
но помятые сны не о главном разбросаны-списаны,
ты приходишь, и хочется верить в победу хорошего.
ты приходишь, и свет…

I. P. Ангела

Настоящие ангелы никогда-никогда не падают,
в их сердца оберегом заложена доброта.
Там, в уютной общаге на Райской, окуренной ладаном,
на ЖК-мониторах раскинуты города.

Там следят за падением в пропасть отнюдь не ангелов,
тех, кого перепутали люди во тьме с собой…
И горят в небесах неустанно прозрений факелы,
освещая в погасших душах густую боль…

Но сбоит интернет-провайдера оснащение,
ведь не всех горемычных дано на земле спасти.
Вестник Божий читает Библию, ждет прощения.
А поэт, понимая, о нем сочиняет стих.

Корнелл ВУЛРИЧ

Одной ночи достаточно[*]

Роман

10

Полночь недолго пробыла в соседней комнате. Видно, ей пришлось здорово попотеть, чтобы добиться успеха. Даже не знаю, как ей это удалось. Очевидно, кубинка уже имела в этом деле практику. Потому что непростое это дело — вернуть на землю человека, одурманенного парами мака. Может, ей помогло женское чутье, подсказывающее, что надо делать. Ведь каждая женщина инстинктивно чувствует, как надо ухаживать за больным, даже не пройдя курсов медсестер. Так и Полночь знала, как следует обращаться с наркоманами, хотя этому ее никто не учил.

Я слышал через стену практически все ее настойчивые попытки вывести несчастного из бесчувственного состояния. Временами у меня кровь застывала в жилах, но это бывает, когда воображение дополняет то, чего мы не понимаем.

Сначала я слышал только голос Полночи — монотонный, настойчивый, автоматически повторяющий одни и те же фразы. Иногда она останавливалась, но потом снова принималась за свое. «Может быть, женщина говорит на ухо китайцу», — подумал я. И тут же отогнал от себя видение, которое напомнило его отталкивающий вид. Голос в соседней комнате перешел на повышенный тон, стал резким, временами почти истеричным. Может, она побуждала его проснуться пинками.

Потом, я услышал звук тазика или металлического бака и шум воды, льющейся в другой бак, более маленький. Прошло несколько минут. И опять голос продолжил механически, как сломанная пластинка, повторять одну и ту же фразу. Потом снова шум воды, мягкий шорох, как будто мочили тряпку, и ватный звук похлопывания. Наверное, Полночь стегала по телу китайца полотенцем, смоченным в воде.

Теперь ее голос прерывался стонами и бормотаниями того, кто был почти призраком. Затем опять лишь понукания Полночи. Наконец я услышал грохот, как будто кто-то из стоячего или сидячего положения упал замертво.

Мое сердце сжалось.

Удары стали более резкими, как от хлыста; вероятно, кубинка уже била наркомана не мокрым полотенцем, а тыльной стороной ладони.

Вдруг наступила тишина, и почти тут же распахнулась дверь комнаты. Появилась Полночь. Лицо покрыто капельками пота, мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Мне почти удалось! Но он снова от меня ускользнул. Быстро дайте сигарету.

---

[*] Окончание. Начало в № 2, 3 за 2018 г.

Я не понял, до меня всегда доходило с опозданием. По глупости подумал, что женщина хочет сигарету для себя. Кубинка почти вырвала ее у меня из рук, сунула в рот, наклонилась над свечой и убежала, оставив в воздухе немного голубоватого дымка.

Только после того как Полночь ушла, я понял все. Кубинка не курила сигарет, она мне уже говорила. Она курила сигары. Но, вероятно, окурок сигары был слишком большим для того, что она задумала…

«Как бы не сойти с ума, когда услышу эти звуки», — подумал я и принялся ходить взад-вперед по комнате.

Крик, который донесся из-за стены, был душераздирающим. Меня передернуло. Я попытался представить себе сцену, но не мог поверить, что возможно столько времени держать сигарету прижатой к телу человека.

Однако, как я понял, Полночь получила желаемый эффект, потому что с этого момента из-за стены были слышны два разных бормочущих голоса. Естественно, ей нужно время. Полночи нужно хорошо потрудиться, чтобы убедить китайца. Но деньги помогут! Деньги быстро могут завоевать доверие кого бы то ни было.

Наконец Полночь вернулась ко мне. Она шла шатаясь, с видом человека, который с высоты звездного неба случайно бросил взгляд в темную глубину ада и не успел быстро его отвести. У нее стучали зубы, когда закрывала дверь.

— Я бы предпочла умереть, — сказала женщина. Содрогнулась и натянула края шали на грудь, несмотря на то, что ночь была теплой. — Господи, как бы мне хотелось сейчас глоток aguardiente![1] — кубинка упала на кровать, закрыв руками голову.

— Вам нужно было оставить его мне.

Полночь взмахнула руками, не поворачиваясь.

— Вы не понимаете, он вполне мог выйти из себя и воткнуть вам нож в живот, увидев ваше лицо. Они пугаются «янки» больше, чем кубинцев.

Я промолчал. Пусть придет в себя. Я смотрел на нее и думал: «Оказывается, даже в навозной яме, в отбросах можно найти золото. Женщина сделала все это для меня, для человека, о котором несколько часов назад представления не имела. Почему? Какая ей выгода? Да, можно найти золото, где его меньше всего ожидаешь!»

Полночь подняла голову.

— Это действительно Тио Чин, — тихо проговорила она. — Я поняла по описанию места, которое он обрисовал. Он никогда не видел Тио Чина, но нетрудно сложить два и два. Лавка находится рядом. Место, куда они ходят, это подвал под названием «Мама Инес». Находится на соседней улице, но тыльной стороной стоит как раз напротив лавки. Я знаю это место, потому что бывала там. Не существует никакой мамы Инес, это только вывеска. Нечто среднее между столовой и закусочной. В теплые ночи оттуда запах опиума доходит до угла.

— И вы верите, что я смогу обнаружить что-то, если пойду туда?

— Нет, — сухо ответила кубинка.

— Но тогда к чему?..

— Вы пойдете с ним. Это уже совсем другое дело.

— Привлекательная перспектива. Хотите сказать, что мне нужно купить трубку и...

— Послушайте, в этом кругу торговцев нет дураков. Вы думаете, они примут постороннего только потому, что он представится, протянув записку: меня послал такой-то? Считаете, что с этим клочком бумаги они позволят вам бродить где попало?

[1] Водка (*исп.*).

— Хорошо. Я вхожу в забегаловку, и меня берут.

— Разве это не то, что мы хотели?

— Да, но мы дошли до пункта, где я попадаю в руки преступников. Это первая часть. А что делать дальше? Как осуществить вторую часть? Каким образом на сцену выйдут полицейские? Если я буду схвачен, то уже ничего не смогу сделать.

— А я? Вы думаете, что останусь здесь, буду сидеть и молиться? Я последую за вами до самого притона. На расстоянии, естественно. После того как вы войдете, буду ждать вас в переулке. Одинокая девушка на улице ночью — нет ничего необычного для этого района.

— Но как вы узнаете что-нибудь? Я не смогу связаться с вами. Если дам сигнал прежде чем они меня возьмут, это будет слишком рано. А если подожду, когда меня возьмут, то не смогу предупредить вас.

— Мы должны выработать надежную систему. А что, если я подожду немного после того, как вы войдете в притон?

— Часа, наверное, будет достаточно, если они намерены схватить меня. Теперь еще одно. Вы уверены, что полиция послушает вас?

— Агенты? Конечно, меня послушают. Но я не собираюсь болтать с ними. Не стану говорить, что вы невиновны и что преступники похитили вас. Я скажу, что вас можно найти в «Мама Инес», что видела, как вы туда вошли. Они же ищут вас. Придут тут же, не задавая вопросов. В общем, донесу на вас в надежде, что получу вознаграждение за информацию. А уже войдя, сыщики обнаружат остальное.

— Хорошо задумано. Но как я узнаю, когда пройдет час. У меня нет часов.

— И у меня нет. Будете отсчитывать приблизительно. Никогда не пробовали? Это легко. Удается почувствовать время с точностью часов.

Я не мог удержаться от смеха при мысли, которая пришла в голову.

— Предположим, что час окажется для меня более длинным, чем для вас, тогда свидание не состоится…

— Перестаньте! — угрюмо прервала кубинка. — Не время шутить. Там, в притоне, все может кончиться плохо для вас.

Я двинулся к двери.

— Сейчас придет ваш гид. Он проводит и покажет, что надо делать. Иначе вам не переступить порог этой забегаловки. Вы белый, а они мало верят таким.

Я поежился.

— Скажите, а мне тоже надо будет курить?

— Вам лучше не пробовать «гуаву», если хотите отсчитывать время. От этой штуки вы потеряете ощущение: минута кажется часом, а час может показаться минутой. Думаю, вам нетрудно будет притвориться курящим.

Полночь посмотрела на меня с симпатией.

— Вы не боитесь?

— Конечно боюсь, — раздраженно ответил я. — Вы думаете, что я кукла деревянная? Но добуду доказательства во что бы то ни стало.

— Рада, что признались, — проговорила она. — Если бы заявили, что не боитесь, я бы посчитала вас лгуном. А мне не нравится, когда мои друзья лгут. Я сама не очень хорошая, но честная. Тоже боюсь... за вас. Но свою роль сыграю. — Женщина пожала плечами. — И не забывайте, через сто лет все это не будет иметь значения. А теперь вам надо идти... а то как бы китаец снова не впал в бесчувственное состояние. Тогда мне опять придется его будить. — Она поспешно вытащила доллары и протянула их мне. — Возьмите, они вам пригодятся.

Я с благодарностью посмотрел на кубинку. Она продумала все.

На прощание Полночь сказала:

— На улице не оглядывайтесь, я буду позади вас.

Женщина открыла дверь. При свете передо мной предстала ужасная фигура китайца. Казалось, он должен исчезнуть как дым, но не исчезал.

— Куон, вот мой друг. Я сказала ему, что вы его проведете.

«Труп» не ответил, только посмотрел на меня. Не могу сказать, видел он меня или нет.

На прощание Полночь произнесла:

— Когда проснетесь, вернитесь и найдите меня, — выпалила это и закрыла дверь.

Я сделал знак китайцу пройти вперед. Не очень-то хотелось, чтобы он падал на меня с лестницы.

На выходе из подъезда Куон остановился в дверях и, казалось, врос в землю. Весь его вид говорил о нежелании выходить на улицу. Я залез в карман и положил ему в руку доллар, который моментально исчез в складках его курточки. Китаец сдвинулся. Ага, приятель хотел, чтобы его «смазали».

Мы дошли до начала переулка и свернули в сторону. Тут наркоман обратился ко мне на плохом английском, не поворачивая головы:

— Давно знаете Полночь?

Я понял, что надо быть настороже. Он не такой дурак, как кажется, этот приятель!

— Да, когда работал в порту. Я знал ее мужа. Был их другом.

Должно быть, я ответил хорошо, потому что напарник одобрительно кивнул:

— Он живет в ней. Полночь не для легкой любви. Это знает вся улица.

Выйдя из переулка, повернули в противоположную сторону от той, куда сворачивал я в свой предыдущий выход. Мы были непохожими людьми — моряк и сгорбленный «призрак». У нас были разные цели, но шли мы в одно и то же место.

На улице было темновато.

— Вы никогда не «спали» до сих пор, — произнес наркоман с уверенностью, не глядя на меня. — Даже представления не имеете ни о чем подобном.

Мне сжало горло.

— Да, решил начать сегодня ночью. Жизнь трудна, и я хочу забыться.

Он пожал плечами.

— Вы заплатили.

Мы вошли в другую улочку, несколько шире и немного прямее переулка, где жила Полночь. В глубине, на входе одного из домов виднелись светящиеся вертикальные полосы. Это свет проникал сквозь щели между бамбуковыми палочками, которые висели в дверном проеме, образуя своего рода ширму.

Прежде чем подошли к этому дому, напоминающему антикварную лавку Чина, я понял, что мы у цели. Притон — здесь. Дрожь пробежала по спине.

Мрачная узкая улочка шла немного под горку, и мне казалось, что она ведет меня сквозь ночь к последней пристани, в пропасть без дна.

Мы остановились у входа. Свет в полоску и нас сделал полосатыми. Куон вытянул свою руку скелета и раздвинул ширму, давая мне проход.

Только на секунду я был как бы разрезан с ног до головы яркими светящимися полосами. Придерживая гибкую ширму, вошел внутрь.

11

Это был ночной бар. Ничего подобного, уверяю вас, я еще никогда не видел. Кипящий котел с миазмами, проклятиями и богохульством. Снаружи, хотя и в грязном вонючем переулке, была ясная ночь, здесь же все казалось окутанным паром, освещенным снизу. И сквозь эти испарения любая вещь смотрелась расплывчатой, размытой.

Бедный «Слоппи» с его наивной изысканностью казался «Рицем» по сравнению с этим местом! Человеческие существа, которые копошились здесь, под фонариками, окруженными светящимся паром, напоминали извивающихся червей. Они были черные, коричневые, метисы, желтые — представители всех рас, а точнее сказать, отбросы соответствующих рас. Были и белые, но в меньшинстве. Мне это играло на руку. Мог надеяться, что на меня не обратят особого внимания, пока я, надвинув фуражку на лоб, следовал за своим гидом.

Мы прокладывали себе дорогу в дальний конец помещения. Пробирались, можно сказать, по людям. Куон все время шел впереди.

Неожиданно я почувствовал, как на плечо легла рука, женская рука, но она тут же отдернулась, потому что я не остановился.

Куон сел за стол у самой стены. Мне удалось найти свободный стул, и присесть рядом с ним. Напротив нас сидел какой-то тип, опираясь локтями на стол и обхватив руками голову. Он даже не сдвинулся при нашем появлении.

Никто не заметил нас. Мы были всего лишь червями, копошащимися здесь.

— А теперь что? — спросил я.

— Ничего. Слишком быстро. Они видят, что вы мой приятель.

Официант в шелковой рубашке, мокрой от пота, принес нам пива, пахнущего плесенью. Здесь надо довольствоваться тем, что принесут. Впрочем, если это ставят на стол, значит, всегда найдется тот, кто это употребит!

Сбоку от нас находилась дверь. Она была приоткрыта, и за ней сидел тип с китайской газетой в руках. Официанты для заказа подходили к нему.

— Мы должны пить эту гадость? — спросил у своего гида.

— Курите сигарету, — ответил он. — Так, чтобы вас видели.

Мы закурили. Я следил за тем, что делает Куон. Китаец-«труп» казался более сонным, чем был до этого. Почему он затих, оцепенел, оставив догорать сигарету, зажатую между пальцами? Спустя несколько минут от сигареты отделилось немного пепла и упало на стол.

Я повернулся, чтобы посмотреть на «кассира» у двери. Казалось, он весь сосредоточен на газете, которая закрывала его лицо почти до глаз. Взгляд был направлен на иероглифы газеты.

— Не поворачивайте голову.

Я вернулся в прежнее положение.

Куон опустил руку и стряхнул пепел со стола, скользнув предплечьем по деревянной поверхности. Локоть не сдвинулся. Повторил это движение два раза.

Такие старания из-за небольшого количества пепла не согласовывались с его грязным видом, поэтому решил, что данный жест является условным знаком. Я стряхнул на стол пепел со своей сигареты и повторил жест моего приятеля несколько раз.

Краем глаза посмотрел в сторону двери. «Кассир» оставил свой пост, как будто потерял интерес к чтению. Он открыл дверь полностью, вошел в помещение, где находились мы, и прикрыл ее за собой. Сделал головой едва заметный знак и ретировался, закрыв дверь.

Костлявая рука Куона схватила мою руку.

— Подождите, не сейчас. Здесь слишком много глаз.

Мы оставались так с минуту. Потом китаец отпустил мою руку.

— Идите в ту дверь, куда пошел он. Идите медленно, не говорите ни слова. Я буду следовать за вами.

Я встал из-за стола, немного замешкался. Потом направился к указанной двери. В этом переполненном людьми зале невозможно было двигаться строго по прямой, приходилось идти зигзагами. Создавалось впечатление, что бродишь без цели.

Добрался до двери и с непринужденном видом осмотрелся вокруг. Кажется, никто не обратил на нас внимания. Я приоткрыл дверь, проскользнул в нее и закрыл за собой.

Теперь шум был приглушенный, и я впервые с тех пор, как вошел в эту забегаловку, мог спокойно порассуждать. Это был темный коридор, освещенный одним масляным фонарем. Вдали увидел лестницу, которая вела наверх, может быть, в какой-то люк.

«Кассир» как будто ждал меня там, стоял неподвижно в синем полумраке.

— Желаете что-нибудь? — спросил он по-английски.

Я не ответил.

— Вы ошиблись дверью, — сказал он. — Чтобы выйти, вам надо идти в другую сторону.

Луч света, волна шума. Вошел Куон и закрыл за собой дверь, подошел ко мне.

Затем китаец приблизился к «кассиру» и сделал вид, что стряхивает пыль с его рукава. Два раза в одном направлении, два раза в другом.

— Рука моя не очень тверда, — извинился он.

— Может, вам было бы лучше отдохнуть, — предложил «кассир», продолжая смотреть на меня.

Раскусив, в чем дело, я проделал тот же маневр, что и Куон, с рукавом «кассира». По правде говоря, этот своего рода пароль показался несколько театральным.

— Небольшой отдых, может быть, легкий сон... — вежливо проговорил «кассир».

— Хорошо бы, — подтвердил я.

Человек потер пальцами. Красноречивый жест. Я протянул ему один из банкнотов, которые вернула мне Полночь. Даже не заметил, как он его взял. Банкнот исчез молниеносно. Фокус, да и только! Еще один банкнот я протянул Куону.

— Может быть, там, наверху, что-нибудь смогут сделать для вас, — сказал «кассир» у основания лестницы и позвал кого-то по-китайски. Сверху донесся гортанный ответ.

Куон подтолкнул меня.

— Suba[1].

И я начал подниматься.

Добравшись до верха лестницы, почувствовал запах. Я не ожидал здесь запаха розы, но этот был действительно ужасный. Даже попытался дышать реже.

Лестница оказалась необычной, она не была закреплена. Поднявшись до люка, я заметил, что она держится только на крюках и ее в любой момент можно втянуть наверх, уничтожая, таким образом, связь с нижним этажом. Люк закрывался двумя створками, которые складывались. В общем, в слу-

[1] Поднимайтесь (*исп.*).

чае неожиданного появления полиции никто бы не заметил, что существует связь нижнего этажа с верхним.

Наверху нас ждал какой-то тип. У него было обиженное, совсем не приветливое лицо. Впрочем, я и не ожидал найти здесь ангелов. Он держал фонарь над головой, чтобы лучше видеть тех, кто поднимался. Все остальное вокруг, куда не доходили лучи фонарика, тонуло в темноте. Несколько секунд спустя рядом со мной появилась призрачная фигура Куона.

Мы находились в коридоре, подобном нижнему, который вел в нишу, едва освещенную красноватым светом.

Человек сделал знак следовать за ним. Качающийся фонарик осветил довольно просторное помещение без дверей. Сбоку, где человек остановился в ожидании, стоял стул. Внутри помещения, куда мы последовали, находилась низкая, почти у самого пола, жаровня, на дне которой горел мелкий уголь. Оттуда и исходил этот красноватый свет. С трех сторон вокруг жаровни размещались деревянные нары в два яруса.

Вонь от опиума стояла невыносимая. Не слышно было шума, даже шороха. Невозможно было понять, есть ли кто на нарах. Возможно, за нами следили или же все спали… Зловещая тишина только способствовала нагнетанию напряженности и ужаса.

Я буквально окаменел от страха. Идя сюда, считал, что человек может привыкнуть ко всему, и надеялся превозмочь себя. Но теперь холодный пот покрыл каплями мой лоб. Я был одним из этих «пропащих».

Человек, сопровождающий нас, осветил фонарем парочку нар и резко отвернулся от них. Наверное, они были заняты, хотя я не заметил там людей. Правда, не особенно и приглядывался. Потом он повернул в противоположную сторону, осветил вторую парочку нар и, хрюкнув, указал нам на них большим пальцем.

Я наклонился и заполз на лежак, стараясь контролировать себя. Возникло ощущение, будто вползаешь в гроб. Нет, хуже. Гроб, по крайней мере, чистый, если его используют впервые!

Куон поставил колено на край нар, но я грубо оттолкнул его.

— Иди отсюда! — проворчал.

Китаец опять поставил колено, я понял, что он хочет вскарабкаться на верхние нары. Тогда я оставил его в покое.

Когда Куон исчез в своей нише, человек с фонарем наклонился и протянул мне трубку. Я взял ее обеими руками, держа на расстоянии, словно это был кларнет. Он повернулся, подошел к жаровне и помешал в ней небольшой кочергой. Потом помахал руками, раздувая угли.

Меня удивила тяжесть трубки. Я просунул руку под пиджак, вытащил край рубашки и оторвал кусок. Свернул лоскут и засунул его в рот, как кляп. Потом приставил к этому кляпу мундштук.

Человек вернулся ко мне, неся в каминных щипцах горящий уголек. Он положил уголек в трубку, а сбоку, на диске размером в пуговицу, пристроил пилюлю опиума так, чтобы она могла медленно гореть. Едва человек оставил меня одного, как я тут же с отвращением отвернул голову.

Провожатый вышел из помещения и вернулся на свое место. Он унес с собой фонарь, оставив нашу «пещеру» в темноте. Только в проеме, ведущем в коридор, виднелось немного света.

Я отложил в сторону дьявольский инструмент. Меня испугала мысль, что эта отрава может подействовать, несмотря на все меры предосторожности. Вытащил изо рта тряпку и несколько раз сплюнул. Некоторое время не двигался, опираясь на локоть. Я вспотел, но страх и отвращение медленно проходили. Однако, не знаю почему, у меня начали стучать зубы. Именно сейчас, в этот момент, когда самое трудное осталось позади. Наконец мне удалось полностью овладеть собой.

Прикинул, сколько времени прошло с того момента, как вошел в притон. По моим расчетам получилось полчаса. Значит, пора действовать. Даже если и ошибался, торопя время.

Я сел на койку и снял туфли. Они были на кожаной подошве и могли выдать, когда буду идти. Я оставил их у койки и пошел по направлению к проему, стараясь не шуметь.

Человек сидел у проема сбоку. С этой точки, где я находился, виднелась только часть его тела: часть головы, плечо и рука.

Я пришел сюда без оружия, полагаясь только на мускулы, но сейчас не мог рисковать. Устраивать шумную борьбу не имело смысла, хотя был уверен, что выйду победителем. Я должен действовать быстро и без шума. В противном случае все могло обернуться катастрофой. Я наклонился к жаровне и взял каминные щипцы, которые человек недавно здесь оставил. Они были железные и не очень большие. Я поднял правую руку со щипцами над головой. Дрожь пробежала по моей спине.

Судя по позиции сидящего, нужно попытаться ударить его сбоку по голове. Для этого я должен отклониться немного в сторону, что было достаточно рискованно. Выступ скрывал от меня остальную часть его тела. Кроме того, у меня появилось ощущение, что человек бодрствует, хотя и сидит неподвижно.

Должно быть, в последний момент он уловил краем глаза движение, но было уже поздно. Повернул голову в мою сторону и выставил ее так, как я и хотел. Ударил его один раз, но крепко. Если бы удар не получился, я бы не смог его повторить. Человек вдохнул, но крикнуть не успел. Соскользнул со стула, слегка коснулся стены и свалился на пол. Я понял, что он потерял сознание.

Взял его под мышки, потащил в «пещеру» курильщиков. Даже если кто-нибудь из них видел сейчас происходящее, то, наверное, подумал, что это сцена из сна. Никто не двигался, не слышно было даже вздоха.

Связав человека, сделал кляп из тряпок, валявшихся на нарах, где я лежал, и засунул ему в рот. Потом взял фонарь, вышел из помещения. Остановился, соображая, куда идти дальше.

Единственным логическим решением было — прямо по темному коридору. Идти вниз через люк было глупо, я просто бы вернулся в пункт отправления.

Как был босой, так и пошел, освещая дорогу фонарем. Увидел двустворчатые двери, открыл их. Они вели в комнатушку, заполненную ящичками, пустыми, но тщательно уложенными. Конечно, они снова будут использованы, и я представляю, чем их наполнят.

Я осторожно продвигался дальше, пока мне не перегородила дорогу белая оштукатуренная стена. Обычно коридоры не упираются в стены, иначе зачем их прокладывать. Нет логического объяснения. Кроме того, Полночь говорила, что помещения «Мамы Инес» смежные с домом Тио Чина.

Чтобы удостовериться, постучал суставами пальцев по боковой стене. Звук был глухой. Перегородка предо мной звучала по-другому, более звонко. С помощью фонаря тщательно осмотрел белую поверхность и обнаружил хорошо замаскированную дверь.

Я поискал немного и нащупал замочную скважину, похожую на трещину в стене. Тогда вернулся назад к «сторожу», который по-прежнему лежал без сознания. У него чуть кровоточила рана над ухом. Я пошарил в его карманах и нашел среди других вещей длинный железный ключ. Почему-то сразу подумал, что это тот ключ, который нужен. Взял его и возвратился к замаскированной двери. Сунул ключ в щель, повернул его,

услышал щелчок, но дверь не открылась. Я надавил плечом, и она отошла. Снова взял фонарь.

Если до сих пор мне не удалось найти ничего конкретного, то теперь я мог доказать, что помещение Тио Чина соединяется с притоном курильщиков опиума. Оставалось найти связь между преступлением и Тио Чином, а затем вскрыть отношения между китайцем и Эдом Романом.

Но ночь подходила к концу, и условленный час истекал.

12

Шел я недолго. Буквально через пару секунд, открыл еще одну дверь. Пройдя несколько шагов, уткнулся носом в стену. Осмотрелся. Свет фонаря выхватил деревянные стены. Окон не было. Сзади меня — два деревянных проема. В одной двери торчал ключ. Неужели эта дверь вела в слепую нишу? Не было смысла.

Я навалился всем телом на стену перед собой, но она осталась неподвижной. Повторил эксперимент со стеной справа, но и та не сдвинулась. Я надавил на стену, которая слева. Тонкие створки мягко отошли, повернувшись на хорошо смазанных петлях. Я наклонился, прошел на другую сторону и задвинул за собой створки, придерживая их рукой, чтобы не стукнули и не выдали меня.

Там горел электрический свет. Не было необходимости в фонаре, поэтому потушил его и поставил на пол.

Электрическая лампа висела на проводе. Кто-то оставил ее включенной. Я осмотрел устройство, с помощью которого проник сюда. Это был большой гардероб, тянувшийся вверх почти до потолка. У него имелась фальшивая дверца, которая, естественно, не открывалась. Она была сделана одним куском. Заметил в комнате еще один такой гардероб. У меня возникло подозрение, что это вход в другой тайный коридор.

Очевидно, я находился в доме Тио Чина. Комната, в которой сейчас стоял, напоминала зал для заседаний. В обстановке не было ничего восточного, как контраст лавке внизу, перегруженной всем китайским. К примеру, здесь было электричество, а лавку освещали фонари. Комната, где я находился, представляла собой типичное жилище человека западного стиля. Интуиция меня не подвела: толстяк Тио Чин ломал комедию в своей лавке, играя роль учтивого и церемонного китайца.

Мебель казалась достаточно старой. В комнате стояли конторка с поднимающейся крышкой, стулья, стол и, как я уже говорил, два гардероба. Единственным цветным пятном была занавеска из бусинок, которая закрывала дверь, ведущую, очевидно, в апартаменты китайца.

Я попробовал поднять крышку конторки, но она не поддалась. Закрыта на ключ. Выдвижной ящик не был заперт, но в нем я нашел только книгу счетов, написанных по-китайски. Да, Тио Чин был не глуп!

Отложил книгу, потому что почувствовал взгляд. Почти физически ощущал его. Я боялся пошевелиться. Мне казалось, что любое движение выдаст меня. Но делать было нечего.

Задвинул на место ящик и медленно повернул голову. В комнате никого не было. Никакого шума. Только слегка колыхалась занавеска из бусинок, хотя движения воздуха в помещении не наблюдалось.

Я быстро подошел к занавеске, прислушался. И ничего не услышал. За занавеской только дверной проем. А дальше — темнота. Уловил запах — легкий аромат цветочных духов. Впрочем, я не большой знаток в этой области и мог ошибиться. А может, запах духов уже раньше витал в этой комнате…

Я вернулся к своей работе. Осмотрел корзину для бумаг. Там ничего интересного, кроме газеты двухлетней давности. Тогда обратил внимание на второй гардероб. Он был прислонен к стене, в которой имелась дверь, скрытая занавеской из бусинок, поэтому решил, что второй гардероб не является входом в еще один потайной коридор. Может, это обычный шкаф для пользования, а первый замаскирован под него? Присмотревшись, увидел, что он не повторяет в точности первый гардероб. Этот выше сантиметров на тридцать. Кроме того, его основание приподнято над полом и поддерживается на четырех ножках. Следовательно, шкаф не очень устойчив. И действительно, когда попытался открыть дверцу, он зашатался. Одна из ножек была короче других. Я оставил в покое гардероб.

Сделал шаг назад. Меня снова охватило чувство беспокойства. Но на этот раз я видел руку, сдвигающую занавеску, и блестящий глаз с длинными ресницами. Человек не думал прятаться. Сначала из-за занавески появилось его лицо, а потом медленно выплыло тело.

Это была красивая китаянка. Если китаянка красивая, то уверяю вас, она заставляет мужчину открыть рот от изумления. Малышка ростом метр пятьдесят максимум, изящная, с красным пятнышком рта. Рот был такой маленький, что возникал вопрос, как же ей удавалось поглощать пищу. Кожа кремового цвета, глянцевая. Глаза раскосые, но не намного, ровно настолько, чтобы казаться экзотическими. На ней были брюки цвета зеленой груши и бирюзовая курточка. Обе детали одежды покрыты маленькими белыми хризантемами. В волосах, над ушами, — две герани. Она несла легкий запах цветочных духов, которые почувствовал несколько раньше.

Я замер с полуоткрытым ртом, глядя на нее. И держу пари, был не первый мужчина, на которого она произвела подобный эффект.

Китаянка приблизилась ко мне быстрыми, мелкими шажками и остановилась. Слегка согнула ноги в коленях.

В ответ я поднес руку к фуражке.

Жест ужасно глупый, если учесть положение, в котором я находился. Ведь мое присутствие здесь было незаконным.

Девушка не высказала ни удивления, ни волнения. Можно было подумать, что она ждала моего визита.

— Buenos noches[1], — сказала девушка. Речь была плавной и казалась музыкальным аккомпанементом каждому ее жесту.

Я ничего не понял, но пробормотал что-то в ответ. Тогда незнакомка продолжила на английском языке, на котором, мне кажется, в этой среде говорят все:

— Вы, наверное, тот визитер, которого ждал мой уважаемый дядя сегодня ночью?

Значит, она племянница Тио Чина. Приятная куколка, не то что дядя.

Конечно, я не был тем гостем, которого он ждал, но на вопрос ответил утвердительно. А что еще я мог сделать?

— Вы капитан Паульсен?

Увидел, как ее взгляд на мгновение задержался на фуражке, потом на моей куртке. По этой причине девушка приняла меня за капитана, ожидаемого дядей. В конце концов, ничего необычного. Он мог быть тем капитаном, который участвовал в торговле между Гаваной и берегом Эверглейдс. Может, он командовал катером, перевозившим груз.

Я снова поднес руку к фуражке, как бы подтверждая слова китаянки. Мол, я действительно тот человек, которого она имеет в виду.

— Дядя скоро будет здесь. Его вызвали по делам, но ненадолго, — добавила девушка.

[1] Добрый вечер (*исп.*).

Все идет как нельзя лучше, подумал я.

— Он просил передать, чтобы вы чувствовали себя как дома.

«Предоставьте это мне», — ответил мысленно.

— Вы пришли отсюда, капитан? — поинтересовалась девушка, указывая на фальшивый гардероб.

— Да.

— Я очень удивилась, увидев вас здесь. Не поняла, как вошли сюда. Меня почему-то не предупредили снизу, что вас впустили в другую дверь.

Значит, куколка хорошо знала, чем занимались в забегаловке «Мама Инес». Ну что ж, это к лучшему, подумал. Чем больше она знает, тем больше могу узнать у нее.

— Ваши люди остались внизу? — продолжала китаянка, еще раз показывая на замаскированный вход.

Она намекала на забегаловку «Мама Инес». Из этого можно сделать вывод, что обычно капитан Паульсен отправляется сюда в сопровождении членов экипажа. Наверное, для того, чтобы забрать груз и перенести его на судно.

— Да, они внизу, — подтвердил.

Я решил продолжать играть роль, чтобы извлечь как можно больше информации. И прежде всего хотелось знать, каким временем могу располагать.

— Как думаете, когда вернется ваш дядя? — задал вопрос.

— Скоро придет. Он пошел искать вторую машину. Сказал, что сегодня ночью понадобится, по крайней мере, еще одна. Поручил мне сказать вам это. Он сказал, что вы поймете.

Конечно, я понял. Сегодня ночью намечалось отправить большое количество груза, и необходима еще машина для подкрепления.

— Может, выпьете чашку чая, капитан, пока ждете?

Это походило на абсурд. В той ситуации, в которой находился, спокойно пить чай!

Я покачал головой. Получилось так, будто пренебрежительно отношусь к чаю.

Тогда она поправилась:

— Естественно, я имела в виду тот «чай», который нравится капитану… дядино рисовое вино.

Ясно, что девушка никогда не видела капитана Паульсена, но, вероятно, частенько шпионила, подслушивая беседы, которые устраивал дядя.

Я попытался вывернуться. Хотел, чтобы она осталась со мной. Нужно было выудить у нее еще кое-какую информацию. Но девушка уже согнула колени и удалялась. Правда, когда открывала занавес из бусинок, несколько ниток запуталось, то ли в пуговицах, то ли в другой части ее одежды. Китаянка попробовала освободиться, но ей не удалось, и она бросила на меня умоляющий взгляд.

Я поспешил на помощь. Девушка хоть и запуталась, но находилась уже по ту сторону занавески, поэтому мне пришлось распутывать нитки, чтобы добраться до нее.

— Здесь, у запястья, — указала она. — Попробуйте, может, у вас получится…

Наши руки сплелись в один узел с мотками ниток, которые перепутались еще больше. Вдруг что-то кольнуло в тыльную часть моей ладони, как заноза, которая вошла и тут же вышла. Из-за неразберихи с нитками я не мог сразу понять, что случилось. Наконец мне удалось высвободить свою руку и повернуть ладонью вниз. На тыльной стороне виднелось голубое пятнышко. Слишком маленькое, потому что даже не кровоточило.

— Что это было? — спросил.

— О, мне очень жаль, — извинилась китаянка с мягкостью. — Должно быть, царапнула булавка с рукава.

Я заметил, что девушка тут же таинственным образом освободилась от занавески. Она сделала легкий поклон, согнув колени, и исчезла в темноте.

А я так и стоял, глупо уставившись на тыльную сторону ладони. Бросив напоследок взгляд в том направлении, куда убежала девушка, я возвратился к конторке. Вновь возобновил свои попытки сдвинуть крышку.

Вскоре заметил, что мебель оказывает меньше сопротивления. На мгновение даже показалось, что крышка начала уступать. Однако это был обман. Крышка осталась на своем месте. Меня ввели в заблуждение мои же руки, ставшие тяжелыми. Они не тянули крышку, а только держались за нее. В душу начало закрадываться желание отказаться от попыток. К чему эти поиски? И тут до меня дошло, что я почти полностью неподвижен. Руки лежали на конторке, но я не в состоянии был двинуть ими.

Правда, оставался еще небольшой всплеск энергии. Я почти по инерции в последний раз рванул крышку, но безуспешно. В таком положении и застыл.

Я оцепенел. Кружилась голова. Меня шатало. Теперь вместо того, чтобы пытаться открыть крышку, прислонился к ней, стараясь удержаться на ногах. Потерял чувство равновесия. Хотел пойти в одну сторону, а меня понесло в другую. Впрочем, это не слишком беспокоило.

Я чуть не упал, но в последний момент успел ухватиться за край стола.

Внезапно занавеска из бусинок раздвинулась, и в комнату вошли один за другим четыре человека.

Вот и они. Меня взяли, и час прошел.

Впереди всех находился толстый Тио Чин. За ним следовал светловолосый тип с худым лицом, ростом не менее метра восьмидесяти пяти, в такой же фуражке, как и у меня. На нем был пиджак — узкий, будто побывал под дождем. Наверное, это и есть капитан судна. Типичный представитель Скандинавии. Лицо настолько худое, что, казалось, этого человека похоронили на три дня, а затем извлекли из могилы. Сзади парочка грузчиков. Они были хотя и белой расы, но такие загорелые и обветренные, что напоминали копченые колбасы.

Прежде всего меня поразило, как изменился Тио Чин. О том, что он ломает комедию, я подозревал с того момента, когда впервые увидел лавочника. Сейчас он не играл больше роль слащавого торговца с руками, лениво сложенными на животе. Теперь он говорил на совершенном английском. Вместе с его доброжелательностью и сонливостью исчезли и хвостатые усы. Единственно, что в нем осталось неизменным, это тучность.

Двигаясь решительно, но неспешно, мужчины окружили меня. Должен сказать, что их действия — медленные и надежные — вовсе не казались угрожающими. Никаких драматических жестов, никакого насилия. Просто демонстрация превосходства, предвкушение забавы. Нет, они не похожи на людей, расположенных к насилию. Напротив, по всей видимости, они собирались развлечься. Как кот с мышкой. Мышкой, которая находится в состоянии оцепенения.

Только подмигни, и они поработают за восьмерых.

Первым начал Тио Чин:

— Смотрите-ка, клиент! Что вы скажете, друзья? Клиент! И вдобавок после закрытия магазина!

Капитан с худым лицом, обрамленным белесыми волосами, оттопырил верхнюю губу, показывая два белых и три черных зуба. Десять лет назад

эта гримаса, возможно, изображала улыбку, сейчас же о ней не могло быть и речи.

— И никто его не замечает! Ну что за порядки у вас, Чин? Вы же теряете прибыль, черт возьми!

Чин усмехнулся:

— Если дело только в этом, мы его мигом обслужим. — Китаец учтиво поклонился: — Может быть, ищете чего-нибудь? — Он хлопнул в ладоши: — Стул для господина! Чего вы ждете?

Я получил неожиданный удар сзади под коленки и упал на стул. Сидел, не двигаясь, и отупело смотрел на них.

Чувствовал, как тяжелеют веки, хотелось опустить их. У меня не было никакого желания проявлять остроумие, чтобы парировать их фразы.

— Хорошо, — выдавил я. — Хорошо. Вы меня взяли.

Два моряка стояли, прислонившись к стене, и весело смотрели на хозяев. Капитан сидел передо мной на другом стуле. Он был слишком высок, чтобы сидеть как человек с нормальным телосложением. Поэтому просто перекинул свои длинные ноги через стул и оседлал его. Сердечность, выставляемая им напоказ, была зловещей.

— Может, он пришел поискать кого-то, — посмеиваясь, проговорил капитан. — Почему не спрашиваете, кого он ищет? Мне кажется, я знаю, кого он ищет… Ну, пусть посмотрит! Покажите!

Чин подыграл ему:

— Девиз фирмы: «Всегда удовлетворять клиента». Клиент никогда не должен уходить неудовлетворенным…

— И обязательно должен получить то, что заслуживает! — Капитан нервно рассмеялся. — Ну-ка, Чин, представь его друга. — И продолжил, подстрекая: — Не томи клиента, видишь, он весь как на иголках.

— Паульсен, эх, Паульсен, вы вынуждаете меня раскрыть профессиональные секреты! — пожаловался китаец. Но потом взял ключи и открыл шкаф. Распахнул обе створки пошире, чтобы я лучше мог видеть.

Лицо человека, висевшего в гардеробе, казалось мне знакомым, но с уверенностью подтвердить это я бы, наверное, не смог — вот до какого состояния его довели. «Фотография для господина и госпожи, чтобы показать друзьям?» Это предложение всплыло у меня в памяти. Собственно, говорить можно было лишь об ассоциации мысли, так как несчастный был почти неузнаваем. Его перевязали, как колбасу, веревкой, которая проходила под мышками и крепилась к крюку в верхней части шкафа. Фотограф был еще жив — я видел, как поднималась и опускалась его грудь. Либо его оглушили, либо потерял сознание от полученных ударов. Фиолетовые пятна виднелись на скулах и под глазами, лицо распухло, одна губа рассечена. Я еще подумал, почему человек не задохнулся там, внутри гардероба, но, присмотревшись получше, увидел, что верх шкафа заменен на железную решетку.

— Вы ведь его искали, правда? — ехидно ухмыльнулся Чин.

— Нет, — раздраженно произнес я в ответ. — Я пришел сюда в поиске грязной собаки, которая воткнула нож в... в…

Я не в силах был закончить фразу.

Чин закрыл дверцы, изобразив жест разочарования.

— Значит, мы ошиблись.

Паульсен ударил рукой по коленке.

— Теперь понимаю! Но почему не сказать об этом сразу? Смотрите, сейчас покажу вам его фото. Вы же хотели увидеть снимок, сделанный этим? — он кивнул в сторону шкафа.

Мой затуманенный взгляд переместился на Паульсена. Капитан порылся во внутреннем кармане пиджака, извлек засаленный бумажник и вытащил из него блестящий негатив.

— Правда, это не очень хорошее фото для показа, — извинился капитан.

Протянул мне негатив. Я хотел взять снимок, но он оказался вне моей досягаемости. Вытянул руку еще дальше, но негатив опять оказался недосягаем.

— Нате, возьмите. Представляю, с каким удовольствием будете рассматривать это фото, — говорил Паульсен. Очевидно, он считал свою шутку удачной. — Ну что же вы? Говорите, что хотите видеть, а когда даю негатив вам, почему-то не берете.

Я протянул вперед руку насколько мог, но все кончилось тем, что плашмя упал на пол.

Услышал взрыв смеха. Глаза закрылись. Мне были безразличны эти смеющиеся хари.

Но они еще не закончили. Меня подняли, посадили на стул. Я опять приподнял веки.

Паульсен держал теперь негатив на свету и с интересом рассматривал его.

— Я сам вам расскажу, что на снимке, — произнес он. — Вы со своего места все равно не разберете. Итак, видно лицо миссис. Я рядом выше. А вот что-то торчит в боку у миссис…

Чин подтолкнул его, чтобы он продолжал. И капитан добавил:

— Да, это нож, уже вошедший в тело. Правда, лица того, кто воткнул, не видать. Но на тыльной стороне ладони убийцы выколота звезда. Как вот эта.

— Это вы убили Еву! Сейчас припоминаю, в той толпе вертелся рядом с нами тип, похожий на вас…

У капитана появилось на лице томное выражение. Он повернулся к Чину:

— Думаете, я должен сохранить это фото на память? Но у меня есть девушка в Штатах, которая ждет. А здесь я в компании с другой женщиной. Моей девушке это может не понравиться.

Чин весело улыбнулся:

— Вы не фотогеничны, Паульсен. Очень плохо вышли на фото.

Капитан кивнул, соглашаясь:

— Может быть, на другом фото получусь лучше.

Он зажег спичку и, глядя на меня, чтобы хорошо видеть реакцию, начал медленно приближать негатив к пламени.

Еще бы не понять его! Я протянул правую руку и попытался схватить негатив. Но капитан был наготове. Откинулся на стуле, не поднимаясь, и продолжал держать негатив рядом с пламенем.

Я качнулся вперед и упал бы на пол, если бы меня вовремя не подхватили двое моряков.

Они опять бросили меня на стул.

— Теперь смотрите внимательно, — усмехнулся Паульсен.

Пламя перешло на негатив. Пленка один только миг колебалась, начиная гореть, потом ярко вспыхнула и исчезла без дыма. Спустя секунду пламя погасло, и капитан уронил на пол щепотку пепла.

Гнев распирал грудь, но я не знал, что делать, как реагировать.

Голос Чина вибрировал от смеха.

— Смотрите на него, мой друг, он устал. Наверное, местный климат ему не подходит.

Один из моряков схватил меня за волосы и сильным рывком поднял голову, упавшую на грудь.

От резкой боли я открыл глаза.

— Необходимо сменить обстановку, — заметил Паульсен. — Может, морской бриз его разбудит? В таких случаях нет ничего лучше морского воздуха. Я возьму его с собой ненадолго, когда буду уезжать. Заодно захвачу и второго, который в шкафу. Им обоим нужен свежий воздух!

— Вы что, хотите взять их на борт бесплатно? — изобразил изумление Чин.

— Бесплатно до определенной точки по курсу, — уточнил верзила.

Эта фраза разбудила меня, задремавшего на мгновение.

— Вы хорошо плаваете? — спросил меня капитан. — Но держу пари, что не так проворны, как те акулы, которые дрейфуют между этим островом и Флоридой. Я их хорошо знаю.

Чин ухмыльнулся:

— У него нет зубов, как у этих бестий.

Я снова поднял голову на мгновение, потом снова уткнулся подбородком в грудь.

Паульсен посмеивался:

— Он очень устал, даже слушать не может. Не понял ни слова из того, что мы говорили. Во всем ваша племянница виновата.

После этого время побежало быстрее. Было покончено со спокойным подстрекательством. На смену пришла бурная деятельность. Я увидел, как открылся замаскированный вход в тайный коридор и из гардероба наполовину высунулся какой-то тип. Он повернулся к Чину, пробормотал что-то по-китайски и тут же исчез.

Чин приказал двум морякам, указывая на меня:

— Свяжите его.

Толстый китаец, несмотря на тучность, мог при необходимости двигаться быстро. Он подбежал к двери с занавесом из бусинок и крикнул что-то на своем языке. Ему ответил женский голос. Потом Чин вернулся и вошел в фальшивый гардероб, хотя, судя по его комплекции, это казалось невозможным.

Он отдал какие-то распоряжения на той стороне, потом, я услышал сильный скрип блоков и глухой шум. Понял, что они поднимают лесенку через люк.

Тем временем моряки связали мне руки за спиной крепкой веревкой.

Снова появился Чин. Дыхание его было немного учащенным, но лицо казалось довольным.

— Что случилось? — спросил Паульсен.

— У нас нежданные гости. Внизу полиция. — Видя, что капитан вздрогнул, китаец добавил: — Сидите спокойно. Успеете смыться. Здесь вы в безопасности. Они уже приходили как-то, но ничего не нашли. Через несколько минут все будет кончено. Сюда они пройти не смогут, так как вход в таверну находится в другом переулке. Им и в голову не придет, что мы можем находиться наверху. Нет, до нас они не доберутся.

— Мне не нравится, что они внизу, — нервно проговорил Паульсен и задвигал ногами, будто пол под ним вдруг стал раскаленным.

— Нет никаких причин для беспокойства. Обычно люди не интересуются потолком, когда входят в таверну. Полиция не является исключением.

Час. Час должен был уже пройти.

Чин с небрежностью указал на шкаф:

— Поместите его туда. Пусть повисит вместе с другим, пока не уйдет полиция. А потом увезете их обоих в машине, вместе с тюками. Достаточно будет всунуть их в мешок.

Китаец приблизился ко мне и посмотрел в лицо.

— Этот еще не спит, но осталось немного. — Он состроил мне гримасу. — Осталась совсем маленькая искра жизни, которая вскоре погаснет. Вот так. — Чин наполнил воздухом пухлые щеки и дунул мне в лицо.

Потом его физиономия начала отдаляться от меня, но непонятно было, кто двигался — он или я.

— В конце концов, это легкий способ умереть, — услышал я голос китайца.

Все расплывалось перед моими глазами, но сознание не покидало полностью. Соображал, что меня несут к шкафу, просовывают веревки под мышки, заталкивают в нишу и крепят веревки у меня над головой. Я был подвешен в гардеробе, и мои босые ноги болтались на весу.

Потом сделалось темно, и в глазах погас даже тот красноватый свет, который проникал сквозь опущенные веки. Я услышал, как закрылись дверцы и повернулся ключ в замочной скважине. Потом наступила тишина и спокойствие. Исчезли волнения и тревоги. Ушла безвозвратно моя любовь. Нет полицейских и нечего бояться. Никто меня не ловит, и я не хочу больше ничего. Рассудок погрузился в сумерки, потом почти сразу же наступила ночь. Не та, обычная ночь, которая следует за световым днем, а ночь небытия.

Уже не чувствовал тяжести тела, висящего на подмышках. Но я висел вертикально, а мне почему-то хотелось спать в нормальном, горизонтальном положении. Попробовал несколько раз вытянуться, но ничего не получилось, так как ноги не находили опоры.

Из отверстия — шкаф сверху был открыт — доносились голоса. Звуки неясные, как отдаленный гул, но они, однако, вывели меня из беспамятства. До меня дошел обрывок разговора.

«Сейчас уходим. Через минуту. Я вам говорил… Не знаю, какая-то уличная женщина послала нас из таверны сюда. Наверное, хотела отомстить… Теперь ее арестуют за необоснованный донос…»

Я не знал, что происходит и, по правде говоря, меня это не беспокоило. Ну да, они все же уйдут. Что касается меня, то хотелось только удобно лечь, вытянувшись горизонтально, как это делает каждый христианин. Позиция, в которой находился, не позволяла мне спать.

Я сделал очередную попытку, наклонившись вперед насколько возможно, но что-то мешало. Тогда собрал все свои силы, которые во мне остались, и попробовал качнуться вперед.

Удалось прислонить голову к закрытой дверце шкафа. Не знаю, сколько на самом деле весит голова, но моя, казалось, больше тонны. Иногда так бывает, что достаточно единственной капли, чтобы переполнить чашу.

Наконец я стал засыпать. Чувствовал, что падаю куда-то вниз головой. Наверное, это был тяжелый сон. Вдруг я услышал, как кто-то кричит:

— Смотрите! Идите сюда…

Последняя искра сознания пропала с мягким шумом, пришедшим извне. Возможно, это был раскат грома, от которого содрогнулся дом, но я его уже не слышал, так как окончательно провалился в сон.

Теперь я лежал, вытянувшись во всю длину, в положении очень приятном, чтобы не просыпаться.

Я не знал, что это — сон или смерть. Но даже если это смерть, то она была очень приятной штукой!

13

Сознание медленно возвращалось. Как и всегда, когда приходишь в себя после глубокого сна, я не сразу понял, где нахожусь. С определенностью знал только, что был новый день. Из зарешеченного окна лился дневной свет, а значит, ночь, долгая ночь Гаваны, наконец-то кончилась.

Кончилась эта долгая кошмарная ночь, которая, казалось, никогда не прекратится. Она началась с того момента, как мы въехали в город на коляске. Мы были счастливы и готовы к новой жизни. И что получилось? Я остался один.

Я лежал на какой-то койке. Одетый по-прежнему в костюм моряка, но кто-то накинул на меня старое одеяло, оставив непокрытыми ноги. Приподнялся на локте, и на мгновение все вокруг стало неустойчивым. Потом равновесие вернулось.

Осмотрелся. Окно забрано железной решеткой. Но здесь, в Гаване, это ничего не значило. Здесь в каждом доме все окна на первом этаже защищены решетками. Таков обычай страны. Что еще могло помочь определить, где я нахожусь? Это не камера, судя по обстановке. Может, караульное помещение. На стене даже висел календарь, подарок местного пивного завода. Правда, никто не отрывал листочков с февраля. Для точности, с февраля тысяча девятьсот тридцать четвертого года!

Прямо перед моей койкой находилась дверь. Пока переводил взгляд, она открылась, и в комнату заглянул полицейский. Я отметил, что он открыл дверь, просто нажав на ручку, не пользуясь ключом.

— Esta despierto, inspector[1], — услышал, как он сказал. Голова тут же исчезла и дверь закрылась. Я даже не успел открыть рот, но был уверен, что это полицейский.

Итак, банде китайца не удалось убить меня, и я снова в руках у полицейских. Вернулся в точку отправления.

Прошло несколько минут, дверь опять открылась. Тот же самый полицейский придержал ее, чтобы дать кому-то пройти. И вот появился Акоста с пачкой бумаг в руке. Он резко остановился и, обернувшись, что-то сказал. На мгновение я увидел за дверью фигуру, которую тащили двое полицейских. На человеке была морская фуражка. Потом дверь закрылась.

Акоста хлопнул рукой по пачке бумаг.

— Por fin![2] — весело воскликнул сыщик.

Я не понимал, к кому он обращается, ко мне или к бумагам.

— Ну, как дела, бывший подозреваемый? — проговорил Акоста, улыбаясь.

Я ничего не понимал, но на всякий случай подмигнул.

— Я сказал «бывший», потому что вы больше не подозреваемый.

— Хотите сказать, что я свободен.

Он улыбнулся:

— А что, разве эту ночь вы провели в тюрьме? — спросил он шутливым тоном.

Я ответил ему стоном, легким, но выразительным.

— Все знаю, — с готовностью добавил Акоста. — Мы нашли вас в гардеробе лежащим ничком, с разбитым лицом. Вытащили вас через верх, потому что, если бы захотели поднять мебель, нам бы потребовался кран!

Пришел караульный с чашкой горячего кофе. Я пил, кофе тек по подбородку, но все-таки удалось сделать хороший глоток, и я почувствовал себя лучше. Кофе — прекрасное лекарство, чтобы вывести из заторможенного состояния. Потом мне дали сигарету.

У Акосты был сияющий вид. Кажется, он находил мир изумительным, по крайней мере, ту часть, которая находилась на стороне закона. Думаю, любой полицейский будет в хорошем настроении после того, как ему удастся раскрыть серьезное преступление.

---

[1] Он проснулся, инспектор (*исп.*).

[2] Наконец (вот и конец) (*исп.*).

— Вы в полном смысле спасли свою шкуру! — воскликнул он. — Мой патруль, осмотрев ресторанчик и магазин, вышел на улицу. Они доложили, что ничего подозрительного не нашли. Мы бы, без вопросов, вернулись в участок, если бы подчиненные не схитрили и не заманили меня в лавку китайца. Они хотели удостовериться, что все сделали правильно. И вот в то время, когда я находился в коридорчике и разговаривал, — бум! Я подумал, что падает дом. С потолка, мне на голову и спину, свалились куски штукатурки. Тогда я дал команду и мы все перекрыли. Мы не остались внизу, а пошли наверх.

Он медленно покачал головой.

— Идти туда стоило! Нашли притон наркоманов. У нас было подозрение относительно деятельности, которая развернулась в этом квартале, но никак не могли напасть на след. Ну, а в этот раз мы обнаружили много сырого опиума, уже в ящичках, готовых к отправке. И наконец, нашли вас и вашего соседа по гардеробу. Там, конечно, поднялась суматоха. Преступники потеряли голову и вытащили пистолеты. Поэтому мы вынуждены были… как сказать?.. потащить их на буксире.

— Кого взяли?

— Взяли всех. И кому-то из них не поздоровилось. Видите ли, мы зашли с двух сторон, поэтому у них не имелось пути к отходу.

— Теперь, наверное, им есть куда пойти, — пробормотал я возмущенно.

— За это будьте спокойны. И вдобавок, они приобрели только входной билет!

— Существовал еще негатив, который спас бы меня. Если бы удалось найти его, когда я искал…

— Несомненно. Это доказательство номер один!

— Но он сгорел на моих глазах!

— То был негатив. Но Кампос успел отпечатать фотографию до того, как они ворвались в его дом. Он сушил ее в своем обычном месте, поэтому преступники не нашли ее. У Кампоса сушилка под матрасом! У него нет оборудования, как у хорошего профессионала. Вот так, они взяли негатив, но оставили фотографию. Кампос уже видел, что зафиксировано на ней, и рассказал нам сразу же, как только пришел в себя.

— Как он сейчас? Выкарабкается? — осведомился я.

— Он в больнице. Конечно, преступники его сильно побили, но я надеюсь увидеть его в полном здравии. В том смысле, что фотограф сможет выступить как свидетель на процессе против вашего врага, который совершил убийство. У нас нет сомнений, что суд состоится. Фактов достаточно. Нападение и похищение Кампоса, нападение на вас, фото и признание самого Паульсена, которое у меня есть.

— Паульсен? Он признался?

— Конечно, он недолго запирался… — Акоста рассмеялся. — Капитан полностью уличен, понимаете?

Сыщик показал мне несколько листов бумаги, соединенных скрепкой.

— Он диктовал нам все утро. Вот копия… Видите ли, когда вы вышли из антикварной лавки, Чин показал вас Паульсену.

— И тот повиновался, вовсе не задумываясь, кто будет жертвой? Ведь он нас раньше не видел.

— Разве для него это имеет значение? Всего лишь очередной «внеплановый клиент». Чин показал ему нож: «Это тот, о котором он думает, что купил. У него в кармане квитанция. Но я заменил нож в последний момент, когда заворачивал его в бумагу». Потом, по признанию Паульсена, Чин сказал: «Следуйте за ними и убейте женщину. Но сначала избавьте его

от другого ножа». Наконец он дал ему немного зеленой бумаги и резинки, того самого материала, который использовал, когда заворачивал вам нож.

— Тогда Паульсену не было необходимости разворачивать тот нож, который он вытащил у меня в толпе.

— Нет, конечно. Паульсен бросил на землю бумагу, принесенную с собой, и тем самым навел подозрение на вас!

— И это ему полностью удалось!

— Паульсен вытащил у вас нож еще до того, как вы добрались до бара. Вы прошли рядом с ним, когда пробивались сквозь толпу, ведя за собой даму. Даже невольно помогли преступнику, облегчили задачу, идя с расстегнутым пиджаком! Своим телом он надавил на вас, полы пиджака раскрылись, и нож — он длинный, как вы знаете, — высунулся из внутреннего кармана. Следовательно, можно сказать, что вы сами отдали ему этот нож! Потом Паульсен следовал за вами, пока не нашли место, заколол вашу даму ножом, который дал вам Чин, бросил бумагу и резинки на пол и убежал!

— Они думали, что действительно все предусмотрели, эти сволочи!

— Да. Но фотограф спутал их планы.

— Значит, убийцу вы взяли. Паульсен от Чина получил приказ убить?

— Да, он сам в этом признался.

— Так, с этим все ясно. Теперь пойдем дальше. Точнее, вернемся к началу. От кого получил приказ Чин? — задал я вопрос.

— На этом наш допрос кончается.

Я сел на койку и отставил чашку с кофе.

— Что вы хотите сказать этим вашим «допрос кончается»? Хотите наказать руку, которая нанесла удар, и оставить безнаказанной руку, которая послала на преступление?

Акоста пожал плечами.

— У нас нет возможности докопаться до начала. Мы не можем доказать, что был человек, которому эта рука повиновалась.

— Послушайте, — сказал я. — Не говорите со мной загадками. Объясните ситуацию простыми словами.

— Тио Чин мертв, — ответил сыщик. — Он умер несколько часов назад, находясь без сознания с того момента, как мы обнаружили притон.

— Но какого черта ваши агенты стреляли в него? — выкрикнул я. — Неужели этот толстяк ввязался с ними в бой? И они не смогли китайца обезвредить?

— Это не мои люди его убили. Впрочем, китаец не оказал сопротивления. Он понял, что все кончено и ему ничего не остается, кроме как сидеть и ждать. Когда мы ворвались в комнату, где он находился, то обнаружили его сидящим в китайской одежде с чашкой чая. Рядом сидела племянница, склонив голову ему на колени. У него был такой вид, будто чай горчил. Но я сразу не понял. Да и до того ли было! Мы остерегались, как бы кто-нибудь не пустил в ход пистолет, и конечно же, не подумали о чае. Девушка умерла первой. Чин умер несколько минут спустя, когда мы несли его сюда. Видимо, там была тройная доза. Не помогло даже промывание желудка.

Раньше смерть Чина не вызвала бы у меня никакого сожаления, но сейчас я, напротив, был очень огорчен. Хотел оживить толстяка, словно не ненависть к нему испытывал, а любовь.

— Ну и на чем вы остановились? — спросил. — Как дальше пойдет расследование?

— Цепочка оборвалась, — признался Акоста. — У нас в руках человек, который совершил преступление, его будут судить за преднамеренное убийство. Но дальше Паульсена мы идти не можем. Отсутствует звено цепи. Посредник мертв. Чин мог бы рассказать нам, от чьего имени он действовал.

— От имени Романа! — воскликнул я, стукнув кулаком в грудь. — В этом уверен, как уверен в том, что нахожусь сейчас здесь. И вы это знаете. Приказ пришел от него. Он убийца!

— Это всего лишь ваше мнение, но не доказательство. Кстати, я также придерживаюсь вашего мнения относительно данного предположения. Но не могу получить ордер на арест, основываясь на гипотезе. Прежде чем действовать против кого-то, я должен иметь на руках доказательства, а не догадки! Это лишь версия, не подкрепленная ничем.

Я опустился на койку и уставился в пол, будто там было разъяснение, да к тому же написанное невидимыми чернилами.

— Но Чин не знал нас до вчерашнего дня и впервые увидел примерно за полчаса до того, как произошло преступление. Каков мотив его действий? Что по этому поводу говорит ваш здравый смысл?

— Да, возможно, вы правы. Хотя и это не можем доказать, потому что Чин мертв. А ваши рассуждения можно повернуть в обратную сторону. Паульсен никогда не видел Романа, даже не слышал его имени. И мы знаем, что это правда. Он признался во всем, и ему не было никакого резона скрывать этот единственный факт.

— Но ведь он водил туда транспорт с грузом. И груз надо было передавать кому-то в Майами. Не оставлял же он его брошенным на побережье! — заметил я.

— За товаром каждый раз приезжал один и тот же человек на грузовике. Имени своего он не называл, квитанцию подписывал инициалами. Определенно это не Роман. Инициалов было достаточно. Чин знал его подпись, а Паульсена в это дело не посвящали. Паульсен работал на Чина, а не на кого-то в Майами. Если и существует дорожка, которая ведет к Роману, то отыскать ее сейчас невозможно. Чин дал приказ убить человека. Но Чин умер, не сказав ничего. Вы понимаете? Единственный свидетель исчез навсегда.

— А если бы, допустим, Роман находился под вашей юрисдикцией здесь, в Гаване, вы бы могли обвинить его в организации убийства? Могли бы возбудить против него судебное дело?

— Нет. На каком основании?

Я медленно поднялся, давая понять, что наш разговор закончен. По правде говоря, все остальное теперь мне было неинтересно.

— Жаль, — проговорил я с рассеянным видом. — Очень жаль.

Потом засунул руки в карманы и неожиданно посмотрел Акосте в лицо.

— Каково сейчас мое положение? Я нахожусь здесь как свидетель или же в другом качестве?

Я заметил, что сыщику понадобилось время, прежде чем ответить.

— В соответствии с законом, вы должны быть задержаны, — сказал он с запинкой. — Речь идет о процессе по обвинению в убийстве, и вам необходимо присутствовать на нем в качестве свидетеля. Потом Акоста прошелся рукой по лбу и добавил: — Но мы посмотрим на это сквозь пальцы и освободим вас, при условии, что во время суда будете находиться здесь.

— Я буду в Гаване к началу процесса, — заверил его.

Он продолжал смотреть на меня, пока я шел к двери, взялся за ручку.

— Куда сейчас направляетесь?

— Для разнообразия хочу нанести визит одному псу… по поводу одной дамы, — ответил я.

14

И вот я снова шагаю по дороге, ведущей к Эрмоза Драйв, как в тот день, когда нашел бумажник и приобрел место шофера. Только тогда шел в неизвестность, а сегодня я знаю, что меня ждет. Тогда шел навстречу любви, сейчас шагал к смерти. Тогда был день, сейчас ночь, и это как бы подчеркивало разницу целей.

Мне не нужно бежать, для меня не важно, сколько времени займет дорога. Хотел прибыть к месту как можно позже. Вот почему я не ускорял шаг и не просил подвезти меня на машине. Был уверен, что доберусь до цели, и ничто не могло меня остановить.

Я шел под звездами ровным шагом. Время от времени налетал морской бриз, пронизывал насквозь, и в ночи опять наступало затишье. Иногда рядом пролетал автомобиль, освещая меня фарами и, как хвост кометы, медленно исчезал вдали.

Я шагал и шагал, зная, что, когда доберусь, двое должны умереть. Считается, что в такой ситуации человек испытывает какие-то особые ощущения. Но это не так. Я ничего не ощущал. У меня не было больше сильной ненависти. Я стал бесчувственным. Возможно, не заслуживает похвалы готовность без жалости убить человека. Но безусловно, что подобная холодность облегчает выполнение задания, которое перед собой поставили. Вы как машина, которая, однажды запущенная, больше не останавливается.

Высоко в небе насмешливо перемигивались между собой звезды, как будто уже знали, что я задумал, и это их совершенно не волновало. Они уже столько раз наблюдали подобное, что моя история была для них стара как мир.

Точно не знаю, но, наверное, было около трех часов ночи, когда добрался до персональной улочки Эрмоза Драйв. Я свернул с автострады и направился к вилле. Решетчатые ворота заперты, но это препятствие не остановило меня — знал, где наиболее легко можно преодолеть ограду. Я прошел вдоль каменного забора, пока не заметил удобное место со стороны пляжа. Сейчас был отлив, и я спокойно дошел до стены посуху. Но даже если бы был прилив, я бы перебрался туда вплавь.

Те, кто живут во власти страха, хорошо усвоили одну вещь: можно держать на расстоянии человека, но нельзя отдалить смерть.

Я перелез через забор и зашагал по песку, приближаясь к вилле со стороны фасада, который выходил на океан. Дверь, у которой я обычно ждал в автомобиле, находилась с тыльной стороны, и ей пользовались только хозяева.

Теперь я был на территории виллы. Два человека уже мертвы, хотя они этого еще не знали.

Маленькие купальные кабинки, черные на белом фоне песка, казались будками для часовых. Послышалось низкое и глухое ворчание: кто-то вылез из кабинки и кинулся ко мне.

В доме имелась собака. Собака Джоба. Они думали, что животного достаточно для защиты, кроме решетки и стены. И в нормальных условиях действительно этого достаточно, потому что животное укусило бы любого, кто ночью незаконно находился за оградой.

Я резко остановился, чтобы посмотреть, как поведет себя собака. И она тоже в последний момент затормозила разбег, зарывшись передними лапами в песок прямо у моих ног. Собака никогда не забывает того, кто однажды стал ее другом. В этом большая разница между собакой и человеком.

— Привет, Вольф, — сказал я тихо. — Я вернулся.

И погладил пса по голове.

Однако теперь, чтобы выразить радость встречи со мной, Вольф продолжал стоять у моих ног, мешая пройти.

— Ну ладно, возвращайся в конуру, — посоветовал ему. — Это дело тебя не касается.

В доме свет не горел. Ключа от двери у меня не было, поэтому придется подумать, как проникнуть внутрь. Позвонить? Нет, Джоба нельзя вмешивать в эту затею. Я не имел на него обиды. Все время, пока служил здесь, я всегда ел в его компании, за одним столом.

Обойдя дом, подошел к месту, где находились окна Романа. Комната выходила на небольшую террасу, которая помогла мне, образуя выступ среди гладких стен. Воспользовался нижним окном, чтобы опереться ногами, и вскарабкался на террасу.

Наверху остановился и посмотрел вниз. Вольф забрался в конуру и с любопытством глядел на меня, склонив голову набок. Потом я увидел, что хозяин оставил окно распахнутым, поэтому можно войти в дом, не производя шума. Комната была безмолвной, погруженной в темноту. Но он находился здесь, я слышал его дыхание. Войдя в спальню, почувствовал даже запах алкоголя, который Роман влил в себя несколько часов назад.

Я осторожно двинулся к кровати. Видел хозяина в этой комнате единственный раз, когда вошел сюда в день моего прибытия. Добравшись до изголовья, сел на край кровати прямо рядом с ним. Матрас немного прогнулся под моим весом, но спящий, кажется, не почувствовал.

Я хотел, чтобы он меня увидел. Хотел, чтобы он знал о своей участи. Протянул руку к лампе на ночном столике и нажал выключатель. Свет упал на наши лица.

Я встал и повернул лампу так, чтобы свет бил ему в лицо. Потом сел и стал ждать, когда хозяин проснется. Но Роман спал крепко. Отсутствия Евы он не ощущал. Убийство жены не испортило ему сон. Он, должно быть, привык к убийствам, скотина!

Я не стал его будить. Решил дождаться, когда Роман проснется сам. Осмотрелся, затем поудобней устроился на краю кровати и посмотрел на него. Предыдущей ночью в Гаване я видел разных людей. Среди них были злобные, зловещие фигуры, а некоторые просто омерзительные — такие, как Куон и Паульсен, — но рожа Романа превзошла их всех. По крайней мере, в моих глазах. Потому что он убил женщину, которую я очень любил.

Наконец свет начал беспокоить спящего. Роман заворочался. Попробовал повернуться на другой бок. Я придержал его за плечи и оставил в прежнем положении, действуя при этом не грубо. Мне хотелось, чтобы он проснулся сам.

Наконец веки его дернулись. Роман моргнул несколько раз и, в конце концов, открыл глаза полностью. Сначала в этих глазах появилась недоверчивость. Должно быть, он подумал, что это плохой сон. А может, решил, что свет сыграл с ним оптическую шутку. Он снова закрыл глаза на мгновение, потом моргнул несколько раз, надеясь, что видение исчезнет. Но я не исчез, и Роман понял, что перед ним человек во плоти.

Я видел, как появившийся страх медленно меняет выражение его глаз. Они широко распахнулись, стали стеклянными.

— Привет, Роман, — сказал я. — Хорошо спится в такую ночь, а?

Хриплым от сна голосом он еле слышно выдавил:

— Джордан! Джордан!

Я положил ладонь ему на горло, но сжимать не стал.

— Не пытайся позвать его криком, — проговорил. — Потому что тут же замолкнешь навсегда. Не зови раньше времени смерть. До тех пор, пока ведешь себя тихо, будешь жить.

Воротник пижамы мешал, поэтому я второй рукой отодвинул его от шеи хозяина. Я обратил внимание, что ему нравится шелковая одежда в полоску. Сейчас пижама была в черную и золотистую полоску.

Роман сдерживал голос на низкой ноте. Хриплый шепот. А может быть, он не в состоянии был говорить громче?

— Скотти, Скотти.

Я наклонился к нему, чтобы лучше слышать.

— Что такое? — спросил нарочито вежливо.

— Я дам тебе сто тысяч долларов. Получишь в банке, здесь, в городе. Чек на предъявителя. Позволь дойти до стола… выписать чек. Только до стола, Скотти… в другом конце комнаты. Или сам принеси сюда книжечку и ручку, выпишу его здесь. Я подниму руки вверх, к изголовью кровати. Не буду двигаться, пока ты не возьмешь что нужно.

Я молчал.

— Сто пятьдесят тысяч, Скотти. Все, что я имею на текущем счете.

— Желаю, чтобы ты вернул мне Еву.

Его пальцы дотронулись до меня.

— Двести тысяч… Двести тысяч… Достаточно? Нет? На текущем счету в Чикаго… Четверть миллиона долларов.

— Убери лапы! Ты наскучил. Я хочу Еву. Ты слышишь? Хочу Еву.

Роман в отчаянии вертел головой на подушке из стороны в сторону.

— Скотти, все, что я имею. В Нью-Йорке, в Филли. На моих текущих счетах… В сейфах. Все. Ты станешь властелином мира. Позволь мне только уйти отсюда. В чем есть. Оставь мне… жизнь.

— Еву. Я хочу ее. Пусть она еще поговорит со мной. Я хочу видеть ее живой, чтобы она двигалась, чтобы она снова улыбалась мне.

— Все, все… только оставь мне жизнь.

— Но я не хочу все. Мне ничего не надо. Мое желание более простое. Ведь это так утомительно — собирать четверть миллиона долларов. Всю жизнь. И потом вдруг все отдать за один раз… Нет, нет, это очень трудно. Я же хочу лишь Еву. Тебе нужно всего-то: вернуть ее мне. Должно быть, это несложно для такого типа, как ты, который хорошо знает, какую нитку потянуть в нужный момент!

— Я не могу, Скотти, — лепетал он.

Наш «задушевный» разговор подошел к заключительной точке. Я это понял, хотя ясного решения еще не было.

— Ты просишь у меня единственную вещь, которую не в состоянии сделать. Почему не возьмешь что-нибудь другое?

— Зачем же ты ломал вещь, если не можешь вернуть ее в первоначальное состояние?

И я с силой надавил ему на горло.

Не слышно было ничего, кроме шелеста простыней. Роман бился подо мной, как будто ему неудобно в постели.

В эти несколько секунд ум мой был ясный. Я даже мог рассуждать. Помню, подумал: «Сколько нужно времени, чтобы человек умер? Нет, это никогда не кончится. Неужели он никогда не умрет? Умрешь же ты, наконец? Умри! Умри!»

С каждым «Умри!» я с новой энергией усиливал сжатие. Кровать скрипела, будто плакала.

Я видел тень от моей головы, спроецированную на стене. Она дрожала, опускалась, исчезала, потом вновь появлялась и тряслась. Из этой игры теней невозможно было определить, что я делаю. Можно сказать, что это голова человека, который занимается трудным, но безобидным делом: например, закрывает чемодан, доверху набитый вещами.

Потом вдруг тень поблекла, сдвинулась в сторону и спроецировалась на стене немного дальше, как если бы появился новый источник света, превосходящий предыдущий. На том месте появилась тень не головы, а всего человека. Тень отчетливая. Я замер, когда понял, чья она.

— Я иду, Эд… Сейчас я его прибью!

Вот и затрещал хвост гремучей змеи. Вот они, ядовитые зубы.

Я развернулся вместе со своей жертвой, прикрылся телом Романа, как щитом, и потащил его за собой к краю, пока оба не скатились на коврик у кровати. Выстрел прозвучал в тот момент, когда мы начали падать. Я едва услышал его в суматохе. Это был не более чем глухой звук.

В начале этого процесса он находился подо мной, в конце, наоборот, оказался сверху. Я продолжал сжимать руками его горло, не ослабляя хватку даже когда падал. Роман повалился на меня всем своим пузатым, коренастым телом, и мы оба затихли.

Боли я не чувствовал нигде, поэтому сделал вывод, что Джордан промахнулся. Но он-то не знал этого, а значит, обязательно подойдет посмотреть.

Теперь я был уверен, что Роман убит. Он больше не двигался. Его грудь лежала на моей, и я слышал, как стучит только мое сердце. Если бы он был жив, я бы слышал удары его сердца после такой борьбы. Все ясно, Роман мертв. Хорошо. Именно этого я и хотел.

Джордан приближался. Мы лежали на полу у окна, между нами и Джорданом находилась кровать. Он не мог нас видеть. Мы не шевелились. Роман — потому что был мертв, я — потому что, пошевелившись, встревожил бы Джордана. Я видел только его ноги, обутые в соломенные сандалии, которые он носил всегда. Ноги в сандалиях осторожно продвигались вперед.

Я отпустил горло Романа. Теперь уже давить бесполезно.

Схватил рукав полосатой пижамы и поднял его безвольную руку над кроватью. Рука держалась прямо, только кисть была согнута в запястье. Я отпустил ее, и она упала на одеяло. Таким образом хотел создать впечатление, будто Роман пытается подняться с пола и помогает себе рукой, стараясь опереться.

Трюк удался. Джордан сказал мертвецу:

— Как дела, Эд? Я достал его?

Я протянул руку Романа к проводу лампы, стоящей на ночном столике. И в тот момент, когда нога Джордана ступила на угол кровати, я согнул запястье и уронил руку на провод. Светильник упал, и лампочка с треском разбилась.

Полной темноты, однако, не получилось — Джордан оставил дверь открытой. Но в углу, где мы находились, было темно.

Джордан прошел вокруг кровати, остановился и посмотрел на нас. При скудном свете, должно быть, выделялись лишь полоски пижамы Романа.

Он не мог стрелять, потому что Роман лежал сверху. Джордан наклонился, чтобы посмотреть, кто же так крепко обнимает хозяина. Это была его ошибка.

Я схватил Джордана за лодыжку и резко дернул на себя. Пистолет снова выстрелил, но уже в воздух. Пламя выстрела осветило на мгновение комнату. Я заметил, что выстрел направлен в потолок.

Оружие упало с глухим стуком раньше владельца. Падение Джордана оказалось более шумным.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы нащупать пистолет и толкнуть его под кровать. Не хотел им воспользоваться. Я был необычно возбужден. Хотел оплатить счет своими собственными руками.

Я отбросил в сторону Романа, словно это был матрас, и вскочил. Джордан находился уже на ногах. Мы бросились друг на друга. Началась борьба. Старая вольная борьба, с использованием кулаков и без правил.

Я думал, что без пистолета он мало что значит. Однако Джордан знал, что делать. Видно, парень не только владел пистолетом, но и боролся много раз. И это дело вовсе не казалось ему новым. Иногда я чувствовал, как отражается от головы в позвоночник сильный толчок, и понимал, что это меня бьет Джордан. Но я только содрогался и регистрировал удары, не ощущая боли, не слушая разума. Потому что все мое существо подчинялось одной лишь холодной решимости довести задуманное до конца. Может, это и спасло меня, не знаю. Как-то мой кулак, достигнув груди Джордана, выбросил его через распахнутую дверь на террасу. Я выбежал за ним, и борьба продолжилась.

Чувствовал, как устали мои руки. Но видел, что противник отступает, а значит, каждый мой удар попадал в цель.

Наконец Джордан был прижат к перилам террасы. Я заметил, как он изогнулся назад для увеличения силы удара, после которого, очевидно, собирался вновь броситься на меня. Но эта неправильная позиция исходной точки помешала ему выбрать нужное направление. Нанося удар, он напоролся на мой бешеный кулак.

Я чуть не вывихнул плечо, но лицо Джордана вдруг исчезло из моего поля зрения. Это был последний раз, когда я его видел. В моей памяти остались лишь очертания быстро уменьшающегося лица, распухшего и в синяках от полученных ударов. Но в конце концов, разве важно, как побито его лицо? Он исчез в ночи.

То, что Джордана не стало, я ощутил сразу: мне не с кем было драться. Он свалился за перила. На террасе остались только его соломенные сандалии.

Я выглянул и увидел человека внизу. Падения оказалось недостаточно, чтобы его убить. И кроме того, он упал на клумбу. Я увидел также собаку, которая рычала, высунувшись из конуры.

Не знаю, был ли виной запах крови, исходящий от Джордана, или же собака учуяла дикую неистовость нашей борьбы, но она была возбуждена.

— Фас, Вольф! — крикнул я.

Даже не думал, что животное меня послушает. Ведь это была собака Джоба, а не моя.

Вольф же, напротив, казалось, ждал именно этой команды. Пригнув голову и подняв уши, он молнией бросился на упавшего и схватил его за горло.

Я развернулся и снова вошел в комнату. Шатаясь, прошел к кровати. Теперь исступление, в котором находился, начало исчезать. Я почувствовал страшную усталость.

Перевернул ногой тело Романа. У меня не было желания наклоняться. На мгновение вдруг показалось, что у него открылся глаз, будто подмигивает мне.

При скудном свете я заметил, что у него рядом с ухом виднелась маленькая влажная ранка от пули. Оказывается, не я был тем человеком, который прикончил Романа. Его застрелил собственный телохранитель.

Я не хотел уходить тем путем, которым вошел. Слишком устал! Медленно вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Прошел через холл к лестнице.

Внизу горел свет. В вестибюле на первом этаже стоял Джоб и, подняв голову, смотрел на меня. Он не шевелился, и создавалось впечатление, что находится в этом статическом положении уже несколько минут. Я посмотрел на него сверху.

«Всемирная литература» в «Нёмане»

— Ну, действуйте. Чего ждете? — сказал.

Слуга продолжал смотреть на меня, не открывая рта. Я спустился по лестнице и подошел к нему.

Джоб резко повернул голову к входной двери.

— Сейчас, я открою вам дверь, — проговорил он. — Идите, пожалуйста. Потом мне надо будет подняться наверх, обнаружить их и позвонить.

Я прошел рядом, почти коснувшись его. Посмотрел в глаза.

— Не забудьте описать мою внешность, — угрюмо произнес я.

— Но мне некого описывать. Я никого не видел, — ответил Джоб. — Эти двое ссорились часто. Всегда думал, что этим кончится. И сегодня между ними произошла ссора, когда они пришли в дом.

Я открыл дверь. Джоб продолжал:

— Она была очень приветливой госпожой. Слышал сегодня, как они говорили об этом деле. Так что я все знаю.

— Вы не услышите больше разговоров об этом, — заверил я слугу.

Джоб закрыл дверь.

Я свернул за угол и направился к пляжу. Собака, увидев меня, оставила тело Джордана и бросилась ко мне. Морда ее была влажной и испачканной кровью.

— Эту работу должен был проделать я, а не ты, — обратился к псу.

Я прошел дальше и увидел наиболее удобный для преодоления участок стены. Той стены, которой оказалось недостаточно, чтобы уберечь от смерти хозяина виллы. Я любовно похлопал собаку по спине и перемахнул через ограду.

Вольф продолжал сопровождать меня по другую сторону стены. Еще долго было слышно, как он скулит.

15

При первых утренних лучах солнца Эль-Морро[1] казался приземистой массой розового известняка.

Катер с такой медлительностью проходил мимо крепости, что создавалось впечатление, будто стоим на месте. Наконец сооружение осталось позади, и мы вошли в порт. Я снова был в Гаване. После прошедшей ночи у меня было ощущение, что ничего не случилось.

Я покинул катер и прошел к таможне. За последние три дня это было второй раз. Таможенники остановили меня для досмотра.

— Всего лишь небольшая поездка по срочным делам, — объяснил им.

Таможенники разрешили пройти.

Солнце поднялось над горизонтом и только начало окрашивать крыши в розовый цвет. День не набрал еще полной силы, не развернулся пока в своей ослепительной красе. На улицах — свежо и прохладно.

Я уже более-менее ориентировался в этом городе. Знал, куда идти, а это всегда хорошо. Я направлялся в центральное полицейское управление, к Акосте. Шел медленно и безмятежно. Было еще рано, и мне хотелось дать сыщику время прибыть на рабочее место.

И вот я вошел в здание. Акоста сидел за письменным столом и перекладывал бумаги. Наверное, только что пришел.

Акоста поднял глаза и увидел меня у двери.

[1] Колониальная крепость, которая защищает вход в бухту Гаваны.

— Как, вы уже здесь? В такой ранний час? — воскликнул он.

Я закрыл за собой дверь.

— Недавно я убил двух человек в Майами, — признался.

Его руки замерли над бумагами. Полицейский посмотрел на меня долгим взглядом.

— А почему пришли именно сюда? Почему не обратились в полицию там? Во Флориде?

— Не знаю, — ответил я. — Думаю, находясь здесь, буду… ближе к Еве, вот. А может быть, когда речь идет о таких делах, человек предпочитает обращаться к тому, кто его уже знает. К тому, кто уже говорил, что он для него больше не чужеземец.

Я улыбнулся.

Акоста отвел от меня взгляд и снова начал перекладывать бумаги. Как будто уже закрыл одно дело и теперь готов перейти к другому. Некоторое время я молчал, ожидая, но не выдержал:

— Ну что вы намерены предпринять?

— По поводу чего?

— По поводу того, что я сказал.

Акоста нахмурил лоб.

— Я не очень хорошо знаю английский, — отпарировал сыщик, — часто не совсем понимаю слова и фразы, произнесенные быстро.

— Я могу повторить более отчетливо. Недавно в Майами я убил двух человек: Эда Романа и Бруно Джордана. Я сказал достаточно ясно?

Акоста покачал головой:

— Мой английский никуда не годится. Если бы я получил телеграмму от полиции Майами, в которой просили бы задержать человека по имени Скотт, виновного в убийстве, совершенном там, тогда другое дело. Тогда бы пустился в поиски некого Скотта и, найдя его, задержал, потому что должен был это сделать. Но до тех пор, пока не получил такого сообщения, не откажите мне в любезности прекратить бормотать по-английски фразы, которые я не совсем понимаю.

— Полагаю, вы никогда не получите подобного сообщения, — заверил я. — Это вряд ли возможно!

— А тогда откуда могу знать об этом деле, если мне о нем не сообщили официально? — возразил Акоста. — Я не прорицатель и не читаю мысли других людей, черт возьми! Видите, вы здесь уже минут десять, а я так и не знаю, чего хотите, черт побери! Нет, зато я знаю, что делать! Buenos dias, senor[1]. Дверь там, позади вас.

Я понял, куда Акоста ведет. И должен был его поблагодарить. Правда, я не был уверен, что сыщик заслуживает благодарности. Что он сделал для меня? По его милости я провел долгую ночь, полную моральных мучений, а он, в качестве извинения, проявил обо мне заботу. Нет, я действительно не был уверен, что Акоста заслуживает благодарности.

Я повернулся и, направляясь к выходу, сказал:

— Я задержусь в городе.

— Знаю, — услышал я его бормотание. — Налегайте на ром, и время пройдет быстро.

В этот момент вошел полицейский. Он был возбужден и прижимал носовой платок к тыльной стороне ладони. Возникало подозрение, что его кто-то укусил или поцарапал.

Акоста поднял руки и схватился за голову. Потом неожиданно повернулся ко мне:

---

[1] Всего хорошего, сеньор (*исп.*).

— Сколько у вас денег с собой?

Я сказал.

Цифра, кажется, устроила его.

— Вам не жалко оставить их здесь, как залог для временного освобождения этой… этой женщины? Мы хотим освободить ее…

Я не сразу понял.

— Эта девушка, эта женщина! — разъяснил Акоста. — Со вчерашнего дня устроила здесь ад. И это продолжалось всю ночь. Если ваших денег окажется недостаточно, остальное выложу я, из собственного кармана. Сколько угодно, только бы освободить ее!

Я положил на стол деньги.

— Но почему вы задержали ее? — спросил. — Как свидетеля? Но она не…

— Какой там свидетель! Она стащила у одного их моих агентов часы, когда тот вел ее сюда. И мы вынуждены были арестовать ее по обвинению в краже. С этого момента нет нам покоя! Она похожа на один из тех ураганов, которые время от времени приходят с моря. Но те, по крайней мере, в определенное время уходят!

Мне с трудом удалось сохранить серьезный вид.

— Она оступилась, — сказал, извиняясь за нее. А про себя подумал: «По всей видимости, женщина решила как-то поправить свои дела».

Штраф, или залог, или как он там назывался, был оплачен, и несколько минут спустя я услышал шум в коридоре. Создавалось впечатление, что тащат громадного зверя.

Дверь распахнулась, и вошли два здоровенных стража, держа кубинку за руки. И, наверное, третий здесь был не лишний. Да, задала она им трепку.

— Оставьте ее, оставьте, пусть идет! — нервно проговорил Акоста. — Если она еще кого-нибудь укусит, вынужден буду поместить фурию в изолятор. — И добавил с осторожностью: — Откройте входные двери.

Полицейские резко отпустили ее и, очень довольные, отошли назад, освобождая женщине проход.

Но Полночь не спешила воспользоваться открытой дверью. Сначала она осмотрела одежду и пригладила места, примятые пальцами агентов. Сделала символический жест, стряхивая с себя нечто невидимое. Очевидно, тем самым она хотела сказать, что боится заразиться от подобных контактов. Затем поправила на груди блузку.

Наконец, вместо того чтобы уйти, Полночь направилась к Акосте. Шла медленно, но, видно, настроена была решительно и воинственно. Она шла, как той ночью в комнате, когда увидел ее в первый раз. В такой момент с ней лучше не шутить!

Акоста оставался на своем месте за столом. Здесь еще находились его подчиненные, и ему негоже было отступать. Однако на лице сыщика читалось, что он не прочь сделать несколько шагов назад.

Полночь остановилась у стола и уставилась на Акосту. Казалось, она хочет испепелить его взглядом.

Все в комнате присмирели и притихли.

Я кашлянул, давая понять, что постараюсь вывести ее отсюда. Женщина даже не посмотрела на меня.

— Привет, Полночь! — сказал я, чтобы успокоить ее.

Но это не помогло. Она продолжала держать Акосту под своим взглядом.

— Поговорим на улице, — ответила женщина, не глядя на меня. — Здесь обстановка неподходящая.

Она так сильно фыркнула, что бумага перед Акостой взлетела в воздух.

После этого Полночь развернулась и пошла к выходу. Она по-прежнему шагала медленно, но решительно, с угрожающим видом. Двое стражей предусмотрительно отошли в сторону.

Полночь задержалась на пороге, обернулась и снова посмотрела на Акосту, во второй раз стараясь испепелить его предостерегающим взглядом. Потом подняла колено, извлекла из-под юбки огрызок сигары и сунула в рот. Продолжая демонстрировать свое отношение к полицейским, протянула правую руку к верхней части двери и провела большую поперечную черту по дереву. Черта кончилась тем, что зажглась огромная спичка.

Секунду спустя эта спичка, дымясь, летела через дверь по направлению к Акосте.

Полночь вышла. В воздухе осталось немного дыма от сигары.

Я взглянул на Акосту. Тот украдкой провел носовым платком по потному лбу. Потом взял пресс-папье и осторожно положил его на документы, которые чуть раньше взвились в воздух от фырканья Полночи.

— Закройте дверь, — приказал он полицейским. — Я не хочу ее больше видеть.

Через минуту я догнал женщину на улице. Она шла не спеша, уверенная в себе, и люди уступали ей дорогу. Я окликнул ее.

— Ну вот, все кончилось, Полночь, — произнес я, шагая сбоку.

— Все кончилось, guapo[1], — повторила женщина.

Оказалось, что говорить нам больше не о чем, мы замолчали.

— Я бы пригласил вас выпить чего-нибудь, — начал я, — но…

— Я знаю. «Она» уже там — та, которая ждет вас. В могиле.

Ударом руки Полночь стряхнула пыль с моего рукава. Таким образом, мы попрощались друг с другом. Как корабли, которые расходятся бортами в ночи. Будто тропинки, которые пересеклись во мраке.

Я на мгновение задержал на женщине взгляд, затем повернулся. Полночь продолжала свое шествие по улице, я же вошел в «Слоппи».

Остановился у табурета, где мы сидели вместе. В уме всплыли Евины последние слова:

«О, Скотти… дай мне знать, как получилось наше фото…»

— Оно получилось хорошо, любимая, — вполголоса проговорил я.

Поднял бокал и выпил за нее. Затем разбил бокал о табурет.

[1] Милый, голубчик (*исп.*).

Перевод с английского Валерия ЧУДОВА.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Переводчики, которым хочется сказать «спасибо»

Юрий Михайлович Сапожков (16 марта 1940 года — 5 июня 2013 года)

Иисус же сказал: не бывает пророка без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем.

Мф. гл. 13, ст.57

Пророк

А давайте, мой глубокоуважаемый читатель, предпримем невероятное и постараемся доказать читающей и размышляющей публике, что ошибались древние, утверждая, что «несть пророка в отечестве своем». Ведь есть же! Очень даже есть. И вот еще одно имя из героев переводческого цикла, имя человека, которому хочется сказать «спасибо». Такое большое, прочувствованное и заслуженное спасибо нашему современнику, более того, нашему земляку, замечательному поэту и переводчику Юрию Михайловичу Сапожкову. А если конкретизировать благодарность уже применительно к переводческой составляющей творческого наследия Юрия Михайловича, то, по сути, мое спасибо, прежде всего, за переводческий опус. Всего лишь за один. Но зато какой! За совершенно виртуозное переосмысление на русском языке поэмы Халиля Джебрана «Пророк», которую Джебран (1883—1931), ливанец по происхождению, но живший и умерший в Америке, написал по-английски. Видно, решил обратиться к своим европеизированным и «оамериканненым» соплеменникам на привычном ныне для всех языке. Впрочем, поэма «Пророк» чрезвычайно быстро приобрела невиданную популярность и среди, так сказать, *native-born* американцев, то есть чистокровных уроженцев Соединенных Штатов, включая и высоколобых интеллектуалов из Новой Англии, по сей день кичащихся аристократическим прошлым своих предков.

Итак, «Пророк», правда, на сей раз уже в русскоязычной интерпретации. Написала и задумалась. А что такого нового собираюсь я поведать читателю об этой книге? Ведь я уже сто сорок восемь раз, или даже все сто сорок девять, только то и делала, что и письменно, и устно, и по поводу, и без оного, декларировала свои неуемные восторги в связи с этой переводческой работой покойного Юрия Михайловича Сапожкова. Помнится, в свое время я с большим удовольствием написала пространное предисловие к его переводу «Пророка», когда готовилась к изданию книга Джебрана (она вышла в свет в 2010 году в издательстве «Літаратура і Мастацтва»). Да и потом что ни месяц исправно выступала на многочисленных презентациях книги, написала развернутую рецензию, опубликованную в журнале «Нёман», и везде с придыханием в голосе продолжала твердить, что перевод гениальный, можно сказать, уникальный по заданной автором перевода самому же себе планке качества, что переводов такого уровня в XX веке — раз, два и обчелся. А уж что касаемо века XXI, то он здесь точно первый и единственный в своем роде, перед которым меркнут все остальные переводы, тем более поэтические.

Впрочем, если честно, то за густыми клубами фимиама и флером самых искренних похвал я ни единого разу не попыталась конкретизировать свои восторги уже на, если так можно выразиться, предметном уровне. Почему гениальный? Что такого особенного есть в этом переводе? В чем его загадка? И в чем его уроки для молодых начинающих переводчиков? Да и не только для них. Что ж, самое время сделать это сейчас в рамках нашего разговора о переводчиках, которым хочется сказать «спасибо».

Однако вопреки тому, что всякое эссе, тем более, основанное на документальном материале, толкает автора к объективному освещению избранной им темы, начнем от противного, то есть с сугубо субъективного восприятия произведения Джебрана. И здесь я вынуждена констатировать (естественно, имея в виду исключительно саму себя), что ничего такого выдающегося в самой поэме лично я не нахожу. Типичные восточные медитации о смысле бытия во всех его ипостасях, хорошо известные всем, кто любит литературу, а если шире, то и всю культуру Древнего Востока, и кто знаком, хотя бы поверхностно, со всем многообразием сохранившихся до наших дней литературных памятников, начиная с приснопамятных текстов Ветхого Завета, включая Притчи Соломона и Псалтирь, и кончая Рубаи столь популярного у нас Омара Хайяма или любовную лирику Хафиза Ширази. Не говоря уже о том, что все это богатейшее культурное наследие было многократно переосмыслено и переиначено европейскими писателями, поэтами и философами. О чем я, кстати, упомянула особо в своем предисловии к книге «Пророк», указав на несомненное сходство многих рассуждений Джебрана с аналогичными выводами, сделанными, к примеру, Фридрихом Ницше в его знаменитом труде «Так говорил Заратустра».

Да что там Ницше! Десятки имен, и прославленных, и ныне уже почти полузабытых, приходят на память, когда берешься рассуждать о влиянии Востока на европейскую культуру. Тут тебе и «Персидские письма» Монтескье, и ориентальные романы Мадлен де Скюдери, и философские повести Вольтера, и поэтические баллады Гете, и мятежные поэмы Байрона, и музыка Моцарта, Россини, Бизе, балеты Адана и Минкуса, и живопись Брюллова, Делакруа, Семирадского. Да мало ли что еще может вспомнить просвещенный читатель, отслеживая ориентальные мотивы в европейской культуре вплоть до самой современной.

А потому, почему-то уверена на все сто, что никакого такого эпохального отклика поэма Джебрана, появись она не в Америке, а в Европе, не вызвала бы. Но Джебран издал свою книгу именно в Америке, и явно она с самого начала была рассчитана именно на аборигенов Нового Света.

Которые хоть и любят кичиться своим якобы очевидным превосходством над всем остальным человечеством во всех сферах деятельности, но на самом деле отнюдь не такие уж «продвинутые», выражаясь молодежным сленгом, особенно, по части культуры и ее духовной составляющей. Как ни верти, а нация ведь молодая, еще не до конца сформировавшаяся, еще переживающая этап если не своего детства, то, по крайней мере, раннего отрочества. Словом, аки дети, эти американцы со своей неуемной тягой к голливудскому царству сказочных грез и всяческих страшилок, с истовой любовью к попкорну и прочему фастфуду, не говоря уже о кока-коле и пепси. Получается, что не так уж далеко уплыли современные американцы за минувшие пару столетий от речных просторов Миссисипи, по которым когда-то плавали наши любимые герои детских лет Том Сойер и его закадычный друг Гекельберри Финн.

А потому нет ничего удивительного в том, что человек восточной ментальности, каким по своей сути является Халиль Джебран, долгие годы проживший и проработавший в Соединенных Штатах и умерший там, человек, за плечами которого маячат несколько тысячелетий культуры Древнего Востока, что такой человек вознамерился научить еще сравнительно юных неофитов с Запада неким основополагающим правилам жизни. Издать для них такой своеобразный нравственный кодекс поведения на все случаи их земного бытия, начиная с высокого и даже выспреннего и кончая обыденным, повседневным, простым, порой почти примитивным. Даже в названиях глав поэмы «Пророк» (всего глав — 28) прослеживается эта четкая методическая направленность. Судите сами. Вот лишь некоторые из названий этих глав: «О любви», «О браке», «О доме», «О радости и печали», «О еде и питье», «О купле и продаже» (ну, куда же, в самом деле, рядовому американцу без вездесущего рынка?). И тут же рядом: «О времени», «О добре и зле», «О красоте», «О смерти».

Попутно мой первый и единственный упрек переводчику. Не согласна с тем, как он перевел главу, озаглавленную на английском ‘*On Talking*’ — «О словоговорении». Пожалуй, более примитивный вариант «О разговорах» был бы более уместен. Но возможен и более пафосный перевод. Например, «О словоблудии», если уже отталкиваться от содержания самой главы. В любом случае, генерализация понятия была бы точнее несколько витиеватого буквализма. Но это так, к слову. Сугубо личностные ощущения и ничего более. А пока продолжим наши рассуждения.

Стоит ли после всего сказанного удивляться тому, что появление поэмы на американском книжном рынке произвело настоящий фурор. Как пишет сам Сапожков в коротком вступлении «От переводчика», предваряющем основной текст поэмы, уже самое первое издание «Пророка» в 1923 году разошлось в Америке тиражом 4 миллиона экземпляров. За первым изданием последовали многочисленные переиздания. Сегодня книга переведена практически на все основные языки мира. Дальше — больше. Цитирую Юрия Михайловича: *«Поэму стали изучать в колледжах, отрывки из нее читать на свадьбах и даже в храмах. Сегодня у американцев, особенно у тех, кто принадлежит к поколению шестидесятых, «Пророк» есть в каждом доме».* Словом, неофиты заглотнули наживку и с энтузиазмом принялись строить свою жизнь по Джебрану.

Любопытно в этой связи отметить, что в современном английском языке появилось даже специальное слово, обозначающее стиль произведений Халиля Джебрана: *джебранизм*. Ведь большинство так называемых «прозаических поэм» Джебрана отличает свободная, неуправляемая ритмика, которую, кстати, чрезвычайно сложно сохранить в процессе перевода. *If possible,* если такое вообще возможно, в принципе, добавлю я попутно. Недаром сам Сапожков, занявшись переводом поэмы, прибег к помощи белого пятистопника. И лишь в редких случаях, там, где, по мнению переводчика, автор поднимается до необыкновенно проникновенных эмоциональных высот и обобщений, белый стих, по выражению самого же Юрия Михайловича, идет у него на *«поклон» рифме, которая способна придать эпическому повествованию больше взволнованности, эмоциональности, а значит, вовлечь его в стихию самой жизни».*

Такая вот звездная судьба у книги с (повторюсь еще раз!) весьма банальным, на первый взгляд, содержанием, как бы не сообщающим ничего принципиально нового пресыщенному европейскому интеллектуалу. Некий пророк по имени Альмустафа долгие годы провел на чужбине. Впрочем, как и положено пророкам (заметим мы снова в скобках), чей удел испокон веков быть гонимыми и преследуемыми своими соотечественниками, страдать за правду и, чаще всего, умирать за нее. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу горемычного Данте, великого, пусть и светского, но тоже пророка, только итальянского, чья трагическая жизнь отстоит от наших времен всего лишь на каких-то семь с половиной мимолетных столетий. Сущий пустяк перед лицом вечности, не так ли?

Однако пророку Джебрана повезло больше остальных. После долгих лет, проведенных в изгнании, он, наконец, возвращается на родину. И вот на прощание он решает поделиться с приютившими его жителями города Орфалес своим видением мира и смысла жизни, своими представлениями о добре и зле, о достоинстве и чести, о терпении и умении ждать, о том, что есть любовь и ненависть, о том, как следует родителям строить свои отношения с детьми, как надо дорожить дружбой и уметь ценить время, и так ли уж важны удовольствия для настоящего человеческого счастья. Ну и наконец, о том, что венчает любую жизнь, сколь долгой она бы ни была, — о смерти и о том, как достойно перешагнуть черту, отделяющую видимый мир от всего горнего и вечного. Словом, такие почти практические советы на все случаи земного бытия. Очень краткие, хотя и по-восточному цветистые. Своеобразная квинтэссенция многовековой мудрости, наработанной человечеством за все время его существования. Но безусловно, и поэзия тоже, вдохновенная, чеканная, хватающая за душу своей неподдельной искренностью.

Farewell to you and the youth I have spent with
you.
Прощай, народ Орфалеса, и юность,
которую провел я среди вас.

Читаю я финальные строки поэмы «Пророк» и тут же слышу своим внутренним слухом вдохновенные строки Байрона из его стихотворения «Farewell» («Прощание»). Приведу лишь несколько строк из этого дивного стихотворения в не менее дивном переводе Михаила Юрьевича Лермонтова.

Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них.

Но вот передо мной не менее возвышенные строки из другого перевода, сделанного другим поэтом, Юрием Михайловичем Сапожковым. Невольно ловлю себя на мысли о том, как же счастливо сошлись все звезды в данном конкретном случае. В том смысле, что произведение Халиля Джебрана буквально легло на душу переводчику. Точнее, он просто влюбился в эту поэму, впервые прочитав ее именно по-английски, находясь на стажировке в Соединенных Штатах. О чем мне рассказывал сам Юрий Михайлович, делясь по возвращении из Америки своими неуемными восторгами по поводу прочитанного. Книгу с поэмой Джебрана (которую Сапожков неизменно величал «великой поэмой») ему подарил коллега, известный американский поэт Марион Пенни Пендеграфт, *«радостно познакомивший»,* как пишет Юрий Михайлович все в том же вступительном слове «От переводчика», с творчеством известного ливанца. А еще один американец, искусствовед Эрик Де Карло, охотно объяснил гостю из далекой Беларуси некоторые смысловые и языковые сложности текста, порой весьма заковыристые с точки зрения уже современного английского языка. Оба эти человека удостоились прочувствованной письменной благодарности поэта Сапожкова, коротко изложившего в своем вступлении историю собственного знакомства с поэмой «Пророк».

Итак, Юрий Михайлович прочитал поэму Джебрана в оригинале и почти сразу же решил, что всенепременно переведет ее на русский язык. Его не остановило даже то обстоятельство, что в интернете на тот момент уже блуждало несколько русскоязычных версий «Пророка», *«тускло-прозаических отражений»,* как пишет о том сам Сапожков, выполненных на уровне более или менее сносного подстрочника. Но как справедливо замечает Юрий Михайлович: *«Калька даже в самой малой степени не передает поэтической мощи оригинала. Так тень рисует очертания фигуры».* И ничего более, добавим мы уже от себя.

Словом, Юрий Михайлович взялся за перевод, за поэтический перевод, подчеркну я особо, то есть за самую сложную работу в сфере переводческой деятельности. Этой работе было отдано без малого пять лет жизни. Вдумайтесь только! Пять лет ушло у поэта Сапожкова на переосмысление сравнительно небольшой по своему объему поэмы Джебрана средствами уже русского языка. Колоссальный срок! Но и результат получился впечатляющий. Я бы даже сказала, грандиозный получился результат.

Так уж случилось, что я была, более или менее, в курсе того, как продвигается работа над переводом на всех его этапах. Юрий Михайлович часто советовался со мной, звонил, и мы оба дружно обсуждали тот или иной поэтический пассаж, каждый по-своему докапываясь до истины, сокрытой в тексте. Потом появились первые публикации отдельных глав поэмы на страницах журнала «Всемирная литература». И наконец, весь текст переведенной поэмы вместе с оригиналом был привезен ко мне домой уже для окончательной вычитки. Нет, не редакторской! Ни ради бога! Просто для скрупулезного прочтения текста человеком, тоже занимающимся переводами и тоже трепетно относящимся к каждому переводимому слову.

— Правьте, Зинаида Яковлевна, все бестрепетной рукой! — помнится, напутствовал меня тогда Юрий Михайлович. — Ловите в строках «блох» и прочих «тараканов» и безжалостно кромсайте все, что сочтете нужным.

И я погрузилась в чтение, попутно верша тот самый сопоставительный анализ: русский вариант, английский вариант. Что-то действительно черкала и подчеркивала, но чем дальше, тем больше восхищенно замирала, сопоставляя очередную пару-тройку поэтических строф. А наш-то Дже-

бран, думала я в такие минуты, вспоминая один старый еврейский анекдот, гораздо, гораздо лучше «ихнего» Джебрана. Честное слово!

Позволю себе в этой связи небольшое отступление от основной темы. Довольно часто, в самых разных аудиториях, мне задают один и тот же весьма банальный вопрос. А где можно выучиться на переводчика? И всякий раз отвечаю одно и то же. Везде! Пожалуй, даже в пресловутом кулинарном техникуме. А почему нет? Было бы только желание и упорство. Ну и конечно, талант, хотя бы в небольшом количестве, если речь идет уже непосредственно о литературных переводах. Между прочим, я и сама не переводчик по диплому, а всего лишь учитель английского языка. Вот и Юрий Михайлович Сапожков. Окончил в 1967 году журфак БГУ, еще студентом был приглашен на работу в «Советскую Белоруссию», главную газету тогдашней нашей республики, и очень скоро стал одним из ведущих белорусских журналистов того времени, потом долгих десять лет, с 1976 по 1986 гг., являлся собкором АПН по Белоруссии, а когда замаячила работа в Индии, где с 1986 по 1992 гг. Сапожков заведовал корпунктом АПН в Дели, то решил освежить свои студенческие познания в английском языке и отправился на курсы, работавшие при тогдашнем Доме офицеров. Кстати, репутация у этих курсов в те годы была отменная. Многие мои знакомые технари и ученые-физики, химики и прочие, прошли через двух- или трехлетнее (не помню точно) горнило этих курсов, получив на выходе не только соответствующий диплом, но и весьма недурственное (а иногда и просто отменное) знание английского языка. Юрий Михайлович как раз из когорты последних. Его знание английского языка было именно таким: отменным. Вот вам и тропинка, ведущая к переводческой стезе: упорный, самостоятельный труд, постоянное самообразование и (повторюсь еще раз!) бесспорный поэтический талант. Ведь на момент, когда Сапожков принялся за перевод поэмы Джебрана, он уже и сам был признанным поэтом, автором нескольких успешных поэтических сборников.

Собственное поэтическое видение мира, трепетное отношение к каждому слову, я бы даже сказала, к каждой букве слова и каждой запятой, отделяющей одно слово от другого, — вот первое, что бросается в глаза, когда начинаешь знакомиться с переводом и тут же переводишь восхищенный вздох (прошу прощения за этот невольный каламбур), когда наталкиваешься на очередной поэтический перл.

Мой особый восторг вызывало (и продолжает вызывать по сию пору) то, с каким умением и мастерством Юрий Михайлович управлялся со своей собственной поэтической музой, твердой рукой направляя ее в заданное русло, не давая этой ветреной барышне особо разгуляться на просторах чужого поэтического слова. Ведь поэты… Они, как бы это поделикатнее выразиться, народ увлекающийся. Зачастую многие из них настраивают паруса творимого ими перевода на свой поэтический лад, воплощая собственные творческие фантазии, порой весьма далекие от того, что мы имеем в оригинале. Иное дело перевод Сапожкова. Здесь каждое слово не только многократно взвешено на своих внутренних поэтических весах, оно еще и максимально приближено к тому, что написано у самого Джебрана.

Вот лишь один из многих примеров того, как почти буквальный перевод под рукой мастера превращается в самый настоящий маленький шедевр. Небольшая строчка из главы «О любви».

И пала тишина, и он возвысил голос.

На первый взгляд, действительно почти буквальный перевод следующего отрывка: *'...And there fell a stillness upon them. And with a great voice he said'.*

Но посмотрите, как искусно отсекается в переводе все лишнее (буквально: тишина упала на них, то есть на слушателей пророка), как изящно трансформируется определение «большой, сильный» голос в изумительно точный глагол «возвысил голос». А уж метафора «пала тишина», помнится, когда я прочитала ее впервые, невольно вызвала у меня в памяти другую, поистине божественную метафору из «Божественной комедии» Данте в переводе Михаила Лозинского. Помните? «Солнца луч умолк…»

Вот вам первый, а быть может, и самый главный урок для начинающих переводчиков, особенно для тех из них, кто тяготеет к переводу поэзии. Урок, который я озвучу словами «нашего все», Александра Сергеевича Пушкина, правда, сказанными им совсем по другому поводу. *«Учитесь властвовать собою…»* Не творите отсебятины, скажу я уже менее высоким штилем. Не пытайтесь выдать собственные медитации за истинный голос переводимого вами поэта. Держите свои фантазии в узде, и тогда со временем из вас получится действительно хороший переводчик, такой, каким был герой нашего очерка.

Нет, что ни говори, а собственное стихотворчество стало для Юрия Михайловича Сапожкова бесценным подспорьем в его переводческом труде. Взять, к примеру, вот эти рассуждения из главы «О времени».

Есть в каждом чувство вечности. Оно
подсказывает вам — жизнь бесконечна,

вчерашний день — сегодняшнего память,
а завтрашний — текущего мечта.

Видит Бог, просто нельзя не восхититься снова виртуознейшим переосмыслением средствами русского языка первого английского двустишия: *'Yet the timeless in you is aware of life's timelessness'.*

Впрочем, цитировать сапожковский перевод можно бесконечно. Вот рассуждения из главы «О браке».

Друг другу чаши наполняйте, но
лишь из своей пусть каждый пьет вино;
питайтесь хлебом общим, но при том
пусть каждый будет сыт своим куском.

Веселью отдавайтесь всей душой,
но каждый пусть останется собой.

Или вот эти строки из главы «О даянии».

Запомните: нет веса у добра
и благодарность есть не вид ярма.

А вот еще одно как нельзя более актуальное по нынешним временам наблюдение из главы «О доме».

Поверьте: искушение комфортом
сначала душу самое убьет,
потом, хихикая, пойдет за гробом.

А как вам, глубокоуважаемый читатель, вот это умозаключение из главы «О самопознании»?

То, что у вас роится в голове,
вы узнаете только через слово.

Ну разве же это не достойная перекличка со знаменитым началом Евангелия от Иоанна? *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».*

Не откажу себе в удовольствии еще раз процитировать светоносные строки (где-то я их уже цитировала, если мне не изменяет память) из главы «О дружбе».

Ей, жизни, радуйтесь и смейтесь чаще —
от удовольствий дружба только слаще.
Как зеленеет утром росный луг,
так сердце в радости моложе, друг.

Ах, будь моя воля, я бы с удовольствием издала такой цитатник, целиком состоящий из строк перевода «Пророка», выполненного Ю. М. Сапожковым. И озаглавила бы книженцию вот так: «100 (или даже все 200) крылатых фраз из поэмы Халиля Джебрана «Пророк» в переводе Юрия Михайловича Сапожкова». А что? Сдается мне, что цитатник разлетелся бы по белу свету. Ведь многие же с удовольствием почитывают на досуге всякие нравственные максимы того же Лабрюйера или Ларошфуко, к примеру. Так почему не Джебран? Почему не Сапожков? Словом, дарю идею современным издателям. Авось сгодится.

Прошло уже пять лет, как сам Юрий Михайлович ушел из жизни. Можно сказать, улетел, стремительно и неожиданно. Умчался вслед за своим «Пророком», в полном соответствии с финальными строками, венчающими всю поэму.

Еще чуть-чуть покоя на ветру,
и женщина другая понесет
меня уже совсем иному миру.

И совсем иными глазами перечитываю я сегодня одну из заключительных глав поэмы под названием «О смерти», пытаясь догадаться, понять, о чем же именно думал сам Юрий Михайлович, когда переводил, к примеру, вот эти строки:

Великой тайны смерти
вам не узнать до той поры, пока
не ищете ее вы в сердце жизни.

И так хочется порой вопросить, вперив свой взор в пустоту:

— Ну что, друг? Как там тебе, переступившему уже невидимую грань, отделяющую каждого из нас от мира, где, согласно все той же Библии, *«у Бога все живы»*? Так все же, прав твой Пророк, утверждавший: *«Когда вы пьете из реки молчанья, тогда вы только истинно поете»*?

Самое время воскликнуть вслед за чеховской Ольгой из его «Трех сестер»: *«...Кажется еще немного, и мы узнаем, зачем живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!»*

Что ж... Наверное, именно затем, чтобы облегчить всем нам поиски ответов на эти мучительные вопросы, и пишутся такие поэмы, как «Пророк» Джебрана, и делаются такие великие переводы, как тот, которым одарил всех нас наш современник, земляк, а для многих — еще и коллега и друг, Юрий Михайлович Сапожков.

А вот закончу я свое эссе несколько неожиданным образом. Обращениями. Таковых у меня три.

Первое я адресую Редакционно-издательскому учреждению «Издательский дом «Звязда».

— Дорогие мои! А не кажется ли вам, что пришла пора повторно издать джебрановского «Пророка» в переводе Ю. М. Сапожкова? Ведь минуло почти восемь лет с момента выхода в свет первого и пока единственного издания поэмы. И если вы согласны со мной, тогда вот вам мое пожелание. Пожалуйста, подготовьте такой вариант издания, в котором бы английский и русский текст были размещены параллельно, рядом, друг подле друга. Понимаю, это более затратный проект. Но зато как удобно будет работать с такой книгой и специалистам, и просто читателям, и тем, кто захочет воспользоваться переводом Сапожкова в качестве своеобразного самоучителя по литературному переводу. А лично я готова и — честное слово! — с огромным удовольствием напишу для этого нового издания новое предисловие, причем совершенно бесплатно, чтобы максимально снизить все иные потенциальные затраты. Ну как? Согласны?

Второе свое обращение я адресую Эльману Петру Андреевичу, доценту кафедры перевода в нашем Лингвистическом университете. Почему именно ему? Да много хорошего слышала об этом человеке от его бывших выпускников. А потому обращаюсь к нему на правах коллеги и давней выпускницы нашей общей *alma mater*.

— Любезнейший Петр Андреевич! Настоятельно рекомендую Вам воспользоваться изданием «Пророка» Джебрана в переводе Ю. М. Сапожкова в качестве учебного пособия для практических и семинарских занятий по курсу литературного перевода. Уверяю Вас, это пособие окажется много эффективнее всяких заумных, тошнотворно наукообразных (и ничего более!) опусов, написанных в иных городах и весях. Причем порой людьми, имеющими весьма смутное представление о том, что есть перевод литературного произведения в его, так сказать, практической плоскости. Имею право утверждать такое. Ведь за плечами у меня без одного года полувековой стаж переводческой работы, который продолжает длиться по сию пору. Так давайте же докажем, нашими совместными усилиями, что есть пророки в нашем отечестве. Есть! В том числе и пророки в области перевода. Более того, мы знаем этих людей поименно, ценим их и отдаем им свою благодарственную дань признательности и восхищения.

Третье обращение я отсылаю всем заинтересованным лицам. Вот какая странная история получается. «Ползая по Интернету» в поисках каких-то новых, дополнительных материалов о своем покойном друге, я с грустью обнаружила, что в базе данных Википедии до сих пор нет содержательной и выверенной биографии Юрия Михайловича Сапожкова, с портретом, с подробным перечислением всех его заслуг и свершений. Словом, все как положено. То есть, там вообще нет никакой биографии, не говоря уже о портретах и прочее. Зато имеется биография однофамильца и земляка, тоже, кстати, уроженца Рязанской земли, Николая Иосифовича Сапожкова, умершего аж в 1917 году. Не сомневаюсь, человек этот достойный. Но где же наш, тоже достойный во всех отношениях человек, но только уже Юрий Михайлович? Сию досадную оплошность следует немедленно исправить усилиями… Кого? Да всех нас! Родных, коллег по литературному цеху, руководством Минской писательской организации, друзей-журналистов. Только вот с чего начать и к кому обратиться?

Неприятно царапнуло и то, что в некоторых информационных блоках, посвященных Юрию Михайловичу, прокрадываются досадные несостыковки и даже откровенные ошибки. Так, в нескольких биографиях поэта сообщается, что Сапожков окончил Белорусский государственный университет. Далее в скобках следует цифра: 1962. И тут же сообщается, что с 1967 года он стал работать в «Советской Белоруссии». И что же он делал пять пропущенных лет? Просто 1962-й — это год его поступления в университет. Только и всего. Скажете, мелочь? Но в биографиях людей такого уровня, как Юрий Михайлович, не должно быть подобных мелочей, отвлекающих от главного: от его литературного наследия.

Листая странички многочисленных интернет-публикаций, натолкнулась на симпатичную статью нашего авторитетного ученого и писателя Анатолия Николаевича Андреева, посвященную творчеству Ю. М. Сапожкова. Она была размещена в сети еще в марте 2017 года. Статья называется так: «Пламя у пламени». И подзаголовок: «Имя в русской поэзии Беларуси: Юрий Сапожков». Умная, как всегда у Андреева, содержательная и глубокая статья. Правда, о переводах Сапожкова в ней ни слова. Исключительно о собственном поэтическом творчестве Юрия Михайловича. Но все равно — хорошо написано. И финальные строки легли на душу: *«Поэты всегда приходят вовремя. Они невовремя уходят»*.

Хотя, если честно, то тут я бы рискнула и слегка подправила эту мысль глубокоуважаемого Анатолия Николаевича. Нет, мой дорогой Анатолий Николаевич! Поэты, хорошие поэты, они никогда не уходят. Они всегда рядом с нами. Как и хорошие переводчики, кстати.

Переписка Якуба Коласа и Константина Галкаускаса 1945—1946 гг.

Письмо на бумаге... В стремительном XXI веке это выглядит почти архаично. Его заменили послания по электронной почте, СМСки, вайберы, скайпы и другие новоявленные, позаимствованные за рубежом средства информационного общения. Рукой написанное письмо или открытка остались в прошлых веках и даже в прошлом тысячелетии. И все же, в отличие от современных посланий, они остались для нас, для будущих поколений, чтобы прояснить и прочувствовать ушедшую эпоху, в которой жили и созидали наши предшественники.

Особое значение приобретает переписка известных личностей. Здесь речь пойдет о переписке двух Константинов Михайловичей — народного поэта Беларуси Якуба Коласа и талантливого литовского и белорусского композитора Галкаускаса.

Якуб Колас. 1946—1947 гг.
Фото из фондов Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа.

Информацией о том, что письма Якуба Коласа к композитору К. Галкаускасу сохранились, со мной поделился известный литературовед, доктор филологических наук Арсень Лис. Накануне моей поездки в Вильнюс позвонила вдова друга нашей семьи Геннадия Киселева — Янина Михайловна (долгие годы она работала в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси и в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства) и попросила переговорить до отъезда с Арсенем Лисом. Еще в конце 1970-х гг. Арсень Сергеевич ознакомился с письмами Коласа к Галкаускасу в одной из литовских библиотек, в свое время опубликовать их не получилось, и в последнее 20-томное собрание сочинений белорусского песняра они также не вошли.

Коллекцию документов К. Галкаускаса удалось найти в рукописном отделе библиотеки им. Врублевских Литовской Академии Наук. Там оказалось шесть писем Якуба Коласа и открытка старшего сына писателя Даниила Мицкевича, написанная по поручению отца. Надо отметить, что фонд К. Галкаускаса достаточно обширный, думаю, с ним будет интересно поработать не только литературоведам, но и музыковедам.

Галкаускас Константин Михайлович

Письма К. Галкаускаса к Я. Коласу частично находятся в фондах Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа, частично — в семейном архиве наследников песняра.

Мне показалось логичным представить именно переписку двух известных людей, которая велась в 1945—1946 гг. и касалась сценично-музыкального воплощения одного из шедевров коласовской поэзии — поэмы «Сымон-музыка». Речь идет о двух произведениях — пьесе для драматического театра и об опере.

Прежде всего, немного информации об адресате Якуба Коласа.

Константин Михайлович Галкаускас (Галковский; 4(16).06.1875, Вильня — 20.02.1963, Вильнюс), композитор, дирижер и педагог. К. Галкаускас имел белорусские корни: отец его был родом с Могилевщины, а мать происходила из известного дворянского рода Наркевичей-Йодко с Минщины. Учился Константин Михайлович у Н. Римского-Корсакова, А. Глазунова и А. Лядова в Петербургской консерватории, которую окончил в 1908 г. с золотой медалью. С 1908 г. — на педагогической работе. В 1909 г. организовал в Вильне симфонический оркестр, в 1918 г. — музыкальную школу. В 1920—30 гг. К. Галкаускас преподавал в Виленских белорусской и литовской гимназиях, работал органистом в костеле реформаторов-евангелистов, в то же время активно участвовал в культурной жизни Западной Белоруссии, сделал музыкальные обработки многих белорусских народных песен; с 1945 г. — в Вильнюсской государственной консерватории. В 1945 г. композитору было присвоено звание заслуженного деятеля искусств, в 1947 г. — титул профессора. В 1955 г. К. Галкаускас удостоен звания народного артиста Литовской ССР. Автор двух опер, музыкальных комедий, балета, симфонической музыки. Им написаны вокальные и хоровые произведения на стихи Ф. Богушевича, Я. Коласа, Я. Купалы, М. Танка, З. Бядули, К. Буйло. Как отмечал Г. Ширма, с именем Константина Галкаускаса связано начало белорусского романса в Западной Белоруссии. Еще в 1930-е гг. композитор начал работу над оперой «Сымон-музыка» по одноименной поэме белорусского песняра, в те годы осуществить ее постановку в Вильне силами белорусов не удалось, работа над оперой продолжалась во время гитлеровской оккупации. Удивительно, но К. Галкаускаса не затронули репрессии, аресты, высылки, бедствия, которые уничтожили сотни тысяч людей и в том числе цвет виленской интеллигенции.

Константин Галкаускас умер на 88-м году жизни, похоронен на мемориальном кладбище на Антоколе в Вильнюсе, там же — его жена и дочь. Союзом композиторов Литвы на могиле установлен памятник.

Кстати, с 1920 до 1953 гг. композитор жил в доме № 22 по улице Пилимо (дореволюционное название — Завальная) в двух шагах от того дома на углу улиц Завальная/Траку, где в 1907 г. размещалась редакция белорусской газеты «Наша ніва», жил и работал в то время Якуб Колас; в 2017 г. к 135-летию поэта на этом доме установлена мемориальная доска.

Итак, вернемся к переписке.

Из текста одного из писем 1945 г. К. Галкаускаса следует, что он дважды приезжал в Минск, обсуждал с Я. Коласом свою пьесу и намерение написать либретто и музыку к опере на сюжет «Сымона-музыки». О том, что композитор написал пьесу, и о его дальнейших планах было сообщено в газете «Літаратура і мастацтва» в октябре 1945 г.

В переписке поэта и композитора раскрываются интересные детали. Якуб Колас сообщает своему адресату, что на вечере 8 ноября 1945 г. высшее должностное лицо республики П. К. Пономаренко высоко оценил творчество К. Галкаускаса. П. К. Пономаренко восхищался поэмой Якуба Коласа «Сымон-музыка» и способствовал ее продвижению на сцену. Как вспоминал старший сын поэта Д. К Мицкевич, «П. К. Пономаренко давал самую высшую оценку поэме, считал ее вершиной не только творчества Коласа, но и шедевром мировой литературы, в частности, ставил ее рядом с «Песней о Гайавате» Лонгфелло. Он упрекал, что мы, белорусы, не понимаем всего величия поэмы… говорил своему окружению, что тот, кто не будет знать и ценить “Сымона-музыку”, будет его личным врагом. Зная авторитарный характер своего шефа, его соратники, видно, учли это наполовину серьезное, наполовину шутливое выражение и внимательно читали поэму».

Или такая деталь в переписке, как просьба Я. Коласа по возможности оказать помощь в трудоустройстве в Вильнюсе учительнице Татьяне Замотиной. Якуб Колас проявлял искреннюю отеческую заботу о дочери репрессированного и умершего (еще не реабилитированного!) профессора Ивана Замотина. Т. И. Замотина переписывалась с народным поэтом на протяжении его последних лет жизни.

В одном из писем К. Галкаускаса содержится информация о том, что композитор написал вокальный квартет с фортепиано на слова Якуба Коласа и посвятил его поэту, а кантату «Победа» — П. К. Пономаренко.

Но самое главное, о чем идет речь в переписке, — это непростой путь поэмы «Сымон-музыка» на сценические подмостки. И народный поэт, и талантливый композитор были искренне в этом заинтересованы. То, что Якуб Колас в своей обширной переписке, в дневнике «На схiле дзён», который, к сожалению, вел урывками, с большими перерывами, ни разу не поделился, не упомянул о пьесе и опере, говорит о том, что это своего рода его тайная мечта. В каком-то смысле поэт побаивался «сглаза». В дневнике только один раз упоминается фамилия композитора, что позволило уточнить дату написания Коласом одного из писем — 10 ноября 1945 г.

Постоянно уделять внимание продвижению пьесы и оперы на сцену Якуб Колас не мог. Творческие планы, писательство, работы по восстановлению Академии наук, общественная работа, участие в избирательной кампании. К тому же душевные переживания этих лет — смерть лучшего друга жены Марии Дмитриевны, гибель сына Юрки на войне, неизвестность в отношении репрессированных близких родственников и друзей — отразились на здоровье поэта. Появились гипертония, изнурительная бессонница, частые воспаления легких. В мае 1946 г. поэт писал своему двоюродному дяде Игнату Юрьевичу Мицкевичу и его жене: «Адчуваю страшэннае адзiноцтва, а сiлы мае спусташаюцца. Вельмi цяжка ўсведамляць, што ты — пажоўклы лiст сярод зялёных лiсцяў» (Колас Я. Собр. соч.: в 20 т. — Минск, Белар. навука, 2007—2012.—2012.— Т. 19. — С. 205). И 70-летнего Константина Галкаускаса и его жену тоже не обходили стороной старческие болезни, что, например, помешало композитору приехать в Минск для подписания договоров.

Ни пьеса, ни опера по мотивам поэмы «Сымон-музыка» на музыку К. Галкаускаса в конце 1940-х гг. так и не увидели свет. В послевоенные годы в стране шли восстановительные работы в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. В области культуры требовались примеры другого идеологического характера. В одном из писем звучит фраза о том, что песняра попрекнули за положительную оценку либретто оперы. В марте 1947 г. пост первого секретаря ЦК КП(б)Б оставил П. К. Пономаренко, который покровительствовал театральному воплощению «Сымона-музыки».

Вспомним, что поэме «Сымон-музыка» при жизни ее автора не везло во многом.

В 1924 г. рукопись второй редакции «Сымона-музыки» у поэта украли в поезде при возвращении из Кисловодска с лечения. И это не «сочинение Якуба Коласа про кражу», не конфискация чекистов, о чем будто бы знал автор, как пишет в своих статьях и книгах кандидат филологических наук литературовед А. В. Трофимчик, это действительно была кража и большая утрата для автора. Позже он не раз с большим сожалением вспоминал об этом в письмах. Поэту в срочном порядке пришлось, по сути, заново писать третий вариант. Летом 1925 г. поэма вышла из печати в третьей, как принято говорить, канонической редакции.

Не везло и с переводами. Долгие десятилетия поэма была представлена в сокращенном переводе на русский язык. Только в 2017 г. благодаря группе петербургских поэтов был сделан полный перевод и вышла книга «Симон-музыкант» на русском языке. Поэма «Сымон-музыка» в переводе М. Литвинца на украинский язык уже несколько лет ждет своего издания в Украине.

Театральные драматические постановки по поэме были осуществлены ведущими республиканскими театрами в 1970—2000-х гг.

Опера «Сымон-музыка» не поставлена и по сей день, хотя лично мне, внучке песняра, видится это бессмертное произведение в балете.

Переписка Якуба Коласа и Константина Галкаускаса (Галковского) 1945 — 1946 гг.

Письмо К. Галкаускаса к Якубу Коласу

24.X.1945 г.

Глубокоуважаемый Константин Михайлович,
посылаю мои заметки к постановке «Сымона-Музыки», которые я отошлю также и в Витебск в театр[1] Вашего имени и некоторые добавления к тексту.

Я в каждом акте сделал вставки, выбрав их из разных мест поэмы.

Музыка наполовину уже готова. К половине ноября закончу ее.

20 №№ музыкальных иллюстраций должны еще больше усилить впечатление от пьесы.

Работаю с любовью, т. к. поэма близка мне по духу.

Начал переписывать начисто вновь проредактированный мною текст поэмы-пьесы.

Планирую либретто для оперы.

Уважающий К. Галковский

P. S. Управление по делам искусств, несмотря на обещания и уверения Вас.[илия] Фом.[ича] Михейчика[2], до сих пор не выслало мне причитающихся по заказам — ни авансов, ни гонорара авторского за музыкальный материал.

Вильнюс, ул. Пилимо (Завальная), д. 22, кв. 11.

(Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа, КП-11028 / Аа-1018.)

Письмо Якуба Коласа к К. Галкаускасу

[10.XI.1945 г.]

Дорогой Константин Михайлович!

С большим удовольствием читал Ваши заметки к постановке «Сымона-Музыки», а также и Ваши добавления и некоторые исправления. 8. XI был у т.[оварища] П.[ономаренко] на вечере, где были ближайшие сотрудники П.[ономаренко] и представители нашего правительства. П.[антелеймон] К.[ондратьевич]

очень тепло говорил о Вас и дал Вам весьма высокую оценку как высококвалифицированному композитору и интеллигентному человеку вообще. Либретто Ваше он также оценил высоко.

Между прочим, он спрашивал меня, в чем Вы наиболее нуждаетесь. Я, к сожалению, ничего не знал и сказал, что, пожалуй, Максим Танк в этом деле более осведомлен. Поскольку П.[антелеймон] К.[ондратьевич] очень заинтересован Вашей работой над поэмой и самой поэмой, я позволю себе передать ему для ознакомления Ваши заметки.

Желаю Вам успехов. Пишите. Надеюсь встретиться с Вами в Минске.

P. S. С Михейчиком говорил.

Я.[куб] К.[олас]

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1152, лл. 7, 7 об.)

Письмо К. Галкаускаса к Якубу Коласу

29.XI.1945 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Константин Михайлович!

Спасибо от души за такое доброе, милое, лестное для меня письмо.

Ваша оценка и П.[антелеймона] К.[ондратьевича] оценка мне доставили большую радость.

Спасибо на добром слове! Пьесу закончил совсем.

Музыкальное оформление (15 №№) оканчиваю.

Либретто оперы «Сымон-Музыка» близится к концу.

Оба раза в Минске грешил против предписанной мне врачами диеты и теперь расплачиваюсь временным нездоровьем. Оно мешает регулярно работать. Да и условия жизни не всегда и не во всем благоприятны.

Также очень ощутительна для меня пропажа во время войны моего прекрасного, дорогого, 7-лампового радиоаппарата. Оно меня вдохновляло, побуждало к творческой работе.

Теперь, к сожалению, я отрезан от музыкального мира.

Я написал струнный квартет, который теперь исполняли с большим успехом на Литовской муз.[ыкальной] декаде в Вильне. Возможно, покажут его и в Москве.

В Горкоме я читаю музыкальные лекции с иллюстрациями. Две уже успешно прошли: «П. И. Чайковский» и «Новая русская школа», или «Могучая кучка». Теперь готовлю лекцию о Чурлянисе[3].

Несмотря на то, что в этом году мне следует отпраздновать свое «семидесятилетие» — я полон творческой силы и неутомим в работе. Значит, не всегда «стары дурнее, як за семьдзесят залез»…

На этом юморе спешу закончить свое послание.

Еще раз спасибо за память и внимание. Крепко жму руку.

Не откажите при случае передать мой привет глубокоуважаемому П.[антелеймону] К.[ондратьевичу] П.[ономаренко].

Преданный К. Галковский

Вильнюс. Пилимо (Завальная ул.), д. 22, кв. 11.

(Семейный архив, личный архив Якуба Коласа, оп. 78, № 94.)

Письмо К. Галкаускаса к Якубу Коласу

7.I.1946 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Константин Михайлович,
так как П.[антелеймон] К.[ондратьевич] искренне заинтересовался и одобрил мою работу над «Сымоном-Музыкой», я послал два рукописных авторских

экземпляра пьесы: один — «на добрую память» П.[антелеймону] К.[ондратьевичу], а другой, законченный экземпляр пьесы — Вам, для Вашей окончательной редакции и обелорусения русских ремарок.

Красным карандашом мною указаны возможные сокращения в репликах пьесы, буде того пожелает режиссер. Хотелось бы их не делать. Но если условия сцены потребуют — право режиссера их сделать…

Горю желанием увидеть воочию и услышать воушию «гэты Ваш скарб пазычаны, адбіты, у сэрцы перажыты і росамі абмыты дзяньніц Вашых мінулых».

В опере я буду ревновать Ваш текст к музыке, которая захочет делить с текстом успех наравне. Сузит горизонты текста, пожелает больше чувственного, меньше мыслительного.

«Залатыя твае (аўтар!) слоўкі» приходится сокращать и обрезать для стихии оперы.

А в «пьесе» — эти «парогі — прэч з дарогі!» и эти «казкі вечароў», «песні дудароў», «шолахі начэй», «тысячы ніцей, з якіх аснована і выткана жыццё і злучана быццё і небыццё», якія для «душою чулых, як доўг, як дар, дае пясьняр» — остаются целы и невредимы.

Простите за длинное лирическое отступление.

Практически очень хочется, чтобы Минский или Витебский драматический театр реализовал Вашу поэму в моей посильной инсценизации.

Дальнейшая судьба рукописи (просмотр, одобрение, принятие на сцену, мой трудовой гонорар)… не откажите всем этим распорядиться по Вашему благоусмотрению и решению.

Музыкальное оформление (20 №№) готово. Переписывается.

Но я хочу его продемонстрировать лично в Минске вместе с читкой всей пьесы и с необходимыми пояснениями музыкального оформления.

Либретто оперы готово. Переписываю. И затем еще раз проредактирую.

Жду с нетерпением результата Вашего просмотра пьесы и вообще сообщения о дальнейшей судьбе ее.

Крепко жму Вашу руку.
Преданный К. Галкоўскі

Вильнюс, Завальная ул. (Пилимо), д. 22, кв. 11
(или лучше и вернее Консерватория).

(Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа, КП-11026 / Аа-1013.)

Письмо Якуба Коласа к К. Галкаускасу

16.I.1946 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Простите за мою неаккуратность и позвольте поблагодарить Вас за поздравление, за письмо и либретто. В настоящее время так много разных побочных дел, отвлекающих от непосредственного дела. Ваше либретто внимательно прочту и сделаю поправки — в том смысле, чтоб[ы] текст был вполне в белорусском выражении. Встречался с Михейчиком. Решили просить Вас пожаловать к нам в Минск после того, как у Вас все будет готово.

Сейчас спешу на дежурство в избирательную комиссию. Через несколько дней предстоит поездка к своим избирателям. После этой поездки вздохну свободнее. А когда окончатся выборы, думаю побывать несколько дней в Москве.

Желаю Вам здоровья, успехов. Крепко жму руку — Якуб Колас.

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1152, лл. 1, 1 об.)

Письмо К. Галкаускаса к Якубу Коласу

8.IV.1946 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Константин Михайлович,

как жаль, что мне не пришлось в Вильнюсе встретиться с Вас.[илием] Фом.[ичом] Михейчиком.

Когда я пришел, по его вызову, в гостиницу, увы! Его уже увезли больного с первым отходящим поездом.

Я был потрясен, узнав вскоре о его смерти.

Многое я хотел с ним выяснить, много о чем побеседовать в его бытность в Вильнюсе.

Ко мне Вас.[илий] Фом.[ич] был очень добр и внимателен. Не знаю, чем это я заслужил?

Я хотел ему вручить и готовое либретто оперы «Сымона».

Посылаю теперь его Вам для Вашего авторитетного исправления, пополнения, обелорусения окончательного.

Надеюсь, не откажете после просмотра, в случае Вашего благословения, передать куда следует для окончательной санкции и принятия, буде оно благополучно.

Понятно, либретто может быть сокращаемо по музыкально-творческой воле композитора.

Очень меня интересует судьба моей музыкальной пьесы: «Сымона», которую я очень люблю и над которой долго и с наслаждением трудился (особенно после Вашего и Пантелеймона Кондратьевича предварительного одобрения).

Каковы результаты Вашего творческого просмотра и какова дальнейшая судьба музыкальной пьесы?

Музыкальное оформление готово.

Занят я безмерно.

Московский квартет имени Бетховена хочет исполнить мой новый струнный квартет. Опять волынка!..

Читаю ряд музыкальных лекций.

На республиканском конкурсе литовской хоровой советской песни я получил 1-ю и 3-ю премии.

Литва поручила мне написать балет. Либретто по поэме-мистерии литовского народного поэта Гири[4] я уже изготовил. Надо начинать музыку.

Управление по делам искусств БССР никак не может, несмотря на мои неоднократные просьбы, урегулировать мои денежные счета и подробно выяснить мне письменно, сколько я получил сумм и сколько я могу сейчас еще получить?

Не зная, кто заступил покойного, всегда внимательного ко мне Вас.[илия] Фом.[ича], решаюсь просить Вас, добрейший Константин Михайлович, если возможно, помочь мне в этом.

Простите, что беспокою Вас своими нудными письмами.

Надеюсь, моя просьба дать дальнейшее движение и музыкальной пьесе и либретто оперы Вас не рассердит.

…Увы! Живя в отдалении, я лишен возможности сделать это сам.

Крепко жму руку.

Преданный К. Галкоўскі

P. S. Рукописный авторский экземпляр музыкальной пьесы «Сымона» я послал также и Пантелеймону Кондратьевичу в знак признательности за его благодушное внимание и одобрение.

Может быть, это было назойливо, опрометчиво с моей стороны?!

Каково Ваше мнение?

К. Г.

Вильнюс.

Госконсерватория.

(Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа, КП-11036 / Аа-1026.)

16 I 1946 г.

Дорогой
Константин Михайлович!

Простите за мою неаккуратность и позвольте поблагодарить Вас за поздравление, за письмо и либретто. В настоящее время так много разных побочных дел, отвлекающих от непосредственного дела. Ваше либретто внимательно прочитаю и сделаю поправки — в том смысле, чтоб текст был вполне в белорусском выражении. Встречался с Мирточиком. Решили просить Вас пожаловать к нам в Минск после того, как у Вас все будет готово. Сейчас спешу на дежурство в избирательную комиссию. Через несколько дней предстоит поездка к своим избирателям.

Открытка Д. Мицкевича к К. Галкаускасу

3.V.1946 г.

Многоуважаемый Константин Михайлович!

Пишу Вам по поручению Якуба Коласа. Ваше письмо он получил, однако не успел ответить, так как вскоре после приезда из Москвы в Минск он заболел гриппом, который дал осложнение на легкие. В настоящее время Я.[куб] К.[олас] находится в больнице и уже поправляется. На днях он Вам ответит лично, а после выхода из больницы обещал сделать то, что Вы просили.

С уважением[подпись Д. Мицкевича]

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1156, л. 1.)

Письмо Якуба Коласа к К. Галкаускасу

Минск, 7 мая 1946 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Завтра ровно месяц, как Вы послали мне письмо и либретто «Сымона». 23 апреля я очень серьезно заболел. Два дня или даже меньше до этого я получил Ваше письмо, едва успев бегло просмотреть текст либретто, но ответить Вам уже был не в силах. Меня свалил свирепый грипп, осложнившийся гриппозным воспалением легких. 30 апреля меня отвезли в больницу, откуда и пишу Вам. Четвертый день температура нормальна[я], но я еще слаб, и врачи не отпускают домой. Я просил сына известить Вас о моей болезни.

Либретто написано очень талантливо. Если в нем будут кое-какие исправления, то эти исправления будут касаться некоторых языковых поправок. Как только выпишусь из больницы, первым делом примусь за оформление либретто. За его продвижение по линии претворения оперы в жизнь.

Быть может, Вы сами подъехали б к нам? Ваши советы и указания будут для нас весьма ценны.

Все денежные вопросы я выясню и тотчас же извещу Вас о них.

Прошу, если не сумеете приехать сами, переслать музыкальное оформление. Тов.[арищ] Пантелеймон Кондратьевич очень заинтересован оперой и окажет самое благоприятное содействие.

Желаю здоровья, успехов.

Крепко жму руку.
Якуб Колас

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1152, лл. 2, 2 об.)

Письмо К. Галкаускаса к Якубу Коласу

15.V.1946 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Константин Михайлович,
Ваше и сына письма я получил. Спасибо. Радуюсь Вашему выздоровлению.

Сердечная просьба, добрейший Константин Михайлович, если возможно, взять полученное Вами оперное либретто под свое отеческое попечение, чтобы оно дошло (как либретто) до окончательного к.[акого]-н.[ибудь] результата.

Живя в Вильнюсе ЛССР, я нахожусь в чрезвычайно неблагоприятных для этого дела условиях.

Меня очень волнует судьба пьесы «Сымон-Музыка». Если она Вами одобрена и тогда, значит, уже закончена совершенно, то в этом виде где она находится, в какой следующей инстанции по ее назначению? И какой ее финал?

После того, как мы условились с покойным Василием Фомичом[5], получив полный денежный расчет за пьесу, я представлю музыку к пьесе «Сымона», и если музыка будет одобрена, то получу по специальному договору за музыкальное оформление авторский гонорар, размер которого мы не успели установить.

Витебский Вашего имени драматический театр получил от Вас первоначальное либретто пьесы (реж.[иссер] Дорский[6]) и до сих пор «ни привета ни ответа». Краешком уха я слыхал, будто бы кое-кому (?) она не по вкусу и потому лежит под сукном.

Есть ли к.[акое]-н.[ибудь] движение воды по этому поводу?

Моя работа над пьесой была начата в то время, когда все у нас было опутано темным мраком.

Хорошо было бы, если бы мое горение, эти глубокие переживания были перенесены на сцену и стали достоянием советской общественности.

Пьеса построена, быть может, своеобразно. Каждое новшество имеет своих сторонников и противников.

И «На дне», и «Чайка» в свое время, не встретив понимания, провалились. К таким пьесам нужен особый подход, ибо это пьесы особого настроения.

Мне бы хотелось, чтобы Витебский театр внимательно отнесся к «Сымону» и использовал для своего юбилея.

Дело это на мертвой точке, а время бежит…

Наступила экзаменная страда (май — июнь). Мало времени для творчества.

Посылаю вырезку [из] Вильнюсской «Советской Литвы» со статьей «Песни сердца» в связи с моим 70, 50 и 35-летием.

Много прожито, но и немало пережито. Если удосужитесь ответить на это письмо, буду оч.[ень] польщен и признателен.

Крепко жму руку. Сыну привет.

Преданный К. Галкоўскі

Вильнюс ЛССР.

Скапу ул., д. 11., Гос.[ударственная] Консерватория.

P. S. Я представил законченный творческий материал по двум договорам: 1) пьесу «Сымона», 2) оперное либретто «Сымона» и Управлению по делам искусств, 3) 9 народных песен, два романса и женский хор (по договору 8½ тысяч руб.). Жду полного расчета по этим трем договорам. Оч.[ень] нужны деньги. Жене предстоит операция. Я не представил пока по 4-му договору кантату «Победа». Окончив, пришлю.

(Семейный архив, личный архив Якуба Коласа, оп. 78, № 95.)

Письмо Якуба Коласа к К. Галкаускасу

2.VII.1946 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Простите мое такое долгое молчание. Во-первых, я не совсем еще оправился от болезни, во-вторых, надо было побывать в К[омите]те по делам искусства. Задержка в высылке Вам денег мне была объяснена тем, что Вы не представили текст либретто. Я переслал свой экземпляр, сопроводив его своим положительным заключением о либретто. 28 июня со мной говорил кто-то из комитета по поводу либретто и упрекнул меня за то, что я дал положительную оценку. Словом, начинается какая-то канитель. Вам надо непосредственно написать в комитет. Сейчас его возглавляет Люторович Павел Викентьевич[7]. По-моему, человек он дельный. Я говорил по поводу Вас с тов.[арищем] П.[ономаренко]. Он держится иного мнения о Вашей работе — либретто и позвонил (он был болен) своим помощникам, чтобы те сообщили К[омите]ту о высылке Вам гонорара. Мне кажется, что деньги Вам посланы.

Как Ваше здоровье и как здоровье Вашей супруги?

Б.[ыть] м.[ожет], Вам следовало бы приехать к нам, захватив музыку.

Желаю удачи, здоровья, благополучия.

Якуб Колас

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1152, лл. 3,3 об.)

Письмо Якуба Коласа к К. Галкаускасу

14.VII.1946 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Я писал Вам не очень давно. Ответа от Вас еще не было. В каком положении либретто «С.[ымона] М.[узыки]», не знаю. Справлюсь.

Вильнюс 13.

Тилимо (Завальная) ул.

д. № 22, кв. 11.

Константину Михайловичу

Галковскому

Минск, Пушкинская, 56

Якубу Коласу

Теперь к Вам вот какая моя просьба. С этим письмом к Вам обратится дочь академика И. И. Замотина[8]. Он умер в ссылке. Его дочь, Татьяна Ивановна[9] имеет высшее педагогическое образование. Работает не по специальности. Она хочет устроиться на работу по своей специальности в Вильнюсе — в педагогическом техникуме, в полной средней школе или в каком-либо другом соответствующем учебном заведении в качестве преподавательницы русской литературы.

Если у Вас есть возможность помочь Замотиной, то я Вас очень прошу сделать это.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Константин Михайлович.

Всего лучшего

Якуб Колас

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1152, лл. 4; 5.)

Письмо К. Галкаускаса к Якубу Коласу

31.X.1946 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Константин Михайлович,

Григ.[орий] Роман.[ович] Ширма[10] приезжал в Вильнюс и передал мне Ваше желание, чтобы я прибыл в Минск для подписи договора на оперу «Сымон-Музыка».

Уже собирался было я, да, к несчастью, заболел. Носил воду и дрова на 3-й этаж, и образовалась грыжа. Вероятно, придется подвергнуться операции.

Да и старая желудочная болезнь серьезно отозвалась.

Так что, если желательно, чтобы я писал оперу, может быть, можно договор мне подписать в Вильнюсе, как предлагал было мне покойный Вас.[илий] Фом.[ич] Михейчик, побывав у меня в Вильнюсе за неделю перед смертью, но предварительно я хочу узнать все условия.

Спасибо за лестное для меня предложение и Ваше внимание и память.

В августе я просил нар.[одную] артистку Обухович[11] (Гродненского, гастролировавшего у нас драмтеатра): 1) передать Вам письмо и посвященный Вам на Ваши слова вокальный квартет с ф.[орте]-п.[иано]. А также 2) передать П.[антелеймону] К.[ондратьевичу] П.[ономаренко] экземпляр кантаты «Победа», посвященной ему. Получил ли П.[антелеймон] К.[ондратьевич]?

И третье: в Комитете по д.[елам]/и.[скусств] попросить прислать мне из бухгалтерии точную справку: 1) сколько, 2) в какие сроки и 3) за что именно я получил денежные суммы?

Тов.[арищ] Обухович обещала тотчас же в Минске все исполнить. И до сего дня «ни слуху ни духу». Получили ли Вы, Константин Михайлович, письмо и ноты?

Я до сих пор не знаю, какова окончательная судьба моего любимого детища — 1) либретто пьесы «Сымон-Музыка» и 2) либретто оперы «Сымон-Музыка»?

На музыкальное оформление пьесы «Сымон-Музыка» я не получал заказа и не подписывал договора, т. к. количество музык.[альных] №№ было не выяснено. Я написал музыку, но представить ее имеет смысл только после принятия текста пьесы, о чем я ничего не знаю.

Вот в каком я нахожусь неопределенном положении и жажду точных сведений.

Если удосужитесь, дорогой Константин Михайлович, и черкнете хоть несколько слов, буду глубоко признателен.

Я очень волнуюсь и крайне озабочен, ведь сроки договоров с Управлением по д.[елам]/и.[скусств] БССР давно уже истекли, и я не знаю, как быть.

Крепко жму руку.

Простите за длинное письмо.

Преданный К. Галковский

Вильнюс ЛССР. Скапу ул., Госконсерватория.

P. S. Если возможно и Вас не затруднит позвонить в Упр.[авление] по д.[елам]/и.[скусств] и передать Пав.[лу] Вик.[ентьевичу] Люторовичу мою вышеизложенную просьбу — премного обяжете. Финансовая сторона при моих болезнях — животрепещуща. Очень сожалею, что болезни не позволяют приехать в Минск, чтобы лично приветствовать дорогого юбиляра[12].

(Семейный архив, личный архив Якуба Коласа, оп. 78, № 87.)

Письмо Якуба Коласа к К. Галкаускасу

13.XI.1946 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Получил Ваше письмо. Назавтра же зашел в Комитет по делам искусства. Видел Люторовича. Я просил его прислать Вам полный и подробный отчет о всех денежных расчетах. Он вызвал своего бухгалтера и сделал распоряжение о высылке Вам такого отчета. Кроме того, просил написать Вам начистоту, что они считают помехой для постановки оперы. Все, что касается Комитета, Вы непосредственно адресуйтесь к нему. А то выходит так, что К[омите]т многого не получает от Вас, тогда как он есть заказчик и производит денежные расчеты.

Артистка Обухович ни мне, ни т.[оварищу] П. К. П[ономарен]ко ничего не переслала.

Надо все же как-то сдвинуть с мертвой точки «Сымона-Музыку».

Спасибо за все.

Желаю здоровья, успехов.

Якуб Колас

(Библиотека им. Врублевских Литовской Академии Наук, фонд 236, един. хран. 1152, л. 6.)

Комментарии

[1] Белорусский государственный академический театр им. Якуба Коласа в Витебске. Имя Якуба Коласа театру было присвоено в декабре 1944 г.

[2] Михейчик В. Ф. — Михейчик Василий Фомич (?—1946), в то время заведующий Управлением по делам искусств БССР.

[3] Чурлянис — Чюрленис Микалоюс Константинас (1875—1911), литовский художник и композитор; до 1955 г. использовалась русская форма имени — Николай Константинович Чурлянис.

[4] Гира — Гира Людас (Гира Людас Константинас; 1884—1946), литовский поэт, переводчик, драматург, общественный деятель. Народный поэт Литовской ССР (1945).

[5] Михейчик В. Ф.

[6] Дорский — Дорский Иосиф Львович (1911—1964), белорусский театральный деятель и драматург. В 1935 — 1948 гг. зав. литературной частью Витебского театра. Заслуженный деятель искусств БССР (1961).

[7] Люторович Павел Викентьевич (1907—1973), руководитель Управления (позже — Комитета) по делам искусств БССР в 1946—1956 гг.

[8] Замотин Иван Иванович (1873—1942), литературовед, директор Института литературы Белорусской АН (1931—1933). Профессор. Академик Белорусской АН (1928). В 1938 г. репрессирован; умер в тюремной больнице в Нижнем Новгороде. Реабилитирован в 1956 г.

[9] Замотина Татьяна Ивановна, дочь профессора Замотина И. И., учительница.

[10] Ширма Григорий Романович (1892—1978), белорусский хоровой дирижер, фольклорист, музыкальный и общественный деятель, публицист. Народный артист БССР (1949).

[11] Обухович Анна Брониславовна (1908—1986), актриса Государственного русского драматического театра БССР. Народная артистка БССР (1944). В 1945—1947 гг. театр работал в г. Гродно.

[12] 2 ноября 1946 г. в Минске состоялся праздничный вечер, посвященный 40-летию творческой деятельности Якуба Коласа.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Веры МИЦКЕВИЧ.

ОЛЕГ СУДЛЕНКОВ

Память из глубины веков[*]

Книжные знаки белорусской знати и шляхты

Князь Михаил Казимир Огинский (1738—1800), композитор, великий гетман литовский, строитель канала, Пинско-Волынского тракта, владелец двух театров и оркестра, использовал в качестве экслибриса для своей библиотеки, в которой в 1796 году было 1780 томов, книжный знак, исполненный для князя Тадеуша Франциска Огинского (1711—1783) — каштеляна Трокского, но с отрезанной надписью о прежнем владельце. Экслибрис был исполнен традиционно: на мантии с княжеской короной картуш с гербами и двумя щитодержателями — орлами. Под рамкой, ограничивающей композицию, идет надпись: «Ex Bibliotheca Illustrissimi Ducis in Kozielsk Oginski. Castellani Trocensis» (Из библиотеки сиятельнейшего князя в Козельске Огинского, каштеляна Трокского). Под надписью пометка художника: «Jedrzejowski fec. Varsavia 1747 A(nn)o» — «Енджеевский рисовал в Варшаве в 1747 году». Кстати, жена князя Александра после его смерти ставила на книги штемпеля в нескольких вариантах, например: «Alex. Oginska H. W. WXL» (Александра Огинская, (супруга) великого гетмана Великого Княжества Литовского).

Князь Ириней Клеофас Огинский (1808—1863), сын известного композитора — автора полонеза «Прощание с Родиной», с 1845 года был женат вторым браком на княгине Ольге Иосифовне Огинской (?—1899), урожденной графине Калиновской. У нее был экслибрис, исполненный в классической манере: в двойной рамке на мантии с княжеской короной совмещены два семейных герба — Огинских и Калиновских. По кругу идет надпись: «Olga Oginska».

Граф Эмерик-Захарий-Николай-Северин Гуттен-Чапский (1828—1896), камергер двора, действительный статский советник, библиофил и нумизмат, владелец имения Станьково в Минской губернии, был необыкновенным коллекционером. Он собрал уникальное собрание монет Польши, общим числом свыше 10 000 экземпляров, и памятных медалей, напечатал каталог собрания в 5 томах, издал книгу о денежной системе Древней Руси, обладал хорошей коллекцией гравюр, в том числе гравированных портретов. Одним из главных его увлечений были книги. В своем имении Станьково Минской губернии он сумел подобрать уникальную библиотеку, состоявшую из старопечатных польских изданий, посвященных истории Польши, в том числе раритетных. Имелась хорошо подобранная коллекция автографов, около 300 книг, собрание рукописей, в том числе А. Мицкевича, С. Монюшко и других.

Граф имел для книг своей библиотеки два экслибриса, исполненных в различных техниках. Гравированный знак представлял собой круговую двойную рамку, в которую вписаны три сходящихся кольца, перевитые лентой с надписью:

[*] Окончание. Начало в № 3 за 2018 г.

«Comitis Emerici Hutteni Czapski» — «Графа Эмерика Гуттен-Чапского», а в центре сходящихся колец щит с гербом владельца.

Второй экслибрис был выполнен в технике конгрева, т. е. оттискивался, как правило, на титульном листе. Небольшой по размерам, 16x15 мм, он представлял собой графскую корону, внутри которой вписана буква G, обвитая лентой с родовым девизом Гуттен-Чапских: «Vitam patriae honorem nemini» — «Жизнь Отечеству — честь никому».

Кн. знак графа И. Ф. Паскевича (1782—1856), генерал-фельдмаршала. Литография Herkner, 1830 г.

Библиотека сохранилась в полном объеме, так как была перевезена в Краков, где находится до сих пор в специально построенном здании. Там же в соответствии с завещанием графа хранятся и остальные его коллекции.

Его сын, граф Карл Эмерикович Гуттен-Чапский (1860—1904), в течение 11 лет (1890—1901) занимал пост минского городского головы, жил в отцовском имении Станьково, занимался хозяйственными и административными делами отца, в том числе пополнял семейную библиотеку, которая в то время уже содержала свыше 20 000 томов. В ней имелось немало редких и ценных изданий.

Экслибрис для его книг был исполнен в технике литографии в мастерской Петерсена в Санкт-Петербурге. В четырехугольной рамке в центральном поле щит с гербом, увенчанный графской короной, окруженный вензелем «СЭ», выше вьющаяся лента с надписью: «Carolus Comes Hutten Czapski» (Карл граф Гуттен-Чапский).

Библиотека, собиравшаяся в Станьково, не сохранилась до наших дней. В годы Первой мировой войны, а затем в Гражданскую войну, она практически исчезла. Исключение составляют книги, вывезенные в начале Первой мировой в Москву и осевшие в библиотеке Исторического музея и Государственной Публичной Исторической библиотеке.

Интересные экслибрисы имели библиотеки князей Чарторыйских, владевших имениями во многих областях Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского. Князь Адам Казимир Чарторыйский (1734—1823) возглавлял, среди прочего, в 1781—1783 гг. Гродненский и Вильнюсский трибуналы. Он собрал отличную библиотеку, которая после поражения восстания Костюшко была вывезена в Санкт-Петербург. На всех экслибрисах изображался герб князей Чарторыйских — литовская Погоня на фоне средневекового замка.

Замечательное собрание было у графа Евстафия Пиевича Тышкевича (1814—1874) известного нумизмата, археолога и библиофила. В своем имении в Логойске Борисовского уезда Минской губернии он сумел собрать ценную коллекцию книг, рукописей и различных документов, касающихся истории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Впоследствии около 3000 книг, посвященных древностям, истории и библиографии, граф Е. П. Тышкевич пожертвовал Виленской археологической комиссии.

На книги наклеивались два экслибриса-ярлыка. Один экслибрис был исполнен в технике литографии и представлял собой четырехугольную рамку размером 36х42 мм и декорированную рамку внутри с текстом: «Z Biblioteki Eustachego Hr. Tyszkiewicza» — «Из библиотеки Евстахия графа Тышкевича». Второй представлял четырехугольную рамку с жемчужинами и закругленными углами. Текст был на польском языке «Własność Eustachego Tyszkiewicza» — «Собственность Евстахия Тышкевича».

В Логойске в это же время была еще одна библиотека. Принадлежала она графу Константину Пиевичу Тышкевичу (1806—1868) — писателю, географу, археологу, который собрал весьма интересную подборку книг. На книги наклеивался экслибрис, выполненный в геральдической манере: в двойной линейной рамке на мантии, увенчанной графской короной, герб владельца, мантию с боков опоясывает лента с надписью: «Z biblioteki Lohoyskey» — «Из Логойской библиотеки», а герб означал принадлежность к роду Тышкевичей. Судя по различиям в гравировке отдельных оттисков экслибрисов, для печати использовались по меньшей мере две доски. Кстати, на книги этой библиотеки наклеивался и экслибрис его брата — Евстафия, описанный выше.

Примечательный экслибрис наклеивал на свои книги последний минский воевода Адам Хмара (1720—1805), который к тому же с 1766 года был минским каштеляном. Библиотека находилась в его имении в Семковом Городке Минской губернии. В листок размером 48х83 мм вписывался рукописный текст: «Z Biblioteki J W Pna Adama Chmary Wojewody Minskiego Rotmistrza Kawaleryi Narodow[e]y Brygady 2giey WWXL: Starosty — Gizowskiego Orderow Orla Bialego I Stto Stanislawa Kawalera» (Из библиотеки ясновельможного пана Адама Хмары, воеводы Минского, ротмистра 2-й бригады Национальной кавалерии в Великом Княжестве Литовском, старосты Гижевского, кавалера орденов Белого Орла и Святого Станислава), затем этот ярлык наклеивался на книгу. К сожалению, после смерти владельца библиотека исчезла, и книги больше не встречались.

Владение имением под названием Выдранка в Могилевской губернии Беларуси оставило в истории нашей страны память об оренбургском губернаторе. Егор Иванович Барановский (1821—1914), юрист, государственный деятель, губернатор Оренбургского края в 1858—1861 годах, владел библиотекой, в которой было собрано свыше 20 000 книг. Для своего книжного собрания, которое находилось в имении Выдранка,е. И. Барановский заказал немецкому художнику Т. Ботто Шмидту (Th. Botho Shmidt) из Мюнхена сюиту экслибрисов.

В основе центрального экслибриса речной пейзаж с двумя бобрами на переднем плане (видимо, художник должен был изобразить выдр, напоминающих о названии имения — Выдранка), в правом верхнем углу герб владельца под шлемом, увенчанный дворянской короной. Знак нам известен в нескольких вариантах, на разной бумаге и цветах печати.

Был исполнен и геральдический экслибрис: под декоративной аркой герб владельца под шлемом, увенчанным дворянской короной с наметом. Этот знак был исполнен в разных размерах и вариантах печати.

Известно, что на книгах библиотеки ставился и штемпель, оттискивались инициалы фамилии и имени на корешках. Все перечисленные книжные знаки были исполнены в технике цинкографии.

Печальна судьба библиотеки, которая погибла в пожарах Гражданской войны. Впрочем, однажды я увидел у минских букинистов старую книгу, на внутренней стороне обложки которой был наклеен экслибрис Барановского с бобрами.

В XVIII веке, в связи с распространением относительно дешевых книг, возросшим образовательным уровнем, резко усилился интерес к собиранию книг и библиотек. Для указания владельцев в оборот широко вошли дешевые ярлыки и штемпеля, причем иметь их не чурались порой и состоятельные владельцы. Классический образец — ярлык Юзефа Сципиона (? — 1743), который был ста-

ростой Лидским (1720—1743), с 1739 года — маршалком надворным литовским. В 1742 году польский король Август II Сильный наградил его орденом Белого Орла — высшей наградой Речи Посполитой. После смерти первой жены Юзеф Сципион женился на Барбаре Радзивилл, дочери новогрудского воеводы Николая Фаустина Радзивилла.

На книги библиотеки Юзефа Сципиона наклеивался ярлык, небольшой по своим размерам — 22х45мм, с наборным текстом: «Jozef Scypion Starosta Lidzki» (Йозеф Сципион, староста Лидский). Библиотека вначале находилась в Воронове на Лидчине, затем ее перевезли в фольварок Сырокомля на реке Орессе в Бобруйском повете. В 1831 году во время польского восстания библиотека погибла, частично была растащена или сожжена. Кстати, в библиотеке имелся и другой ярлычок, размером 3,5х40 мм, с тем же текстом.

Примечательные экслибрисы были у графа Михаила Ивановича Борха (1751—1810), получившего 28 марта 1783 года титул графа Римской империи. В Великом Княжестве Литовском он занимал должности великого обозного литовского, позднее получил звание генерал-лейтенанта. Борх был владельцем имения Варкляны в Витебской губернии. У библиотеки имелось два экслибриса, из которых один чисто геральдический, а другой — сюжетный, с гербом владельца на фоне скалы. Автором рисунков был художник С. Галле (S. Halle).

Геральдический экслибрис был решен традиционно: на постаменте установлен герб владельца — на золотом поле три ворона (галки), обращенные вправо, герб увенчан золотой городской короной, из которой вырастают два орлиных крыла, и между ними сидит на короне черная галка, обращенная вправо. По постаменту идет надпись: «Ex biblioteca Warclanensi comit: de Borch» — «Из варклянской библиотеки графа Борха».

Второй роскошный экслибрис был, видимо, предназначен для книг большого формата, так называемых увражей. На экслибрисе была изображена скала на фоне пейзажа, на скале мантия с четырехчастным гербом графов Борхов, установленная на пьедестал, на котором начертан девиз на латыни «Omne trinum perfectum» — «Всякая троица совершенна». Присутствует владельческая надпись: «Ex bibliotheca warclanensi ex: comit: de Borch lubeschitz. Palat: belc: loc: tent: copi: polon eqit: aqui: alb: sti: stan: leon: aur: et johan melit» (Из варклянской библиотеки сиятельного графа Борха-Любешиц, воеводы Белзского, генерал-лейтенанта польской кавалерии, (кавалера орденов) Белого Орла, Святого Станислава, Золотого Льва и Иоанна Мальтийского). Под рамкой подпись художника: «Halle fc. Berd: 1790».

Увлекательна история экслибриса графа Захара Григорьевича Чернышева (1722—1784) для книг библиотеки в городе Чечерске. Отец графа, Григорий Чернышев, был генерал-аншеф и сенатор, мать, Авдотья Чернышева, была приближена к Петру I и заслужила от него прозвище «Авдотья — бой-баба». Графское достоинство они получили в 1742 году. Поскольку еще в 1714 году был подписан указ Петра I «О непроизводстве в офицеры дворян, не служивших в гвардии солдатами», с пеленок Захар был записан в гвардию рядовым, всю жизнь служил, закончил воинскую службу в звании генерал-фельдмаршала. Занимал высшие военные посты — в том числе, создав Генеральный штаб российской армии, стал его первым руководителем. В 1772 году был назначен белорусским генерал-губернатором. В 1774 году Екатерина II пожаловала ему город Чечерск, бывшее имение Сапег в Рогачевской провинции.

В имении находилась библиотека, для которой был заказан геральдический экслибрис. В двойной линейной рамке на двух перекрещенных маршальских жезлах герб владельца под шлемом, увенчанный баронской короной, с двумя щитодержателями — орлами, держащими в клювах пики с флажками. С герба свисают орденские ленты орденов Александра Невского и Белого Орла, вокруг герба цепь с орденом Андрея Первозванного — высшего ордена Российской империи, ниже надпись «Чичерск».

Кн. знак «Библиотека Несвижского замка». Худ. Agry, конец XIX века.

Знак крайне редок, коллекционеры его знали только по описаниям. В 1960-х годах один известный ленинградский коллекционер специально приехал в Чечерск, в поисках экслибриса буквально перерыл весь город, но так и не нашел его. В настоящее время этот экслибрис известен только в трех коллекциях.

Замечательный экслибрис имел князь Константин Ксаверьевич Любомирский (1786—1870), генерал-майор, принимавший участие в войнах с Францией в 1805—1807 гг., русско-турецкой войне (1806—1812) и Отечественной войне 1812 года. Он имел имения в Могилевской и Киевской губерниях, а на книги его библиотеки наклеивался экслибрис, исполненный знаменитым русским гравером Н. И. Уткиным в первой половине XIX века — на горностаевой мантии с княжеской короной в центре герб Любомирских, по краю мантии текст: «Constantinus Lubomirski». Экслибрис был и у его супруги Екатерины Николаевны, урожденной Толстой. Он представлял собой листок с гравированным текстом: «La Princesse Constantin Lubomirska» — «Княгиня, (супруга) Константина Любомирского».

Гербовый экслибрис имел Иоахим Булгарин, у которого было родовое прозвище Скандербек (17?? — после 1831 г.). Он избирался предводителем дворянства Пружанского уезда Гродненской губернии. Иоахим Булгарин был известным нумизматом и библиофилом, собирал книги в родовом имении Чадце Пружанского уезда, отдавая предпочтение книгам исторического содержания. Экслибрис, исполненный в технике литографии, представлял собой линейную рамку, в середине которой был помещен родовой герб на мантии с княжеской короной. Над короной — надпись «Bibliotheque», ниже герба — «de M. Scanderbeck Bulharin», т. е. «Библиотека М. Скандербека Булгарина». К сожалению, после смерти отца его сын распродал библиотеку, и памятью о ней остался лишь экслибрис.

Среди коллекционеров широко известен экслибрис графа Генриха Броель-Платтера, одного из немногих в те времена собирателя книжных знаков. Он владел имением Краслава в Двинском уезде Витебской губернии. Там хранилась библиотека, которая собиралась свыше 200 лет, книги в ней были на многих языках. Среди тех, кто собирал эту библиотеку, были каштелян Троцкий (Тракайский) Константин Людвик Платер (который и купил это имение) и последний вице-канцлер Великого Княжества Литовского Казимир Константин Платер (1748—1807).

Художник Б. Томашевич за основу взял герб владельца под шлемом, увенчанным графской короной с наметом, перевитым лентой с девизом. Этот герб был размещен в центре рамки, а вверху и внизу — два ряда по 8 гербов родственников, всего 16.

Кроме этого экслибриса встречается очень редкий знак, судя по всему, супружеский: два герба, увенчанных дворянскими коронами в рамке. Внизу надпись: «Ex libr. Bibliot. Kraslav A.L.Pl.».

Встречается интересный овальный штемпель, внутри которого шел текст: «Aleksandra z Hr. Kossakowskich Hr.Broel-Platerowa» — «Александра из графов Коссаковских, графиня Броель-Платер». Александра была дочерью известного литератора и коллекционера Станислава Коссаковского (1795—1872), отсюда, видимо, и любовь к книге.

Одним из интереснейших книжных собраний Северо-Западного края была библиотека, хранившаяся в гомельском дворце князя Ивана Федоровича Паскевича (1782—1856), с 1828 года графа Эриванского, с 1831 года светлейшего князя Варшавского. Генерал-фельдмаршал командовал Отдельным Кавказским корпусом, был наместником в Царстве Польском, членом Государственного Совета.

Известен его парадный экслибрис, созданный в литографии Херкнера: в 8-угольной рамке на заштрихованном фоне мантия под княжеской короной, на мантии герб владельца под графской короной, под тремя коронованными шлемами, с наметом, с двумя щитодержателями — солдатом и казаком, стоящими на постаменте, с которого свисает лента с девизом: «Честь и Верность», и на орденских лентах 9 орденов. Герб окружен цепью с орденом Андрея Первозванного, высшей награды Российской империи. Под мантией инициалы владельца — «К. И. В.» (князь Иван Варшавский). Под рамкой подпись литографа.

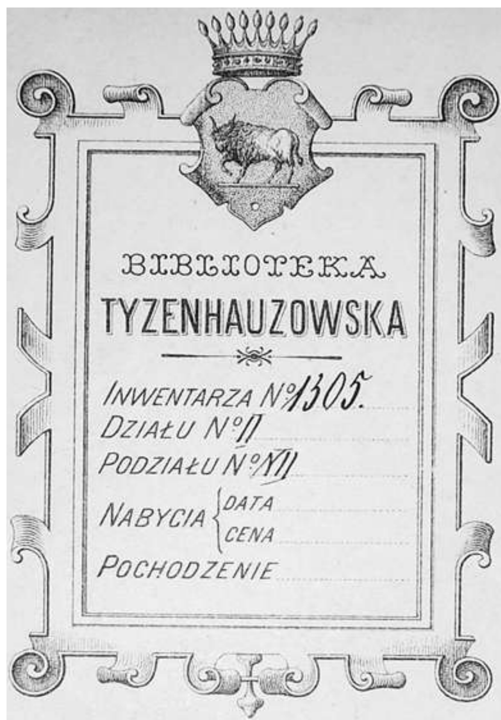
Библиотека содержала беллетристику, подборку книг по истории и геральдике, в том числе материалы по истории Польши, русская классика была представлена в основном изданиями, вышедшими при жизни авторов. Большинство книг было в переплетах одного и того же типа, как правило, зеленых.

Встречается экслибрис, исполненный в технике конгрева, т.е. тиснения, — герб Паскевичей без персонификации владельца книжного знака. У князя Ивана Федоровича был сын Федор Иванович Паскевич (1823—1903) — светлейший князь, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, помощник инспектора стрелковых батальонов. Он продолжил пополнять библиотеку, оставшуюся после смерти отца, и заказал для книг скромный по тем временам экслибрис — букву «П» под княжеской короной с жемчужинами в двойной линейной рамке с виньетками внутри по углам. Знак печатался литографским способом по 60 штук в листе. Имеется много разновидностей: по числу жемчужин в короне, по начертанию буквы, по размеру буквы «П», по размеру листка.

Экслибрисы отца и сына наклеивались на все книги библиотеки гомельского дворца Паскевичей. В настоящее время большая часть книжного собрания сохранилась и требует тщательного изучения, а зачастую и реставрации, т. к. в результате аварии отопления книги залило горячей водой, которая серьезно повредила и переплеты, и сами книги. Именно после аварии часть книг была расхищена.

Безусловно, интерес у исследователей истории белорусских библиотек вызывают книги библиотеки графов Тизенгаузенов. Знак исполнен в технике литографии: на декорированной рамке герб, увенчанный графской короной, при этом в центре герба зубр, символ Беловежской пущи, в рамке текст: «Biblioteka Tyzenhauzowska. Inwentarza №... Dzialu №… Podzialu №... Nabycia: data… cena… Pochodzenie...» (Библиотека Тизенгаузов. № инвентаря… № отдела… № раздела… Приобретения: дата… цена… Происхождение...).

Графский род Тизенгаузенов был известен своим богатством, у них было в Гродненской губернии несколько имений с библиотеками. На книгах из этих библиотек встречаются экслибрисы с отметкой «Тизенгаузен», но без точной персонификации. Известны также несколько штемпелей и ярлыков с фамилией Тизенгаузен и гербом с зубром, однако персонифицировать и точно атрибутировать их не представляется возможным из-за отсутствия указаний на конкретного владельца герба. Геральдический экслибрис или ярлык остаются памятником людям, сделавшим немало хорошего для гродненской земли.



Кн. знак Тизенгаузена (Гродненская губ.), середина XIX века.

Бронислав Игнатьевич Эпимах-Шипилло (1859—1934), известный деятель белорусского возрождения, инициатор основания издательского товарищества «Загляне сонца і ў наша ваконца», друг Янки Купалы, до революции 1917 года проживал в Санкт-Петербурге. Он преподавал в гимназиях древние языки (латынь и греческий), работал помощником библиотекаря в университете. На книгах своей библиотеки Бронислав Игнатьевич ставил штемпель: овал в двойной линейной рамке, в центре герб владельца, увенчанный короной, герб окружен воинскими атрибутами. Вокруг герба идет надпись: «Ex libris Bronislai Epimachi-Schipillo». Книги из библиотеки Эпимаха-Шипилло легко узнать, т. к. на форзацах или титульных листах кроме штемпеля владелец делал надпись «Бр. Эпимах-Шипилло» и ставил номер по каталогу домашней библиотеки. После смерти владельца книги были рассеяны и частично, скорее всего, погибли.

Ярлыки и штемпеля библиотек монастырей

Ранее уже говорилось о том широком применении, которое получили в XVII—XX веках книжные знаки в виде штемпелей, трафаретов и ярлыков. В первую очередь они использовались там, где книга носила служебный характер. Это были общественные, гимназические, монастырские и церковные, воинские и т. п. библиотеки.

Монастырские библиотеки были одними из наиболее посещаемых в средние века, да и позднее. Согласно данным, приведенным Н. Николаевым, в Беларуси было 57 библиотек, созданных католическими орденами. Текст на их экслибрисах, как правило, был на латыни. В фондах этих библиотек хранилось от 117 000 до 130 000 экземпляров рукописей и печатных книг. Так, например, большую, тщательно подобранную библиотеку имел монастырь ордена босых тринитариев имени святой Барбары в Бресте, закрытый после поражения польского восстания 1831 года. После закрытия все имущество было изъято, а реквизированные книги вывезены и переданы в библиотеку Вильнюсского университета. На ярлыке, который наклеивался на книги, в фигурной рамке шла надпись: «Ex Bibliotheca Conventus Brestensis sub. Tit. S.Barbarae, PP. Ordinis Excalceat: SSSmae Trinitatis de Redem: Captivorum. Lit. Num:» (Из библиотеки Брестского монастыря Св. Барбары, босых отцов ордена Пресвятой Троицы выкупа пленных. Буква… Номер…).

В Беларуси несколько монастырей было у монашеского ордена доминиканцев (проповедников, по-латыни praedicatorum), и в каждом таком монастыре обязательно была библиотека. В частности, в Гродно, где было 6 монастырских библиотек разных орденов, библиотека монастыря доминиканцев имела с XVIII века свыше 8 разновидностей экслибрисов. В ней числилось около 15 000 книг.

Основным был четырехугольный ярлык с фигурной рамкой и текстом: «Bibliothecae Conventus Grodnensis Ordinis Praedicatorum» — «(Из) библиотеки гродненского монастыря ордена проповедников».

Женский монастырь доминиканок действовал с 1591 года в Несвиже. В библиотеке монастыря имелось 437 томов (225 названий). На книги монастыря ставился овальный штемпель с текстом: «Bibliothecae conventus Nesvisiensis ordinis predicatorum» — «(Из) библиотеки несвижского монастыря ордена проповедников» — в центре щит, по его черному полю белая полоса, щит увенчан княжеской короной, его обвивает лавровый венок.

В Полоцке библиотека иезуитского монастыря насчитывала около 20 000 экземпляров книг.

Печальная судьба постигла библиотеку доминиканского монастыря в фольварке Забелы Витебской губернии, которая в 1716 году была переведена в Волынцы, а после поражения польского восстания 1831 года закрыта. В 1863 году, после закрытия монастыря, свыше 3000 книг были переданы Виленской публичной библиотеке. Они легко определяются, т. к. библиотекари оставляли на страницах книг маргиналии: «Klasztoru Zabielskiego xiazy Dominikanow» — «(Из) Забельского монастыря отцов доминиканцев», иногда писали коротко:» Conventus (Zabialiensis) ord. Praed» — «Монастырь ордена доминиканцев в Забелах».

Интересно, что порой библиотеки имелись при небольших церквях. Например, два ярлычка известны со второй половины XVIII века для книг библиотеки часовни святой Барбары в Высоко-Литовске (Брестский район). На них был текст «Ex bibliotheca Capellae S.Barbarae, Wysokie Lith», т. е. «Из библиотеки часовни Святой Барбары, Высоко-Литовск». Ярлыки отличались только размерами 26,5х59 мм и 47х78,5 мм.

Книжные знаки обывателей

В XIX веке на Беларуси появилось много библиотек у ремесленников, купцов, мелкого чиновничьего люда. Для указания владельца широко стали применяться штемпеля и ярлыки. Это мог быть небольшой штемпель с надписью: «A. Brochocki» у землевладельца Минской губернии Антония Яковлевича Брохоцкого, или большая печать: «Книжный магазин и библиотека В. Б. Фрумкина Минск. губ.». Такие же штемпеля были у Шмерка Гофеншефера: «Книжный магазин и библиотека для чтения Ш. Гофеншефера в Полоцке», или у книготорговца Лозинского: «Книжный и писчебумажный магазин(,) библиотека Лозинского в Гомеле».

В Витебской губернии находилась библиотека А. В. Безобразова с подборкой книг по юриспруденции, философии и психологии. На книги ставился штемпель: вписанный в линейную рамку овал, внутри которого вензель «А. В.» под шлемом с дворянской короной и щитодержателями-львами и воинскими атрибутами. Все это собрание погибло во время революционных событий 1905 года.

В Гомеле в середине XIX века начал собирать библиотеку банковский служащий И. Л. Выгодский. На свои книги он ставил овальный штемпель: «И. Л. Выгодскій №… Гомель». Старший сын ставил просто штемпель с фамилией: «Левъ Исааковичъ Выгодскій». Видимо, после смерти родителей младший сын Д. И. Выгодский перевез книжное собрание в Санкт-Петербург, где закончил университет, став впоследствии известным писателем и переводчиком. Умер в 1943 году в Карагандинском ИТЛ (исправительно-трудовом лагере), библиотека его погибла в блокадные годы. Но книги со штемпелями и ярлыками Выгодских периодически встречались в букинистических магазинах Ленинграда.

Пристальное внимание привлекают ярлыки, которые использовал для книг своей библиотеки известный белорусский литератор Людвик Кондратович (1828—1862), более известный под псевдонимом Владислав Сырокомля — от

названия герба своего рода: «Сырокомля». Автор песен и стихов, краевед, историк белорусских древностей и переводчик, вошедший классиком в литературы Польши, Беларуси, Литвы, он имел большую библиотеку, книги из которой, судя по всему, выдавал для чтения.

Это нашло отражение в его экслибрисе-ярлыке — большой листок, размером 59х96 мм, обрамленный орнаментальной рамкой, внутри которой на польском языке шел текст: «Из собрания книг Людвика Кондратовича Отдел № по каталогу. Предупреждение. Лиц, которым выданы книги для чтения, просим не давать их другим, просим также обращаться с книгами бережно и аккуратно». Известен ярлык с аналогичным текстом, только на французском языке и иного размера — 60х94 мм. Имелись и другие варианты с незначительными изменениями этого ярлыка. На книгах ставился и штемпель — в линейной рамке шел прописью текст: «Władysław Syrokomla».

Владислав Сырокомля умер 3/15 сентября 1862 года и был похоронен на кладбище по улице Росу в Вильнюсе. На доме, в котором жил последнее время литератор — Вильнюс, улица Барбары Радзивилл, 3, — есть мраморная доска с надписью по-польски: «Здесь закончил жизнь Владислав Сырокомля 3/15 сентября 1862 года». Остались книги, знак на которых напоминает о жизненном и творческом пути их владельца.

Не менее известная писательница Элиза Ожешко (1841—1910) имела в Гродно библиотеку, в которой было около 4000 книг. На них наклеивался скромный ярлык с текстом «El. Orzeszkowa».

Ранее уже упоминалось, что на геральдических экслибрисах, как правило, отражались должности и изменения в должностях владельцев библиотек, то же происходило и в применяемых ярлыках. Так, например, Антоний-Юзеф Юревич служил коморником, т. е. межевым землемером. Он имел два ярлыка для своих книг. Текст на первом скромно гласил: «Z biblioteki Jozefa Jurjewicza Komornika Pow. Wolkowyskiego i Slonimskiego» — «Из библиотеки Юзефа Юревича, землемера Волковысского и Слонимского поветов». Затем появился новый ярлык, с более пространным текстом: «Z Biblioteki Antoniego Jozefa Juriewicza Komornika Granicznego Powiatow: Grodzien: Wolkowysk: Slonimskiego» — «Из библиотеки Антония Юзефа Юревича, межевого землемера Гродненского, Волковысского и Слонимского поветов».

Большая коллекция книг по истории музыкальной культуры, нот, по истории и этнографии евреев принадлежала известному автору и исполнителю песен на языке идиш Эликуму Цунзеру. На круглом штемпеле с лирой посередине по окружности шла надпись: «Эліекум Цунзеръ Минскъ губ». В 1889 году он эмигрировал в США, где и умер в 1913 году. Собрание книг и нот осталось в Минске, и после Октябрьской революции 1917 года было национализировано и почти в полном составе поступило в Еврейский отдел народного быта при Белорусском музее в Минске.

Штемпель ставил на книги своей библиотеки и преподаватель Минской Талмуд-Торы и Житомирского раввинского училища Э. Б. Левин (1820—1913): в линейной рамке с виньетками в углах шел текст: «Изъ книгъ Еммануила Борисовича Левина».

Из провинциальных штемпелей необходимо отметить штемпель уроженца Могилева Вацлава Петровича Федоровича (1848—1911) — одного из крупнейших белорусских собирателей древностей и материалов по истории Беларуси, проживавшего в Витебске. Федоровичу удалось собрать уникальные археологические и нумизматические коллекции, древние грамоты, памятные медали, печати и т. д. В библиотеке было свыше 10 000 книг по этнографии Беларуси и Литвы, белорусские и литовские издания XVII—XX веков, рукописи Я. Барщевского и А. Рыпинского, манускрипты XVII—XVIII веков, одно из крупнейших собраний по истории масонства. На основе своего собрания Федорович создал

частный музей древностей. После Октябрьской революции музей и коллекции В. П. Федоровича вошли в состав областного краеведческого музея. В начале Великой Отечественной войны коллекции вывезли в Саратов, после окончания войны вернули, несмотря на неоднократные просьбы, только часть. Принадлежность книг легко определяется по штемпелю, который представлял собой прямоугольник, как правило, черного цвета, в виде рамки, внутри шел текст на польском языке: «Ze zbiorow S.P. Waclawa Fedorowicza w Witebsku Dzial №...» — «Из собрания святой памяти Вацлава Федоровича в Витебске Отдел №...».

Кн. знак О. С. Худ. Р. Н. Сустов, офорт.

Экслибрисы религиозных деятелей

Следует отметить, что книжные знаки были и у многих церковных служащих. Мы уже писали о суперэкслибрисе. Один из самых старых таких экслибрисов — ярлык, датируемый приблизительно началом XVII века, — принадлежал униатскому архиепископу полоцкому А. Селяве (? — 1655). Надпись на нем была латинская: «Ex libris Antonii Sielawa Archiepiscopi Polocensis A 1627» (Из книг Антония Селявы, архиепископа Полоцкого, 1627 год).

Интересный штемпель ставил на книги католический архидиакон Белорусский Ян Шумский. Он происходил из дворянского рода, а поэтому экслибрис был геральдический: в овале герб в картуше с дворянской короной, над картушем шляпа прелата. Вокруг овала идет текст: «Ex Bibliotheca Ioannis Thad. De Dzierzgow Szumski Arch. Prael. Alb. Rus P.O.» (Из библиотеки Яна Тадеуша из Дзежгова Шумского, архидиакона, прелата Белой Руси) и цепь с орденом. При этом впервые на экслибрисе указывалось, что его владелец — архидиакон Белорусский.

Карл Гриневицкий (1841—1929) — известный теолог своего времени, служил профессором Католической духовной академии в Петербурге, виленским епископом (в 1883—1885), ректором Могилевской духовной семинарии. Экслибрис — геральдический штемпель: в круг вписан герб под шлемом, увенчанным дворянской короной, над которой епископская шляпа с кистями. По кругу идет текст: «Carolus Hryniewicki episkopus vilnensis» — «Карл Гриневицкий, епископ виленский».

Два экслибриса имел виленский каноник, публицист, один из первых сторонников реформирования крепостной зависимости граф Павел Ксаверий Бржостовский (1739—1827). Библиотека графа, состоявшая из нескольких тысяч томов, размещалась в имении Мереч, она погибла во время восстания 1831 года. Известны два экслибриса для книг его библиотеки. Один, геральдический, награвированный В. Бальцевичем, представлял собой двойную линеарную рамку, внутри которой на мантии под шляпой каноника щит в стиле барокко под

дворянской короной, с двумя щитодержателями — воинами, стоящими на постаменте, у ног щитодержателей два картуша с гербами. По щиту идет надпись на латинском языке: «Ex libris Pauli xau(erii) comitis Brzostowski sup(remi) notarii M(agni) D.(ucatus) L.(ituanie) canon(ici) Viln(ensis)» — «Из книг Павла Ксаверия графа Бржостовского, великого писаря Великого Княжества Литовского, каноника виленского». Второй знак: в декоративной рамке, украшенной гирляндами цветов, по центру на рамке мантия, в которой по центру под шляпой каноника герб, увенчанный дворянской короной, под гербом орденский крест. Внутри рамки текст на французском языке: «Le comte Brzastowski referendaire du grand duche de Lithuanie» — «Граф Бржостовский, референдарий Великого Княжества Литовского». Экслибрисы отражают должностные перемены — великим писарем литовским граф был назначен в 1762 году, а пост духовного референдария занимал с 1774 по 1787 годы.

Из времен Великого Княжества Литовского известны экслибрисы монаха-доминиканца Доминика Сивицкого, увлеченного библиофила, имевшего 6 экслибрисов для своей библиотеки. Он был известен как один из основателей библиотеки Гродненского монастыря доминиканцев.

Геральдический экслибрис был награвирован, очевидно, около 1770 года — скорее всего, художником Ф. Бальцевичем, т. к. имеется отчетливое композиционное сходство между ним и экслибрисами Г. Помяна и И. Писковского, похожи и технические приемы гравирования. В центре расположен картуш, в круге которого надпись: «Ex libris fratris Dominici Siwicki Ordinis Praedicatorum» (Из книг брата Доминика Сивицкого (из) ордена проповедников). На картуше два бюста, обращенные в разные стороны, и медальон с вензелем FDS (Frater Dominicus Siwicki). Ниже круга герб, увенчанный дворянской короной, по сторонам которого книги, чернильница с пером и циркуль. Выше над картушем в полукруге значится: «Cum licentia Superiorum Ordinis» (С позволения властей Ордена). В собрании использовалось 5 штемпелей, они относятся к середине XVIII века. Один из них представлял собой овал, внутри тот же вензель FDS, по линии овала идет надпись: «O.P. Prov. Litv FR: Dominicus Siwicki» (Орден проповедников, литовская провинция, брат Доминик Сивицкий). Кстати, книги из библиотеки Сивицкого после его смерти попали в библиотеку Несвижской ординации Радзивиллов.

Казначей Гродненского монастыря доминиканцев ксендз Илларион Писковский получил разрешение монастырских властей собирать книги для собственной библиотеки. Известный художник Ф. Бальцевич награвировал для нее экслибрис. Книжный знак был исполнен в традициях гравюры своего времени: картуш на постаменте, на вершине которого по краям два бюста, в центре глобус, на постаменте картуша герб под дворянской короной, по краям герба книги, чернильницы, циркуль и т. д. В центре картуша круг, в который вписан текст: «Ex libris bibliothecae personalis P. F. Hilarionis Piskowski Ord: Pred.» — «Из книг личной библиотеки отца Иллариона Писковского, брата ордена проповедников» (доминиканцев).

Надо отметить, что эта же доска была использована Ф. Бальцевичем для экслибрисов ксендзов этого же ордена Гилярия Помяна (?—1782) и Доминика Сивицкого, с заменой фамилий и части герба. В дальнейшем этот же мотив экслибриса был использован для книг библиотек гродненского и виленского монастырей ордена доминиканцев, только, как и в предыдущем случае, в центре окружности значился другой владелец.

Выше отмечалось, что автором экслибрисов был Бальцевич (Balcewicz), этот вывод основан на том, что на экслибрисах Гилярия Помяна и Иллариона Писковского имеется подпись художника — Fr(anciscus) Balc(ewicz) sc(ulpsit) Viln(ae) — т. е. Франциск Бальцевич гравировал в Вильнюсе. Учитывая сходство композиций, можно с уверенностью предположить, что любители книг решили

сэкономить и заказали для доминиканцев-книголюбов и монастырских библиотек своеобразный универсальный экслибрис.

Отдельно хочется рассказать о могилевском ксендзе Антонии Францевиче Около-Кулаке (1883—1944). Широкообразованный и эрудированный, доктор канонического права, библиофил и коллекционер экслибрисов, он некоторое время проживал в Могилеве. В это время на книгах его библиотеки наклеивался экслибрис темно-красного или коричневого цвета. В линейной рамке герб, увенчанный дворянской короной, над которой шляпа прелата. Текст экслибриса гласил: «Ex libris Mons. Dr. Ant. Okolo Kulak Antist. Urb. Prael. Capit. Mohilovien» (Из книг монсеньора доктора Антония Около-Кулака, епископа города и прелата капитула Могилева). Экслибрис известен в двух размерах.

Затем Антоний Около-Кулак был настоятелем прихода римско-католической церкви Святого Бонифация в Петербурге, после Октябрьской революции проживал в Варшаве. Занимался культурно-просветительской деятельностью.

Необходимо отметить, что Антоний Францевич коллекционировал экслибрисы, и к началу Второй мировой войны в его коллекции было около 4000 знаков, преимущественно польских. Собрание практически все погибло во время Варшавского восстания в 1944 году.

В 1936 году, когда прелат жил в Варшаве, рижский художник А. И. Юпатов исполнил для него два экслибриса в технике цинкографии, в манере пуантилизма.

Жизненный путь ксендз Антоний Францевич Около-Кулак закончил в фашистском концлагере Дахау. Остались воспоминания тех, кто видел, с каким мужеством он вел себя в лагере, как поддерживал теряющих веру в себя, веру в победу добра над злом.

Книжные знаки учебных заведений

В 1580-х годах была основана Полоцкая коллегия ордена Иисуса, т. е. иезуитов. После того как император Александр I санкционировал реорганизацию коллегии в Академию, даровав права университета, коллегия практически стала первым высшим учебным заведением на территории нынешней Беларуси. При коллегии существовали типография и библиотека, которая в 1787 году имела в фондах 5576 томов, а в 1818 году — свыше 35 000.

В связи с тем, что во время Отечественной войны 1812 года иезуиты сотрудничали с Наполеоном, в 1820 году было принято решение закрыть Академию как неблагонадежную. Вскоре деятельность ордена иезуитов в России была запрещена, закрылись и его учебные заведения. Имущество ордена, включая библиотеки и типографии, собрания произведений искусств, было конфисковано и передано в казну.

После закрытия в 1831 году книги из библиотеки Полоцкой коллегии в количестве 257 пудов были вывезены и распределены между библиотеками Москвы и Санкт-Петербурга, около тысячи книг было передано в библиотеку Витебской гимназии.

На книгах библиотеки коллегиума наклеивались гравированные ярлыки. Всего известно свыше 8 их разновидностей, отличавшихся шрифтом, типом наборной рамки и размерами. Текст был практически одинаков: «Bibliothecae Collegii Polocensis Societatis JESU» — «(Из) библиотеки Полоцкой коллегии Общества Иисуса». На книгах ставился также черный овальный штемпель: «Coll: Pol:S.J.».

В Полоцке действовала также православная духовная семинария. На штемпеле, который ставился на книги семинарской библиотеки, был в линейной круглой рамке российский герб — двуглавый орел — и текст: «Библиотека Полоцк:

духов: семинарии». Штемпеля имелись в библиотеках Минской духовной семинарии (основанной в 1785 году), Могилевской духовной семинарии (основанной в 1765 году), Витебской духовной семинарии, Гомельского духовного училища и т. д.

На территории Беларуси существовали многочисленные религиозные учебные заведения: католические коллегии и православные семинарии, еврейские хедеры и т. д.

В системе Министерства народного просвещения царской России все учебные заведения — гимназии, училища — обязаны были иметь библиотеки, книги которых для учета отмечались ярлыками или штемпелями. Особого художественного значения они не имеют, но весьма интересны для историков — в первую очередь как дополнительное подтверждение существования библиотек тех или иных учебных заведений.

Например, на книгах библиотеки Минской мужской гимназии, открытой, кстати, еще в 1805 году, ставился штемпель с текстом: «Библиотека минской мужской гимназии».

У Могилевской мужской гимназии имелись ярлыки или штемпеля с указанием места книги на полках согласно контрольному, систематическому и хронологическому каталогу. Наличие штемпеля «Библиотека общей ученической квартиры могилевской гимназии» свидетельствует как о заботе, так и контроле за времяпрепровождением гимназистов, как бы сейчас сказали, иногородних, т. е. проживавших на частных квартирах.

Самая старая гимназия Беларуси — Слуцкая. Она была основана 400 лет назад при реформатском храме. После того как ее сделали государственной, кальвинистский синод постановил большую часть книг вывезти в Вильнюс. На книгах ставился скромный штемпель: герб Российской империи в центре и текст по кругу — «Библиотека Слуцкой гимназии».

Интересные ярлыки имели книги библиотеки Брестской мужской гимназии. Дело в том, что на экслибрисах отмечалось, на учащихся какого возраста рассчитана книга. Текст на ярлыке гласил: «Ученическая библиотека Брестской мужской гимназии. Старший возраст. № по инвентарю… Шкаф… полка… место…»; есть и ярлыки, на которых вместо «старший» указывалось «средний возраст». В Бресте была также прогимназия, которая имела экслибрисы в виде двух ярлыков и штемпеля.

Военно-учебные заведения

На территории Беларуси в царское время находились следующие военно-учебные заведения: Гродненский кадетский корпус, Шкловское благородное училище (кадетский корпус), Могилевское офицерское училище, Полоцкий кадетский корпус. По правилам того времени при каждом военно-учебном заведении существовала библиотека, книги которой отмечались ярлыками или штемпелями.

Отдельно необходимо остановиться на известных нам экслибрисах библиотеки Полоцкого кадетского корпуса. Он был открыт 25 июня 1835 года в зданиях закрытой к тому времени иезуитской академии и примыкающего к ней монастыря. В корпусе была большая, хорошо укомплектованная библиотека. Коллекционерам известны по меньшей мере два штемпеля и три ярлыка, которые отмечали библиотеку корпуса.

На двух ярлыках был одинаковый текст: «Фундаментальная библиотека Полоцкого кадетского корпуса. Отделение…», отличались они только размерами. На третьем было написано: «Библиотеки Полоцкого кадетского корпуса».

Штемпеля отличались и размерами, и текстом. Внутри обоих — двуглавый

орел, герб Российской империи. Один штемпель имел форму овала, текст шел по окружности: «Библиотеки Полоцк. Кадет. корпуса». Другой — форму круга, по окружности текст: «П. Библиот. Полоцкого кадетского корпуса».

В Полоцком кадетском корпусе учились представители высших сословий Российской империи. Кадетом Полоцкого кадетского корпуса, в частности, был третий сын великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, правнук Николая I — князь императорской крови Олег Константинович Романов (1892—1914) выпускник 1910 года.

Известен экслибрис — наборный ярлык размером 68х85 мм, исполненный в начале XX века. В орнаментальной рамке надпись: «ПОЛОЦКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС. / КАДЕТ 1 КЛАССА /Его Высочество Князь Олег / Константинович / Директор корпуса / генерал-майор Гуторъ / Командир III роты / полковник Князь (подпись)».

В возрасте 19 лет в 1911 году Олег Константинович издал факсимиле рукописей А. С. Пушкина, хранившихся в Александровском лицее и Румянцевском музее (Рукописи А. С. Пушкина. Вып. 1. СПб., 1911 г.). После выпуска Олег Константинович служил в гвардейском гусарском полку и умер от ран в 1914 году во время Первой мировой войны. В его честь 1-я рота Полоцкого кадетского корпуса получила наименование Олеговской.

В Полоцком кадетском корпусе проходил службу экономом штабс-капитан И. Е. Семевский — известный библиофил и библиограф. Он имел два экслибриса. На одном в линейной рамке под дворянской короной инициалы ИЕС, т. е. Иван Егорович Семевский. На втором, исполненном в технике литографии, в двойной линейной рамке надпись с росчерками: «Библиотеки села Федорцова, Ивана Егоровича Семевскаго. Съ 18 года. Отдел: ...».

Корпус был закрыт в 1918 году.

Ярлыки-экслибрисы имели библиотеки и других кадетских корпусов.

Рукописный экслибрис

Описывая экслибрисы, изготовленные в материале, нельзя не упомянуть рукописные записи, так называемые маргиналии, свидетельствующие о принадлежности книги или рукописи тому или иному лицу. Это могли быть вкладные записи, т. е. надписи о передаче или дарении, или записи владельца о приобретении книги или рукописи.

Интересна запись в одной из книг: «Сиа / М 98 ЧЙ: Книга Библиотеки / Монастыря / Жировицкаго / Чинь / Стаго / Восилиа / Великаго / 1758 / Анно / Подписана». Жировичский монастырь был основан в конце XV века как православный, к униатам перешел в 1613 году. При монастыре действовала семинария. Библиотек было несколько.

В книжном собрании Успенского собора в 1731 году числилось 56 книг, в том числе 15 рукописных. Свои библиотеки были в базилианской орденской школе и в светской школе при монастыре. Главная же монастырская библиотека была основана магнатом Солтаном в конце XVI века.

В начале XIX века в ней хранилось 3867 томов книг и 537 рукописей. Книги и рукописи распределялись по 17 разделам, на первой и последней страницах ставился шифр, который определял место книги на полках. По нижнему полю страницы были записи, например: «Сія книга есть библиотеки моностыра Жировицкого Чину святого Василия Великого 1758 (варианты: 1757, 1759) Anno подписана». В 1842 году книги из Главной библиотеки были частично переданы Виленской православной семинарии, а также в библиотеку Российской академии наук в Санкт-Петербуге, а остатки книг впоследствии были переданы Жировичской семинарии.

Кн. знак Е. Н. Минаева.
Худ. Н. Г. Лозовой, гравюра на дереве.

Зачастую на первых страницах ставилась запись владельца о времени приобретения или о собственности книги. Известна старая запись: «Из книг преосвященного Иннокентия Архиепископа Полоцкаго». Сохранился листок, видимо, вырванный форзац: «Изъ библіотеки Минской Православной Семинаріи. Протоирей (подпись) 4 апреля 1862 г.». На книгах из Несвижской библиотеки часто встречается запись: «Collegii Nesvisiensis Societatis Jesu» — «Несвижской коллегии общества Иисуса» — видимо, после запрета деятельности иезуитов в Российской империи книги были переданы в библиотеку Несвижского замка. На книгах из Несвижского монастыря доминиканцев часто встречаются записи: «Conventus Nesvisiensis Formatis Ordinis Praedicator(um)» — «Несвижского монастыря ордена проповедников (доминиканцев)».

Экслибрис в Беларуси в XX веке

Октябрьская революция изменила сословный состав книголюбов. Если ранее книги, особенно редкие, собирали люди из обеспеченных слоев общества, то теперь это стало практически доступно большинству населения.

Революция дала толчок развитию и тиражной графики — относительно недорогим техникам, позволяющим в то же время сохранить оригинальность печати автора. Художники обратились к цинкографии, гравюре на дереве, которая как бы пережила свое второе рождение, так как из всех видов высокой печати она имеет самые большие художественные возможности.

Ликвидация неграмотности привела к тому, что ряды книголюбов пополнили люди, не имевшие систематического образования и знаний, но увлеченные чтением и книгой. Резкое увеличение тиражей недорогих книг за счет дешевой бумаги привело к тому, что книги смогли покупать практически все слои населения. Это, в свою очередь, вызвало резкий рост частных библиотек, а посему возник спрос на экслибрис, недорогой и в то же время художественный. Экслибрис на какое-то время становится проводником культуры.

В рекомендациях по культурно-просветительской деятельности в массах той революционной эпохи — «Художественно-изобразительная работа в клубе» (автор В. А. Невский, год издания 1924) — говорилось: «Окультуривание повседневного быта масс составляет сейчас одну из очередных задач политпросветработы; внедрение в быт красоты и искусства — один из самых нужных путей в

этом направлении. Ex-libris, конечно, небольшая деталь на этом пути, но деталь наиболее доступная и весьма нужная, так как связана с основным проводником культуры — книгой».

Из цитаты следует, что автор видит в книжном знаке элемент книги, несущий в себе элемент украшения и культуры, а также явную пропагандистскую нагрузку.

К созданию экслибрисов подключилось большое число художников, в первую очередь графиков. Увлеклись экслибрисом и в Беларуси. Здесь им начали заниматься свои художники: А. Н. Тычина, П. М. Гутковский, А. Грубэ,е. Минин, С. Юдовин, З. Горбовец и ряд других, в первую очередь в Минске и Витебске.

В газете «Известия» от 11 марта 1927 года советский поэт Сергей Городецкий в статье о культуре Беларуси, в разделе, посвященном белорусской графике, заметил: «…Вся эта графика характеризуется всеми чертами, присущими Скорине, и носит чуждый всякому эстетству оттенок подлинно массового искусства, чего часто не хватает нашим мастерам. Тут нужно отметить повальное увлечение белорусской интеллигенции экслибрисами, иногда очень интересными».

Проводником искусства экслибриса в Минске стал Анатолий Николаевич Тычина. Уроженец Литвы, он получил художественное образование в Пензе, затем вернулся ближе к родине и обосновался в Минске. В 1920-е годы Анатолий Николаевич создал целую сюиту экслибрисов для книжников Беларуси. Принимал участие во многих выставках, в том числе международных, например, в Лос-Анджелесе в 1926 году. Посвященные историческим памятникам или декоративно-орнаментальные, исполненные тушью, а затем напечатанные цинкографией, его экслибрисы до сих пор привлекают внимание коллекционеров своим художественным мастерством и лаконичностью.

В Витебске активно делали экслибрисы в технике гравюры на дереве З. Горбовец и С. Юдовин — признанные мастера графики. При этом если С. Юдовин занимался классической гравюрой, так называемой торцовой, то З. Горбовец проводил эксперименты с гравюрой на дереве продольной — это когда художник режет гравюру специальным ножом вдоль волокон дерева. В творчестве С. Юдовина, уроженца местечка Бешенковичи, нашли отражение быт еврейских местечек, еврейские орнаменты, виды старого Витебска. Характерен в этом отношении авторский экслибрис с покосившимися домиками витебских окраин.

Оживилась экслибрисная жизнь в Беларуси после создания Белорусского общества библиофилов. Вершиной его деятельности стало издание монографии А. Шлюбского «Ex libris’ы А. Тычыны» в 1928 году. Книга была выпущена на белорусском и немецком языках. Она показала мастерство художника, умеющего найти оптимальное решение минимальными средствами.

Спустя годы, уже в 1960 году, на основе коллекции А. Н. Тычины была устроена выставка экслибриса в Национальном музее БССР. Издали превосходный каталог. На выставке были представлены ретроспективно экслибрис Беларуси и лучшие образцы мирового, российского и советского экслибриса. Впоследствии А. Н. Тычина передал всю экспозицию выставки Национальному музею Беларуси.

В 1975 году А. Н. Тычина совместно с искусствоведом В. Шматовым издает монографию «Белорусский книжный знак», освещающую многовековой путь белорусского экслибриса. К этому времени в Беларуси создаются кружки любителей экслибриса, которые объединили художников и коллекционеров графики.

В это же время искусством книжного знака увлекаются два брата-художника Валентин Николаевич и Евгений Николаевич Тихановичи. Выпускники Витебского художественного техникума 1930-х годов, они внесли заметный вклад в белорусское искусство, и в частности в развитие белорусского книжного знака.

Особенно преуспел Евгений Николаевич, который принял участие более чем в 100 выставках, как в Советском Союзе, так и за границей. Он исполнил

свыше 400 экслибрисов в офорте или гравюре на линолеуме, как для белорусских коллекционеров, так и заграничных. Евгений Тиханович был одним из лучших в мировом экслибрисе автором портретных книжных знаков. Будучи великолепным портретистом-живописцем, он перенес достоверность портретных работ в гравюру, при этом с мастерской лаконичностью сумел передать портретное сходство. Среди портретов были знаменитые исторические личности, деятели культуры и искусства. Замечательна была серия книжных знаков, посвященная деятелям Польши, так называемая «Полоника». Серии знаков были посвящены деятелям советского государства, представителям белорусского и мирового искусства. Интересные по композиции и исполнению, его работы пользовались большим успехом у знатоков и посетителей выставок. После выставки экслибриса в венгерском городе Секешфехерваре Евгений Николаевич Тиханович подарил всю экспозицию городскому музею и был удостоен звания почетного гражданина города. Печально, что, получив приглашение на мероприятие по вручению ему свидетельства о присвоении звания почетного гражданина, он не был выпущен за границу компетентными органами без объяснения причин отказа в выезде.

Экслибрисом занялся и его сын Генрих Евгеньевич — профессиональный график, закончивший Белорусский театрально-художественный институт. Работы Генриха отличала удивительная способность привносить новизну в технику экслибриса. Он широко использовал линогравюру, офорт и различные его технические вариации. Некоторые из его приемов стали популярными лишь в наше время. Г. Е. Тиханович был первопроходцем, показавшим прелесть совмещения техник гравюры.

Валентин Николаевич Тиханович исполнял экслибрисы в технике офорта или линогравюры, они несли в себе тонкий юмор известного карикатуриста, хорошего знатока природы. Он очень любил всяческие технические эксперименты в уже известных видах гравюры. Например, совмещал офорт и вырезание отдельных мест офортной доски, подкрашивал акварелью, печатал вывороткой и т. д.

В 1960-е годы появились работы в области экслибриса у А. М. Кашкуревича, впоследствии народного художника Беларуси. Закончив в 1961 году Белорусский театрально-художественный институт, он стал профессиональным художником, работал преимущественно в области книжной иллюстрации и станковой графики. Вначале экслибрисы были дружескими подарками с легким оттенком юмора, но вскоре они стали более соответствовать требованиям классического книжного знака. Художник стал принимать участие в выставках и конкурсах, привлекая внимание коллекционеров и критиков. Арлен Михайлович выполнял работы в нескольких техниках: офорт, гравюра на линолеуме, клише. Всегда пытался минимизировать средства, разгружая знак от излишних подробностей. Интересен экслибрис для О. А. Судленкова, исполненный для биеннале экслибриса в Мальборке — рыцарь, вернувшийся из похода, на фоне замка, в шлеме ворона свила гнездо. Изумительны экслибрисы, связанные с литературными произведениями, особенно с творчеством Янки Купалы и Якуба Коласа.

Один из самых интересных графиков, работающих в экслибрисе, — Лев Алимов, житель Бреста, изучивший первые азы искусства в студии Петра Данелии в Брестском дворце пионеров, затем окончивший Московское училище имени 1905 года. Лев Алимов вошел в экслибрис неожиданно, но достаточно быстро обратил на себя внимание коллекционеров. Характерной чертой знаков Алимова является сложнейшая техника, как бы симбиоз всех способов гравирования в технике глубокой печати.

Работы Геннадия Вяля, художника из Бреста, пользуются большим вниманием у коллекционеров экслибрисов и любителей графики из-за блестяще исполненных офортов с применением акватинты. По своей прозрачности и тоновым переходам акватинте трудно найти соперника, и Г. Вяль, используя все доступные ему технические приемы, достиг в ней совершенства. В его штрихах соеди-

нились острота готических линий, экспрессия в построении фигур, хорошее знание анатомии. Все работы Г. Вяля отличает гармоничная целостность каждого экслибриса. Его знаки легко читаются, ассоциативная связь литературных сюжетов хорошо просматривается, техническая безупречность делает его экслибрисы весьма привлекательными. Зачастую его работы — своеобразные реминисценции произведений великих художников, а порой их точнейшее воспроизведение. Следует отметить его гравюры с использованием сюжетов из работ Дюрера, Рембрандта и др.

В 1990-х годах появились увлекательные работы гродненского графика Юрия Яковенко. Он закончил колледж искусств им. Ахремчика, а затем минскую Академию искусств. Выполняет работы в сложнейших техниках графики: меццотинто, травленый офорт, акватинта и др. Выполненные им гравюры поражают композиционными решениями и сложнейшими переходами из одной техники в другую. Он участник и победитель многих выставок экслибриса, один из признанных мэтров в мировой графике. Удостоен звания почетного члена Российской академии искусств.

Среди коллекционеров экслибриса имя молодого художника Романа Сустова привлекло внимание с первых его работ. Его родители, художники-графики Николай Козлов и Наталья Сустова, хорошо известны по книгам, которые они иллюстрировали. Роман Сустов пошел по родительским стопам, он закончил графический факультет Белорусской театрально-художественной академии и стал профессионально заниматься гравюрой. Художник много и плодотворно работает в техниках офорта, линогравюры и литографии, создавая экслибрисы, пользующиеся большим вниманием у коллекционеров и любителей графики. Зачастую совмещаются техники: травленый штрих, акватинта, сухая игла, в последнее время применяется меццотинто.

В течение ряда лет Роман Сустов создает изобразительные композиции на исторические и мифологические сюжеты. Постепенно его произведения собираются в классически выверенную серию. Он работает уверенно, легко распоряжаясь пространством офортной доски. Острое чувство ритма линии отчетливо проступает в его листах. Он не стремится эпатировать зрителя нестандартными формами доски, затяжками при печати и прочими ухищрениями, а просто показывает мир своих искрящихся творений таким, каким он ему представляется. Фигуры в его работах движутся в медленном ритме, составляя своего рода скульптурные группы, четко выделяющиеся на простом лаконичном фоне. Иногда художник применяет цвет как элемент композиции, словно ярким лучом выделяя основные и доминантные детали. Это, несомненно, дополняет его несколько аскетический подход к цветовой гамме эстампа, напоминающей по своему духу работы классиков гравюры Возрождения, когда существовало только понятие черного штриха и белой бумаги. Эта тенденция была взята из личного опыта художника в технике линогравюры, где есть только черный и белый штрихи. Художник ставит перед собой иногда тяжелейшие задачи, ограничиваясь для создания образа только одной техникой — травленого штриха, и показывает нескончаемое богатство разнообразных типов гравировки. В этом видится сохранение и приумножение огромного опыта истории классической гравюры.

Художник из Гродно Иван Русачек закончил художественно-графический факультет Гродненского университета, затем некоторое время учился в Белорусской академии искусств. Он достаточно сложившийся художник, со своим видением графического искусства, овладевший техническими приемами гравирования. Иван Русачек создает экслибрисы и другие графические работы в основном в технике классического травленого офорта.

Современный этап развития экслибриса в Беларуси, да и во всем мире, характерен тем, что книжный знак из раздела владельческих символов перешел в раздел графики, стал прикладным видом искусства.

В Российской империи, а позже в Советском Союзе, экслибрис нес чисто служебную нагрузку. Он просто сообщал, кто владелец книги, т. е. имел охранительную функцию, подчеркивая право собственности на данное издание, обозначал владельца, представлял его в выгодном свете, иногда указывая на его общественный статус. В настоящее время функции экслибриса изменились: теперь он представляет художника или финансовые возможности заказчика знака. Книжный знак стал просто предметом коллекционирования произведений искусства, при этом наличие книжного собрания, на книги которого он бы наклеивался, практически стало не обязательно.

Это явление в коллекционировании книжных знаков одним из первых заметил крупный австрийский искусствовед Р. К. Донин. В своей книге «История стилей в экслибрисе», изданной в Вене в 1949 году (R.K. Donin «Stilgeschichte des exlibris», Wien, 1949) известный исследователь графических искусств писал: «Во всех стилевых эпохах, однако, которые прошло развитие экслибриса, мы распознали внутреннюю связь книжного знака с книгой и владельцем книги как реально обоснованную предпосылку расцвета и художественной высоты книжного знака, но также и как упадок последнего, если он, освобожденный от книги, ведет особое существование как объект коллекционирования».

Здесь необходимо отметить, что коллекционирование книжных знаков позволяет их собирателям прикоснуться к искусству выдающихся графиков. Вспомним, что экслибрисы гравировали многие художники, от Альбрехта Дюрера, Луки Кранаха Старшего до Пикассо и Матисса, В. А. Фаворского и Шилинговского, Альбина Бруновского и других выдающихся мастеров графики. Экслибрис зачастую становится тем мерилом, которым определяется место художника на Олимпе. И поэтому следует признать, что собирательство ради обладания гравюрами выдающихся мастеров вполне оправдано. В основе этого явления, как бы это ни отрицалось, лежит любовь к книге.

ЗОЯ ЛЫСЕНКО

Русский психологический театр: истоки и современность

Нельзя сказать, что минские театралы, в особенности любители драматического искусства, испытывают зрительский голод. В городе достаточно драматических театров — от академических до экспериментальных, — в репертуаре которых можно выбрать постановку практически любой жанровой и стилевой направленности в соответствии со своими предпочтениями. Но в то же время белорусские зрители не оставляют без внимания и спектакли театров из стран ближнего зарубежья, которые на протяжении последних семи лет периодически приезжают в Минск в рамках обменных гастролей с Белорусским академическим музыкальным театром.

Первой ласточкой в череде приезжих театральных коллективов, выступивших на сцене названного театра 2011 году, был Смоленский драматический театр имени А. С. Грибоедова. После него в рамках обменных гастролей в Минск стали приезжать и другие театры из российских регионов, а вслед за ними — театры из стран Балтии. В результате на сегодняшний день Белорусский музыкальный театр имеет тесные творческие контакты с восемью театрами из России и семью — из Литвы и Латвии, с которыми происходят регулярные обмены сценическими площадками. О многих из этих коллективов и их постановках уже рассказывалось в республиканских СМИ, в том числе и на страницах данного издания. В частности, в восьмом номере журнала за 2015 год речь шла о первом русском театре на Северном Кавказе — Ставропольском академическом театре драмы имени М. Ю. Лермонтова, который тогда приехал в Минск впервые. И если с другими своими партнерами Белорусский музыкальный театр обменивается сценическими площадками в течение каждого сезона, то следующая встреча со Ставропольским театром произошла два года спустя — в начале текущего театрального сезона.

Можно сказать, что уже сложилась определенная часть зрительской аудитории, любителей драматических постановок, которые с возрастающим интересом приходят на очередную встречу с гостями Белорусского музыкального. И сами гости это с удовольствием замечают и отмечают, что в итоге и способствует созданию той неповторимой, незримо витающей в зале атмосферы взаимодействия между зрителями и актерами.

На этот раз Ставропольский театр наиболее ярко показал минскому зрителю именно те грани своего мастерства, которые, по существу, и определяют его творческое кредо. Если в первый свой приезд этот коллектив старался как можно шире представить свой творческий диапазон и включил в гастрольную афишу спектакли разных жанров и стилей, в том числе и музыкальные, то теперь — только драматические. Среди них русская классика, современная драма и, конечно же, комедия (российских и зарубежных авторов). Все привезенные спектакли — новые постановки, созданные в период между первым и вторым приездом ставропольчан в Минск. Но в данном материале речь пойдет только о двух из них, поставленных в лучших традициях русского психологического театра, что и определяет суть академического театра драмы.

Открывались эти гастроли, разумеется, русской классикой — спектаклем «Соколы и вороны» Александра Сумбатова-Южина. Но так сложилось в российской театральной практике, что пьесы этого автора в последние десятилетия практически не ставились, поэтому сегодня широкой публике он, можно сказать, не знаком. А между тем, Сумбатов-Южин принадлежит к числу тех театральных деятелей, которые внесли весомый вклад в развитие академического Малого театра России. 45 лет своей жизни (с 1882 по 1927 год) он отдал служению этому театру, где был и актером, и управляющим труппой, и директором, и где получил звание народного артиста РСФСР.

Происходил он из грузинской княжеской семьи Сумбаташвили. На профессиональную сцену впервые вышел в Тифлисе в 19-летнем возрасте. Позднее, учась в Петербургском университете, участвовал в спектаклях на разных сценических площадках города. Переехав в начале 1880-х годов в Москву, стал выступать на сцене Малого театра под псевдонимом Южин.

Драматургическая деятельность Сумбатова-Южина зародилась практически одновременно с его театральной деятельностью. И нужно сказать, что сотрудничество с Малым театром он начал именно как драматург: в 1881 году здесь была поставлена его пьеса «Листья шелестят», а через год он был принят в труппу этого театра уже как актер. В 1885 году им была написана пьеса «Соколы и вороны», которая оставила особый след в истории русского театра: став одной из самых репертуарных в XIX веке, она и сегодня, уже в XXI веке, вызывает к себе новый всплеск интереса.

Учитывая, что пока немногие из российских театров имеют это произведение в своем репертуаре, минскому зрителю в этом плане повезло дважды. В 2013 году спектакль «Соколы и вороны» в постановке народного артиста России Александра Попова к нам привозил Тульский академический театр драмы. И теперь новая встреча с произведением Сумбатова-Южина, уже в постановке народной артистки России Натальи Зубковой, вызвала особый интерес у истинных почитателей драматического искусства. Тем более что с творчеством Зубковой — актрисы и режиссера в одном лице — они уже были знакомы по предыдущим гастролям Ставропольского театра.

Как режиссер Наталья Зубкова работает во всех современных жанрах, профессионально ставит также и музыкальные спектакли (в чем ранее убедились и минские зрители). А вот «Соколы и вороны» отличается от всех ее постановок подчеркнутым традиционализмом. Уже с первой сцены зритель понимает, что этот спектакль насквозь пронизан духом русского психологического театра и никаких неожиданных постановочных подходов и приемов в нем не будет. Некоторых это немного удивляет или озадачивает — ведь не секрет, что сегодня осовременивают не только классику, но даже сравнительно недавно созданные произведения, и зритель к этому уже привык.

— И трактовать, и поставить эту пьесу по-современному, конечно, можно было, — говорит Наталья Зубкова, — но кого сегодня этим удивишь? Мне показалось, что гораздо интереснее будет прикоснуться к тому первозданному, что изначально было заложено и в произведении, и в его сценическом воплощении, задуманном самим Сумбатовым-Южиным, поэтому мы очень внимательны были к его авторским ремаркам. Работая над постановкой, мы просто шли за автором, отталкиваясь от понятных и близких нам русских характеров и российских коллизий, хотя и довольно отдаленных от нас по времени. Поэтому и спектакль в целом нам виделся не иначе как в традициях русского психологического театра.

Конечно, современный театр должен быть разным, — продолжает Наталья Зубкова. — Мы не можем замыкаться только на российских театральных традициях и отгораживаться от новых европейских и мировых тенденций в этой сфере. Однако здесь не должно быть бездумного подражательства. К примеру, легко перепрыгнуть через четыре стула, сделав при этом кульбит, а потом с глубоко-

«Соколы и вороны».

мысленным видом замереть — это выражение формы, но не сути современного театра. К сожалению, в погоне за внешними эффектами из многих наших театров начинает уходить та русскость, которая и выражается посредством реалистического психологического театра. И если сильно увлекаться всем новым, то можно растерять те славные театральные традиции, которые столетиями накапливали наши выдающиеся предшественники. Возможно, на сегодняшний день в каких-то направлениях театрального искусства мы и отстаем, но в этом — впереди планеты всей. И это красноречиво подтвердили наши небольшие гастроли в Америке, проходившие в 90-е годы, когда мы на себе ощутили, насколько высоко заокеанский зритель оценивает русский психологический театр.

А в отношении произведения Сумбатова-Южина представители Ставропольского театра поведали одну очень интересную деталь: минувший театральный сезон они открывали в Москве, на сцене Малого театра, естественно — спектаклем «Соколы и вороны». За всю историю существования своего театра они впервые побывали на этой прославленной сцене. А накануне гастрольных выступлений посетили музей-квартиру Сумбатова-Южина, где встретились с представителями московской театральной общественности, известными критиками и столичными зрителями, погруженными в эту тему.

Нужно сказать, что и в Минске на этот спектакль в основном пришла подготовленная публика — это чувствовалось по реакции зала. Но прежде чем рассуждать о постановке, следует хотя бы вкратце рассказать о содержании пьесы. В числе ее главных персонажей— управляющий коммерческим банком господин солидного возраста Лев Петрович Застражаев, его молодая блистательная жена Евгения Константиновна, а также безупречно честный банковский кассир Сергей Павлович Зеленов. В силу своей молодости, житейской неопытности и душевной чистоты Зеленов даже не догадывается, какой страстью пылает к нему жена его босса, принимая ее знаки внимания за обычное душевное расположение. Он даже

наивно полагает, что Евгения Константиновна одобрит его выбор, поэтому не скрывает от нее планы своей женитьбы на скромной молодой учительнице. При этом он, конечно, не мог и предположить, насколько сокрушительным для нее было это известие и насколько страшными для него окажутся ее последующие действия. Пользуясь безграничной и слепой любовью мужа, Евгения Константиновна шантажом и угрозами заставляет его похитить из банка крупную сумму, всю вину возложив на кассира. Уж лучше пусть он окажется в тюрьме, чем в объятиях молодой жены! В закручивающуюся интригу вольно или невольно втягивается отец невесты — бывший полицейский чиновник, человек, абсолютно лишенный каких-либо принципов, мелкий плут и виртуозный лгун, готовый на все ради выпивки. И его преступными услугами пользуется юрисконсульт банка, планирующий выгодную партию с дочерью управляющего, — с виду очень благонадежный молодой человек, однако по ходу действия обнажающий свою истинную сущность редкостного негодяя. В финале, в результате всех хитросплетений сюжета, раскрывается правда, и кассиру удается избежать тюрьмы: управляющий банком признается, что деньги украл он, а осознание того, что жена его никогда не любила и он стал орудием мести в ее руках, доводит его до разрыва сердца. Короче, это история о том, как терзания сильной женщины, лишенной счастья любви, оборачиваются терзаниями самых близких ей людей.

На первый взгляд, сюжет этой пьесы довольно прост. Однако по ходу действия под кажущейся простотой формы начинает проявляться далеко не простое содержание: обнаруживаются скрытые смысловые подтексты и вырисовываются очень неоднозначные характеры. А незаметно зародившаяся интрига, не спеша, но неуклонно закручиваясь, выливается в трагический финал. Но это все же не классическая трагедия, изображающая конфликт личности с обществом. Жанр этой пьесы, основанной на бытовой тематике и реалиях обыденной жизни, автором обозначен как драма. А в постановке Ставропольского театра это произведение, начинаясь как старинная русская мелодрама, сосредоточенная на внутреннем мире героев и их эмоциональном состоянии, к концу приобретает черты роковой драмы. И все благодаря главной героине — поистине роковой женщине, в действиях которой с особой силой сконцентрированы извечные общечеловеческие противоречия: добро и зло, любовь и ненависть.

Природа роковой женщины сокрыта в силе ее харизматического воздействия на мужчину, и как правило, она впоследствии всегда оказывается не такой, за какую выдает себя вначале. И это не банальная житейская двуличность, а сущностное проявление ее прирожденного коварства и непреклонной воли в достижении своей цели. Именно такой и предстает в спектакле жена управляющего банком Евгения Константиновна в исполнении Ирины Баранниковой — самой яркой из актрис Ставропольского театра. Правда, во время первых гастролей в силу подобранного репертуара минский зритель видел эту артистку в характерных ролях, однако вся ее актерская сущность и безупречная сценическая фактура выдавали в ней героиню.

И вот в «Соколах и воронах» Ирина Баранникова наконец предстала в своем главном амплуа. Притом в спектакле, поставленном по всем канонам русского психологического театра. Еще не успев погрузиться в тонкости постановки, зритель сразу ощущал особое эстетическое удовольствие просто от созерцания создаваемого артисткой образа: вот она — истинная героиня классической русской пьесы и истинная представительница русской театральной школы! Особой убедительности в этом придавали также тщательно продуманные костюмы и аксессуары, наглядно передающие дух и колорит той эпохи и при этом удачно подчеркивающие природную красоту и стать актрисы (художник по костюмам — Наталья Шевякова). Можно даже сказать, что внешне в героине Ирины Баранниковой было что-то от образа Анны Карениной (ведь оба этих персонажа создавались в один и тот же исторический период), к тому же в характеристиках

своей безрассудной любви они тоже в чем-то схожи, а уж тем более — в нелюбви к законному мужу, хотя по своей внутренней сути и женской судьбе, конечно, разные.

В начале спектакля прекрасная жена преуспевающего банкира предстает этакой душечкой, чуть ли не ангелочком, спустившимся с небес исключительно ради того, чтобы облагодетельствовать своим посещением мать молодого банковского кассира. В дом к Зеленовым она наведывается практически ежедневно, каждый раз принося к чаю банку варенья… Все время наводит хозяйку дома на разговор о сыне, с умилением рассматривает альбом с его карточками и даже просит одну из них подарить ей… Всегда с очень кротким видом умоляет мать сохранять в тайне ее визиты, но приходит к ней именно в то время, когда у сына оказывается сокращенный рабочий день.

Столкнувшись у себя дома с неожиданной гостьей, ошарашенный Зеленов с детской наивностью восклицает: *«Как вы к нам попали, Евгения Константиновна?»* И вот тут нужно было видеть одновременно и ее самообладание, и ее молниеносную находчивость для привлечения его внимания: как будто желая незаметно выйти из комнаты и как бы в спешке она цепляется своими локонами за высокую жардиньерку, которая *«так некстати ее выдала…»*. А далее эта странная гостья демонстрирует еще большие чудеса самообладания: невольно став участницей разговора о предстоящей женитьбе Зеленова и едва не падая в обморок от его восторженных слов о невесте, она через какое-то мгновение с совершенно спокойным видом переспрашивает: *«На чем я вас перебила? Вы что-то, кажется, интересное говорили?»*

А спустя некоторое время, когда Евгения Константиновна окончательно убеждается, что Зеленов в упор не видит ее страсти и наивно считает, что его женитьба никак не помешает их добрым взаимоотношениям, она предстает перед ним уже совсем другой и, сменяя тактику, идет в атаку: *«Вы отлично знали каждое движение моего сердца, но вы дорожили местом кассира и притворялись, что ничего не видите!..»* В очередной раз ошарашенный Зеленов, к тому же обвиненный в притворстве, начал было искренне оправдываться, но неистовство Евгении Константиновны наконец открывает ему глаза: *«Как я не видел?.. Я ослеплен своим счастьем и не замечаю чужого горя...»* Однако его последующие слова оказываются для нее убийственными: «*Во всем этом есть нечто более важное — счастье Льва Петровича. Оно должно быть неприкосновенно, Евгения Константиновна. Я слишком много уважаю Льва Петровича, я обязан ему своей карьерой, положением, репутацией, всей жизнью… Желаю, чтобы вы ценили его покой так же, как и я»*. И заключает: *«Мы с вами, конечно, больше никогда не увидимся»*.

Ну как могла отреагировать на такую отповедь отвергнутая и безгранично уязвленная женщина? Оценить чистоту души и порядочность Зеленова? Да этих качеств в нем она никогда не ценила! Более того: из-за них их связь оказалась невозможной. И энергия ее неистовой любви превратилась в энергию неистовой мести: *«Негодяй, из которого я создала себе образ героя!.. Тряпичная душонка, способная только на то, чтобы пеленать ребят да проводить вечера за книжками с этим синим чулком... Так нет же! Не дам я им этого счастья!..»*

Но в этом еще не вся Евгения Константиновна. Истинную ее природу (родственную душу) способен был понять только один человек из их окружения — юрисконсульт Тюрянинов, негодяй высшей пробы, который тоже очень искусно рядился в одежды порядочного человека. Только он благодаря своему холодному проницательному уму сумел разгадать тайную страсть жены банкира и связать недостачу денег в кассе с ее местью Зеленову и только он был способен тягаться с ней в разработке механизма этой подлой интриги. У него был свой меркантильный интерес в том, чтобы Зеленов попал за решетку, но в способах достижения этой цели их взгляды расходились. Таким образом, для Евгении Константиновны

Тюрянинов стал одновременно и сообщником, и соперником. Конечно, никакого соперничества здесь она допустить не могла, но зато могла позволить себе роскошь хоть на короткое мгновение сбросить маску добродетели и не скрывать свою истинную натуру: *«Вы наживаете во мне страшного врага. Вы видите, я беспощадна... Я способна ненавидеть так же, как и любить. Я не из тех ряженых восковых фигурок, каких вы привыкли встречать. Я иду до конца и не даю становиться на моей дороге никому».*

Однако и в этом еще не вся Евгения Константиновна. Месть оказалась для нее вовсе не сладостной… Видя нравственные мучения и терзания Зеленова, особенно когда обожаемый им босс, которому он безгранично доверял и под честное слово выдавал из кассы деньги, теперь перед всеми обвиняет его в растрате, она не упивается тем, что он теряет свое честное имя и что ему грозит Сибирь. Но нельзя сказать, что она раскаивается в содеянном, хотя едва сдерживает себя, чтобы не броситься к находящемуся в беспамятстве Зеленову. Она просто теряет себя, теряет не только свою былую силу, но и способность быть живой: *«Что это со мной?.. Что такое происходит? Где я? И кто я? Жена Застражаева?.. Отчего же все мои мысли, все чувства около другого? Добрая я? Нет. Разве добрая способна на такую адскую интригу? Злая? Тоже нет. Злая не может так ужасно страдать, как страдаю я!.. Что же это со мной?.. Куда мне деваться? Бежать! От кого? От самой себя. Не смотреть себе в душу. Не видеть этой страшной пропасти. Ведь я падаю, падаю... Удержите меня! Удержите!»*

В этой пьесе, моралистической по своей идее, через образ Евгении Константиновны раскрывается разрушительная сила человеческих страстей. Представительница привилегированного сословия, умная и сильная женщина, к тому же хорошо образованная, прибегает к варварским способам разрешения своей жизненной проблемы. Ее дикая необузданная любовь оборачивается не счастьем, а множеством несчастий, в том числе и для нее самой. Как отмечает исполнительница этой роли Ирина Баранникова, в данном спектакле у нее появилась возможность попробовать свое мастерство на крепком драматургическом материале, где представлено множество смыслов человеческого бытия и где можно многогранно проявить свой актерский потенциал. Ее героиня отличается своей неоднозначностью, силой проживаемых чувств и эмоций, в переплетении которых интересно было находить глубинные личностные характеристики. И зритель наблюдал развитие образа Евгении Константиновны в самых разных и постасях: от ласточки-щебетухи, как вначале ласково называла ее мать Зеленова, до близкой к помешательству безумно страдающей женщины, сила которой погубила ее саму. Остается лишь добавить, что актрисе удалось очень органично сочетать самые различные характеристики своей героини, проявив при этом свой талант перевоплощения, а также чарующую силу женской притягательности, без которой эта роль не была бы столь яркой.

А в отношении мужских ролей — Зеленова и Застражаева — даже однозначно не скажешь, какая из них главная. На первое место как бы претендует образ Зеленова — ведь это он находится в центре внимания и вокруг него закручивается вся интрига. Но реальной движущей силой этой интриги является Застражаев, к тому же все действующие лица пьесы в большей или меньшей мере вращаются вокруг него, в том числе и Зеленов.

В роли Застражаева выступил заслуженный артист России Михаил Новаков, который очень хорошо запомнился по первым гастролям Ставропольского театра. Тогда, впервые увидев его в «Недоросле» Фонвизина, сразу стало понятно, что это тот редкий для нашего времени актер, который олицетворяет собой истинного представителя русского психологического театра, — чего стоит хотя бы его отточенное мастерство сценической речи! И, разумеется, в «Соколах и воронах» в своей роли он незаменим. К тому же, в этом спектакле артист настолько чувствует и умеет передать дух той эпохи, что зритель, увлеченный происходящим на сцене, как бы забывает, в каком веке живет.

Образ Застражаева также далеко не однозначен и в своем развитии постепенно приобретает множество самых противоречивых характеристик. Так, по своим деловым качествам он с самого начала спектакля предстает уверенным в себе и уважаемым всеми банкиром, у которого дела идут как нельзя лучше. Но в сценах, касающихся личной жизни, его уже не узнать: зритель видит слабого и неуверенного в себе немолодого мужчину, который всячески старается угодить своей молодой капризной жене. Когда к Застражаеву заходит юрисконсульт Тюрянинов (приближенный к дому человек, планирующий женитьбу на его дочери от первого брака), то в ходе их откровенной беседы проявляется беспокойство и душевное смятение хозяина: *«Какой-то туман застилает мой мозг, а в душе у меня целый ад. Я знаю только одно: мое счастье, мое личное счастье, которое, как безумный, сжимаю в своих руках, вырывается из них, скользит меж пальцев... я чувствую, что его теряю... Я не мог бы даже ответить вам, из чего это заключаю... Она очень внимательна, иногда даже она особенно ласкова, но... это не то... нет счастья, нет его...»* Застражаев крепко держит в руках крупный банк с множеством служащих, но во взаимоотношениях с женой его ум и воля оказываются парализованными. Мучаясь тяжелым предчувствием, он даже не смеет подать виду, что озабочен ее непонятным поведением.*«Я все ей отдал. Сердце, мысль, жизнь. Я уже не говорю о состоянии: мы с ней в три года прожили столько, сколько я не проживал в двадцать»*, — обнажает он перед будущим зятем свою душу.

И когда Евгения Константиновна вдруг потребовала у мужа слишком крупную сумму, которой у него не оказалось, ей не составило большого труда заставить его взять деньги в банковской кассе. А потом — еще и еще…И каждый раз он уверял Зеленова, что непременно все вернет, оставляя на взятую сумму векселя. Наконец произошло то, что и должно было произойти: один из вкладчиков, обратившись в банк, не смог получить свои деньги — в кассе не оказалось наличных. Все подозрения, естественно, пали на Зеленова. И вот с этого момента начинается стремительное перерождение образа Застражаева: с одной стороны, силой своего авторитета он на какое-то время подавил слухи о растрате, а с другой — абсолютно бездействовал и ничего не предпринимал, чтобы вернуть взятое. Более того, он бросил в лицо Зеленову обвинение, что тот в глазах вкладчика выглядел несолидно: *«Вчера вы вели себя как мальчишка. Вы растерялись до того, что не нашли двух слов... Всей этой вчерашней катастрофой я обязан одному вам… Конечно, когда с кассиром чуть ли не обморок делается при требовании из кассы денег, а служащие вытаращили глаза, — тут всякий идиот догадается, в чем дело».*В конце концов Зеленову ничего не оставалось, как просить босса о замене векселей деньгами — ведь в любой момент в кассу может явиться очередной вкладчик… Но он услышал лишь очередные упреки в неблагодарности за высокое покровительство и в недоверии к авторитету управляющего банком.

Но совсем иначе Застражаев ведет себя с Тюряниновым, когда тот напрямую спрашивает его, существует ли в кассе растрата. Поначалу он стал нервно отпираться: мол, все эти слухи — ложь и клевета. Тогда Тюрянинов начал слегка наступать — предложил назначить в банке официальную ревизию. Видя болезненную реакцию Застражаева на это предложение и его дальнейшие отпирательства, Тюрянинов своим проницательным умом практически все уже понял:*«Довольно, Лев Петрович!.. Со мной так нельзя разговаривать... Я ведь не Зеленов. Скажите лучше, что вы думаете делать? Деньги из кассы брали вы, а не Зеленов»*. В далеко идущих планах Тюрянинова имя будущего тестя должно было по-прежнему оставаться авторитетным, а банк — стабильным, поэтому действовать нужно было быстро, и он практически приступил к допросу: *«Вы заменяли деньги векселями?» — «Да.» — «Без ведома правления?» — «Конечно».* Вся проблема здесь заключалась в наличии векселей, и Застражаев, памятуя наставления

жены, заявил, что смог бы их оплатить, продав имение дочери, которое осталось ей по завещанию от матери. И вот здесь Тюрянинов по-настоящему вспыхнул: *«Я так и ожидал! Провороваться, а потом ограбить дочь!.. Я не позволю не только продавать, но даже закладывать имение!»* Полностью подчинив сникшего Застражаева своей железной воле, Тюрянинов начал витиевато рассуждать, что его нравственное чувство требует помочь отцу невесты выпутаться из петли, и бесстрастно заявил: *«Ваше место на скамье подсудимых должен занять Зеленов».*Застражаев опешил: *«Зеленов? Он-то чем виноват?» — «Как — чем? Тем, что он глуп». — «Он честен и доверчив». — «Ну да, я же и говорю, что глуп».* Эта сцена морального насилия с одной стороны и нравственного падения с другой закончилась безоговорочным наставлением Тюрянинова: векселя окажутся в руках Застражаева (как — не его дело), после чего он должен немедленно назначить ревизию и, обнаружив растрату, обвинить в ней Зеленова.

Итак, перед зрителем прошла череда мизансцен, позволяющих наблюдать метаморфозы психологического и душевного состояния Застражаева, и Михаил Новаков был в них не просто по-актерски убедительным, но и по-человечески настоящим — казалось, что все это происходит в действительности. И очень отрадно отметить, что в этих психологически насыщенных сценах у него оказался достойный партнер — молодой артист Александр Кошелевский, которому досталась также сложная и далеко не однозначная роль. Ведь образ Тюрянинова по ходу спектакля раскрывается с самых неожиданных сторон (здесь за скобками остаются его взаимоотношения с невестой, которая пребывает в счастливом неведении о том, с каким человеком собирается связать свою жизнь). Но еще более неожиданные характеристики этих двух персонажей вскроются ближе к концу спектакля.

Например, зрителю представятся сцены восхождения Тюрянинова к вершинам своей негодяйской природы. Для того чтобы выкрасть из банковской кассы векселя, он привлек отставного полицейского чиновника Штопнова, погрязшего в мелких интригах и пьянстве, который сначала жил за счет дочери-учительницы, а когда та стала женою Зеленова, то и за его счет. Это единственная в спектакле острохарактерная роль, исполнителем которой является артист Владимир Петренко, обладающий выраженным комическим даром. Его персонаж — пьянчуга необычный, не потерявший остроту ума, очень сообразительный и находчивый, к тому же обладающий артистической натурой. И все его таланты направлены на виртуозно обыгрываемое приспособление к людям и обстоятельствам ради выпивки или мелкой подачки. А здесь ему Тюрянинов предложил более-менее пристойную сумму, правда, предстоящая работа была очень сложной, и Штопнов в глубине своей воровской души оценивал ее намного выше, с учетом морального ущерба — ведь действовать предстояло против мужа собственной дочери.

И вот не без приключений, но чисто сделав свою подлую работу, Штопнов с чувством выполненного долга и в прекрасном расположении духа явился к Тюрянинову с векселями в кармане. Следуя своей артистической натуре, он воровской отчет начал было с театрализованного представления: *«По моей полицейской службе многое приходилось; но этакого часа проводить не случалось! Ах, дайте мне стакан вина... мне дурно… Достал! Нет, вы спросите, как достал? Кто-то из поэтов сказал: пучину черную греха не можно совестью измерить...»* Но Тюрянинову было не до спектаклей — ему не терпелось заполучить в свои руки векселя. А Штопнову, в свою очередь, хотелось провести сделку по устоявшимся воровским законам, и он затребовал десять процентов от суммы всех векселей, что было несопоставимо с тем скромным гонораром, на который он согласился вначале. Но об этом он заявил не сразу, а после серии витиеватых высказываний об унижении своей возвышенной души и о том, что просит справедливости и законности: *«Мой труд не оценен, моя жизнь поставлена в цену медного гроша».* Конечно, Тюрянинов тут же напомнил ему об их первоначальном уговоре. *«Позвольте узнать, он был у нас нотариальным или*

«Соколы и вороны».

домашним порядком заключен?» — лукаво парировал Штопнов, улавливая наметившийся перевес торга в свою пользу. А дальше пошла еще более тонкая игра, исход которой зависел от того, кто кого перехитрит. И Тюрянинов уже как будто согласился на условия Штопнова, но сказав, что денег у него с собой немного, вынул из кармана чековую книжку, вырвал из нее листок и вписал в него требуемую сумму. Все это он демонстративно проделал на глазах у Штопнова, после чего потребовал, чтобы тот показал ему векселя. Штопнов на это охотно согласился и, отойдя на некоторое расстояние, стал вынимать их один за другим, считая вслух. Убедившись, что все векселя в наличии, Тюрянинов предложил прозрачную и честную процедуру обмена: он кладет свой чек на один стол, а Штопнов векселя — на другой, после чего они переходят от стола к столу и каждый забирает свое. Естественно, векселя оказались у Тюрянинова в кармане в мгновение ока. А вот Штопнов тянул удовольствие. Взяв свою бумажку, он даже чмокнул ее и разразился умилительно-показным монологом: *«Господи! Всю жизнь ждал. Нищенствовал, побирался, на чужих хлебах, в чужом тепле. И вот на старости лет не то что пустой капитал, а целое богатство... Надо сейчас идти получить... Ведь сейчас выдадут... Не наш банк ведь, — вы, я знаю, в нашем не держите... Но какой же?..»* И наконец, поднеся бумажку к глазам, стал читать: *«Совет Общества покровительства животных просит вас... Что такое?.. Какие животные?..»* На что Тюрянинов бесстрастно ответил, что видит перед собой только одно глупое животное. Вот чем обернулась потеря бдительности бывшего полицейского от преждевременной радости: Тюрянинов действительно положил на стол собственноручно заполненный чек, но с ловкостью фокусника заменил его в тот момент, когда добытчик векселей отходил от него на пару шагов, чтобы продемонстрировать их в целости и сохранности. И вот уже Штопнов, потрясенный и униженный, на коленях умоляет расплатиться с ним хотя бы по первоначальному уговору. *«Позвольте узнать, он был у нас нотариальным или домашним порядком заключен?»* — откровенно издевается над своей жертвой Тюрянинов. И добавляет: *«Один вексель зажать надо было, дурова голова!»* Заключительным аккордом торжества над неудачливым соперником прозвучали его последние слова: *«Есть вороны, что падаль клюют, а есть соколы, что с налету бьют».*

Эта сцена торга, где один жулик так виртуозно перехитрил другого, одна из самых сильных в спектакле. В ней нет никаких постановочных эффектов: только авторский текст и актерская игра — проницательная, тонкая, с множеством нюансировок. Вот это и есть настоящий психологический театр.

А в кульминационной сцене, драматически насыщенной и напряженной, расставляющей все точки над і, природа русского психологического театра раскрывается с еще большей силой. В ней образ Застражаева приобретает окончательные и опять-таки противоречивые характеристики, а образ Зеленова наконец раскрывается по-настоящему.

Итак, Застражаев собрал членов правления банка, чтобы в их присутствии обвинить Зеленова в растрате, которая была обнаружена во время ревизии. А незадолго до их прихода у Тюрянинова с Евгенией Константиновной состоялся короткий «деловой» разговор: *«Вот в моих руках последняя соломинка, за которую мог ухватиться утопающий*, — с этими словами он бросил векселя в огонь. — *Я свое сделал. А вы скажите Льву Петровичу, что восемь его смертных приговоров сгорели здесь, в той же комнате, где через полчаса осудят другого с полным убеждением в правоте своего приговора. Посоветую вам одно: повести дело так, чтобы ваш супруг не дрогнул в разгаре сражения. Я боюсь только этого — а все остальное сделано с ловкостью фокуса»*.

И Евгения Константиновна с привычным ей мастерством тут же обволокла мужа той пеленой очарования, которой он так жаждал и которая делала его таким беззащитным. Она ему твердила о сожженных векселях и о том, что его слова теперь невозможно будет опровергнуть и, конечно же, о том, каким счастьем ему за все это заплатит: *«Будь только тверд полчаса... Что значит полчаса... Да? Будешь? Ты мне обещаешь?»* И бедный старый муж, находясь в этом сладком плену, обещал своей ненаглядной Женни исполнить все так, как она просит, но одновременно и высказывал свое опасение, не будет ли она потом его презирать. *«За что?»* — ангельским голосочком вопрошала она. *«За то, что я... вор. За то, что я гнусной интригой впотьмах убиваю невинного. Да, я это делаю, Женни, сознательно, делаю, и сам презираю себя… За это счастье жизни не жаль, ни своей, ни чужой»*.

И вот уже совсем другим предстает Застражаев в сцене судилища над Зеленовым. Вначале он начинает витиевато рассуждать о том, что желает помочь кассиру выпутаться из того крайне тяжелого положения, в которое тот сам себя так неосторожно поставил. Далее говорит, что не хочет и не может поверить в сознательность и умышленность этого поступка, а если точнее — преступления. А Зеленов, в изумлении выслушивая это, все еще держится, не смея бросить в глаза шефу слова правды. Но наступает момент, когда он уже не в силах молчать: *«Послушайте, Лев Петрович, всякому терпению есть свои границы, как и всякой услужливости. Зачем, зачем вы это делаете? Ведь вы знаете, есть положения, при которых можно забыть все: и дружбу, и благодарность, и даже уважение... Неужели мне нужно говорить яснее?»* После этого Застражаев уже пошел в атаку: сначала несказанно возмутился, что Зеленов посмел с ним так говорить, а потом резко заявил, что в кассе недостает девяноста семи тысяч. *«Так есть ваши векселя на эту самую сумму!»* — уже само собой вырвалось у Зеленова. *«Что-о? Что вы смели сказать?» — «Что вы брали эти деньги у меня то лаской, то мольбой, то угрозой, что вы вашей честью клялись мне в критический момент выручить векселя, которые вы мне давали, именьем вашей дочери, что не дальше как вчера вы со слезами умоляли меня держаться из последних сил, пока не все погибнет. Я теряю место, я теряю мой кусок хлеба, я в Сибирь иду за то, что положился на ваше слово!»* И тут Застражаев взмолился перед членами правления о защите чести и достоинства, а на кассира набросился с вызовом: *«Векселя покажите!»* Теперь уже Зеленову ничего не оставалось, как броситься в кассу. А в это время Тюрянинов быстро послал за полицией.

Получив еще более мощный удар от кражи векселей и понимая, что уже никак не сможет доказать свою невиновность, Зеленов не обезумел от ненависти к Застражаеву, более того, он понял, что это не его рук дело: *«Но это не вы, не вы сделали, Лев Петрович, не вы...Вы... я ведь это знаю... вы честный человек...»* И, опустившись на колени, он стал умолять своего обвинителя сказать правду и этим спасти его. *«Встаньте, Зеленов. Я вас спасти не могу»,* — продолжал держаться Застражаев. Полностью осознав тщетность своей мольбы о правде, Зеленов не сник окончательно, а как бы расправил крылья и обрел второе дыхание. Его не пугали угрозы Тюрянинова о скором аресте, и он безбоязненно заявлял, что здесь, законом прикрывшись, людей губят… И перед тем как от этого бесчеловечного удара упасть без чувств, он еще смог выкрикнуть в открытое окно: *«Здесь стая воронов живого человека клюет!»*

Можно сказать, что через образ Зеленова автор показал извечную трагедию «маленького человека». Его высокие человеческие качества сильными мира сего не ценятся, ими только пользуются. И как явствует из всей этой истории, он от начала до конца остается самим собой — человеком чистым, благородным и безупречно порядочным. И ни на кого не пытается быть похожим. А вот те, кто относит себя к высшему обществу, таят свое истинное лицо и пытаются изобразить из себя высокоморального человека, подобного Зеленову.

В этой роли выступил молодой артист Олег Хомутов, которому, конечно, было не так просто работать в одной связке с маститыми актерами. В первой сцене с участием Зеленова (когда он неожиданно застает в своем доме Евгению Константиновну) зритель видит в нем абсолютно наивного и неискушенного в жизни молодого человека, в котором вряд ли можно угадать внутреннюю силу и настоящий мужской характер. Из-за того, что образ Зеленова, в отличие от других, автором не подается в конкретной детальной разработке, эти его качества проявляются лишь к концу спектакля. А о чистоте его морально-нравственного облика зритель узнает в основном опосредованно, через реплики других персонажей. Но при этом в образе Зеленова четко вырисовывается самое главное — его цельность, самодостаточность и непримиримость. Можно сказать, что автор создавал его как своеобразный типаж положительного героя, как образец того человеческого идеала, к которому следует стремиться.

А в финале пьесы, когда судилище над невиновным достигло своего апогея, автор дает последнюю, ключевую характеристику виновному в этой интриге. Застражаеву хватало сил держаться и обвинять Зеленова вплоть до того момента, пока тот не впал в беспамятство. Но в течение этой неожиданной паузы ситуация коренным образом изменилась. Евгения Константиновна, в свою очередь, впала в истерику. Она обвиняла своего домашнего доктора в небрежности при осмотре Зеленова и сама уже рвалась к нему. Неожиданное столкновение с женой Зеленова только обострило ее истеричное состояние, и она, выдавая себя с головой, начала противопоставлять ей себя. И окончательному разоблачению Евгении Константиновны поспособствовала мать Зеленова, которая, придя «поблагодарить» Застражаева за Сибирь для ее сына, настоятельно советовала ему хорошенько допросить свою молодую жену, зачем она у нее, старухи, по три-четыре часа просиживала и отчего, как сказал Сереженька, что он жениться задумал, с ней дурно сделалось... Стоящая рядом с мужем Евгения Константиновна, совсем уже не владея собой и забыв, что полностью рушит созданную ею же конструкцию, вовсе не стала отпираться, а, наоборот, в красках живописала мужу свою любовь к Зеленову. *«Умоляю тебя, скажи, что это выдумка! Солги, но скажи, что это неправда, что ты любила меня!..»* — *«Никогда»,* — с хладнокровно отрешенным видом ответила она.

Застражаев в этот миг был уже живым трупом. И когда в доме появился судебный следователь, он с возгласом *«Блестящая мысль!»* в присутствии всех, в том числе и пришедшего в себя Зеленова, произнес свои последние слова:

«Аккомпаниатор».

«Я приглашал вас для того, чтобы предать в руки правосудия кассира Сергея Павловича Зеленова, которого два часа тому назад я в присутствии правления обвинял в растрате. Заявляю вам теперь, что я клеветал на господина Зеленова. Деньги из банка украл я! Вы слышите, господа, все! Я украл деньги… Зачем? Затем, чтобы уплатить долги, которые я сделал благодаря вот этой разв... разв...» И, схватившись рукой за горло, он упал замертво. Находящийся рядом доктор бесстрастным голосом произнес: *«Разрыв сердца. Он умер».*

Но это не только классическая концовка пьесы, в основе которой лежит губительная любовь к роковой женщине. По содержательности драматургического материала это психологическая драма с рядом блестящих психологических зарисовок. И здесь невольно снова возникают параллели с «Анной Карениной». В романе Толстого, так же как и в пьесе Сумбатова-Южина, нет великих исторических событий, но в обоих этих произведениях поднимаются общечеловеческие темы, близкие и понятные каждому. Достоевский находил в «Анне Карениной» огромную психологическую разработку души человеческой, но ведь то же самое мы видим в «Соколах и воронах». И в обоих этих произведениях отражено несовершенство человеческого общества, в котором идет бесконечная борьба добра и зла.

О том, что традиции русского психологического театра продолжают жить и в постановках современных авторов, красноречиво свидетельствует спектакль «Аккомпаниатор», поставленный по пьесе одного из самых известных советских и российских драматургов Александра Галина, написанной им в 1998 году. Поставил этот спектакль известный московский режиссер народный артист России Юрий Еремин — большой друг Ставропольского театра, который сотрудничает с этим коллективом уже много лет. Характерной творческой чертой этого режиссера является тонкая психологическая проработка характеров и заостренное обозначение конфликта пьесы. Как раз это мы и видим в его постановке, хотя драматург жанр этого произведения определил как комедию. В спектакле, конечно, комедийная основа сохранена, но по ходу действия она очень органично перетекает в мелодраму, а в кульминационных моментах уступает место истинной драме.

В спектакле всего лишь четыре действующих лица, и все они главные; персонажей второго плана здесь нет. Действие начинается с очень камерной атмосферы: зритель видит некогда хорошо обставленную квартиру, на что указывают остатки интерьера, свидетельствующие, что ее хозяева — интеллигентные люди. По комнате с красиво задрапированным большим окном, похожим на экран, в задумчивости прохаживается немолодая интеллигентного вида женщина. Это Жанна Владимировна Кораблева — вдова крупного ученого, бездетная, всеми своими мыслями погруженная в воспоминания о любимом муже. Она даже издала книгу воспоминаний о нем, но не представляет, как распространить тираж, поэтому нераспакованные пачки книг, привезенные из типографии, так и лежат у нее дома. Вскоре появляется еще одна немолодая, но уже простоватого вида женщина — Светлана Васильевна Сверчкова, тоже одинокая и бездетная, которая нагрянула в дом к Жанне Владимировне совершенно неожиданно и по совершенно неожиданному поводу. А чуть позднее к ним присоединяется пожилой одинокий вдовец — Изольд Тимофеевич Кукин, человек оригинальный во всех отношениях: неудавшийся оперный певец, завершающий карьеру в хоре ветеранов, он ведет себя как представитель богемы, а посему и выглядит экстравагантно (чего стоит только его жгуче-черный парик). И наконец, четвертое действующее лицо — очень симпатичный и интеллигентный молодой человек по имени Гриша, благодаря которому судьба свела первых трех персонажей, которые ранее даже не догадывались о существовании друг друга.

Все началось с чересчур активной старушки Сверчковой, которую опекает этот самый Гриша. Она совершенно случайно увидела его на улице с той же сумкой, в которой он ей приносит продукты. И направлялся он с этой сумкой вовсе не к ней. Какое-то смутное подозрение подтолкнуло старушку на слежку, и путем простого дедуктивного метода и опроса таких же старушек, сидящих во дворе дома, куда ходит Гриша, она быстро собрала необходимые сведения: ее опекун, оказывается, присматривает здесь за пожилой дамой… Проснувшиеся детективные способности помогли Сверчковой выявить и третьего Гришиного подопечного — вдовца Кукина. И у всех у них были не просто хорошие, а великолепные квартиры в центре города. Подозрения старушки особенно усилились после того, как у нее из кладовки пропал пузырек яда для тараканов, и она окончательно решила, что дальше медлить нельзя.

Со всеми этими сведениями и появилась Светлана Васильевна Сверчкова в квартире то ли конкурентки, то ли подруги по несчастью Жанны Владимировны Кораблевой. *«Не хуже овчарки была милицейской»*, — живописала свою следственную деятельность Сверчкова и рассказала, что Гриша стал ее опекуном по совету врача «скорой помощи», очень милой и сердечной девушки по имени Олеся, которая оказалась его женой. И далее предложила: *«Давай сообща действовать. Поодиночке он нас приговорит. Давай все соберемся и сделаем ему очную ставку!»* И посоветовала Кораблевой не есть ничего, что приготовит ей Гриша, который должен был вскоре у нее появиться. *«Следующая за вами... в девять часов буду у него я. Он мне каждый вечер укол делает»*, — уходя, заметила Сверчкова.

Выдержанная и немногословная Кораблева, как будто спокойно отреагировавшая на столь неожиданную новость, предостережения Сверчковой мимо ушей не пропустила. И когда Гриша напомнил ей о лекарствах и подал выпить таблетки, она их незаметно выбросила… А когда он пошел на кухню готовить ужин, то стала просить его не торопиться и остаться с ней сегодня подольше. *«Мне в бассейн к девяти»*. — *«Хорошо. Я пойду с тобой»,* — настаивала она, обосновывая свою странную просьбу желанием прогуляться и увидеть вечернюю подсветку новых домов... Но видя, что с прогулкой до бассейна ничего не выйдет, Жанна Владимировна снова стала настаивать, чтобы Гриша задержался: *«Ты остаешься, и мы отмечаем выход в свет моих воспоминаний. Я приглашу двух немолодых*

людей. Они будут рады тебя увидеть». С каждой новой репликой интрига возрастала, и на этом фоне все более четко проступал тонкий психологизм мизансцены. А дальше — больше: убедившись, что к девяти к Сверчковой уже не попасть, и улучив удобный момент, Гриша стал тайком звонить жене, чтобы та как-то с ней разобралась… Так получилось, что как раз к этому дню Жанна Владимировна приготовила Грише ценный подарок: зная, что он работает аккомпаниатором при хоре ветеранов и у него нет приличного костюма для выхода на сцену, она купила ему фрак и теперь попросила его примерить. Смирившийся Гриша уже был на все согласен: *«Я вам буду во фраке подавать…»* — грустно пошутил он.

А тут как раз и гости подоспели. Но Гриша, занимаясь на кухне, столкнулся с ними не сразу. А когда он, во фраке поверх майки, наконец появился в комнате с сервировочным столиком, то немой сцены не произошло… Увидев, кто к Жанне Владимировне пожаловал, он нисколько не испугался и даже не смутился, возможно, лишь слегка удивился. Эффекта очной ставки, которую лелеяла в мыслях Сверчкова, просто не получилось. Гриша как ни в чем не бывало продолжал обслуживать гостей. Правда, его услугами пользовался лишь один Изольд Тимофеевич, с большим аппетитом набросившийся на все предлагаемые яства, которые с большим удовольствием запивал вином. Сверчкова поначалу пыталась всячески препятствовать его трапезе, но убедившись в тщетности своих усилий предотвратить отравление, она в сердцах бросила: «*Черт с тобой! Ешь…»*

Вообще предполагаемая сцена очной ставки превратилась в парад характеров всех ее участников и приобрела выраженную комедийную ноту, где тон задавал экстравагантный Изольд Тимофеевич. В этой яркой характерной роли предстал Михаил Новаков, который в предыдущем спектакле выступил совсем в ином амплуа. Здесь же его персонаж был во всем нарочито гиперболизированным и как бы оторванным от действительности. Идя в гости, Изольд Тимофеевич даже толком не знал, к чьим родственникам ведет его Сверчкова и чьего сына ему предстоит там увидеть. (А все потому, что он не слышал ее причитаний, что сынок-то теперь у них один — Гришенька, и что через него все они стали родственниками.) Оказавшись в квартире незнакомой интеллигентной женщины, он очень своеобразно выразил свое непонимание ситуации: *«Может быть, здесь намечается масонское ложе?» — «Масонская ложа»,* — поправила его Жанна Владимировна. *«Ложа? Мне всегда казалось — ложе».* И, картинно отставив руку, запел: *«Взошла я на ложе-е…»* А потом представился: *«Моя фамилия Кукин. Друзья называли в молодости кукиным сыном».* А когда он увидел появившегося из кухни Гришу, то нисколько не удивился, а сразу для себя решил, что попал в гости к его матушке. Зато он удивился другому: *«Что это: дома ты носишь фрак, а на сцене я постоянно тебя вижу в каком-то понуром пиджаке».* Изольд Тимофеевич еще долго пребывал в счастливом неведении, наслаждался трапезой и балагурил, и никто его ни в чем не переубеждал. А потом он сел на своего любимого конька: отработанным движением достал из внутреннего кармана свой драгоценный архив — пакет со множеством фотографий женщин, с которыми сводила его судьба, и с упоением предался воспоминаниям…

Обе его собеседницы, столь различные между собой, в душе относились к нему, можно сказать, одинаково — как к большому ребенку, только выражали это по-разному. Поведение Кукина мешало им сосредоточиться на том, ради чего они здесь собрались, и Гриша, как бы идя им навстречу, сам начал трудный разговор — стал рассказывать своему подопечному, что заботится не только о нем одном: *«Прихожу к ним и к вам тоже... К вам и к ним…»* Но услышанное нисколько не удивило и не покоробило Изольда Тимофеевича, напротив, он стал отпускать шуточки в том духе, что даже сам Зигмунд Фрейд не смог бы объяснить такое странное пристрастие Григория к старушкам. Как-то незаметно напряжение стало спадать, и уже все четверо общались между собой в привычной всем манере. Выяснилось, что похищенным у Сверчковой ядом Гриша

боролся с нашествием тараканов в квартире Кукина, которых тот на своей одежде уже начал приносить в клуб ветеранов… И чем дальше, тем все масштабнее вырисовывалась картина взаимодействия Гриши с его подопечными: все они были досмотрены, ухожены и окружены заботой. Старушку Сверчкову он даже из ложечки кормил, когда та совсем занемогла (о чем она сама рассказывала Кораблевой), и выходил настолько, что у нее появились силы для слежки за ним. А Кораблеву он очень терпеливо отучивал от курения, лучше ее самой знал, какие лекарства и когда ей следует принимать, и всегда угадывал, что ей приготовить на ужин. Но самое главное — помимо помощи по хозяйству, Гриша разделял досуг Жанны Владимировны: читал ее рукописи, обсуждал будущую книгу, знакомился с ее богатой домашней библиотекой… Подобные взаимоотношения у него были и с Кукиным — сделав все необходимое по дому, Гриша оставался, и вместе они слушали записи лучших певцов мира, разбирали великие арии…

В конце концов, организатор очной ставки Сверчкова со свойственным ей простодушием промолвила: *«Извини, Гриша… может, и не надо было мне этого всего заводить. Конечно, если задуматься, то плохого ты мне ничего не сделал… Только я ведь к тебе сердцем, понимаешь, так что ты мою обиду пойми… Душа болит ведь, Гришенька... болит…»* Вот и обнажилось то самое главное, что побудило эту старушку на проведенное ею следствие: обида, своеобразная ревность и боязнь остаться на закате жизни совершенно одной… Не менее обиженной, а может, даже уязвленной чувствовала себя и Кораблева, но ничего подобного Грише она не говорила, а просто, стараясь быть хладнокровной, предложила ему расчет: «*Вы у меня проработали почти два года... без выходных… без отпуска. Я вам все оплачу».*Эту идею тут же подхватила и Сверчкова… Два этих женских персонажа выписаны автором как различные типы представителей того социального слоя общества, для которых одинокая старость является главной причиной их морально-психологическая уязвимости. В роли образованной и интеллигентной Кораблевой выступила Наталья Зубкова. В первый приезд Ставропольского театра эта выдающаяся актриса очень впечатлила минского зрителя острохарактерной ролью Простаковой в спектакле «Недоросль», а теперь она предстала в совершенно противоположном образе — сдержанной, невозмутимой, умудренной жизнью пожилой женщины, с благородной стойкостью принимающей свою дальнейшую безрадостную участь. И совсем другой рядом с ней выглядит Сверчкова в исполнении Людмилы Дюженовой — не претендующая на интеллигентность, простодушная и непосредственная старушка, у которой что на уме, то и на языке. Невзирая на свою порой нарочитую грубоватость, особенно по отношению к Изольду Тимофеевичу, она, тем не менее, покровительственно относится к этому беспомощному перед жизненной реальностью старику, не способному изжить в себе комплекс удачливого ловеласа. Например, когда до Кукина наконец дошло, что Гриша, которого он считал своим другом, оставляет на произвол судьбы не только этих двух женщин, но и его, то в своем отчаянии он уподобился ребенку, и Сверчкова, самая немощная из них, сразу почувствовала себя сильнее: *«Пойдем, Изольд… Пойдем, милый... доведу тебя до трамвайной остановки. Постою с тобой...»* А тот из последних сил хорохорился: *«Что я, не стоял на трамвайных остановках?! И стоял, и лежал…»*

Эти три персонажа, в общем-то, однозначны в своих характеристиках, можно даже сказать, что это определенные социальные типажи. Чего не скажешь об образе Григория, характер которого раскрывается на протяжении всего спектакля, на чем, собственно, и держится интрига пьесы. В этой сложной роли зритель снова увидел молодого артиста Александра Кошелевского; и если в спектакле «Соколы и вороны» сущностные характеристики его героя претерпевают ступенчатое развитие от знака плюс до знака минус, то в «Аккомпаниаторе» — чуть ли не с точностью до наоборот. В начале спектакля Григорий воспринимается как прагматичный молодой человек, которого не смущает такой специфический

«Аккомпаниатор».

способ материального обогащения: оказание услуг престарелым в обмен на их жилье. И его жена-врач действительно подбирала для этого «варианты». Первой у них оказалась Кораблева, но вскоре выяснилось, что она — не «вариант», так как у нее будет много наследников: Академия наук, музеи, библиотеки… Поэтому Гриша перешел к подходящему «варианту» — Сверчковой. Но при этом продолжал совершенно безвозмездно заботиться о Кораблевой, из-за чего у него с женой возникли конфликты и он вынужден был уйти из дому. Так у него появился Кукин, у которого он жил и о котором заботился. Но об этом зритель узнает не сразу и довольно продолжительное время гадает, кто же на самом деле этот аккомпаниатор: если тот, кем показался вначале, то чем объяснить примеры его явной заботы о своих подопечных, требующей к тому же немалого труда; а если он действительно такой человеколюбец и альтруист, то почему не делает свое дело явно, а обманывает этих доверчивых стариков?.. (Вариант с ядом, конечно, никем всерьез не воспринимался — этот ход был придуман автором для более яркой характеристики образа самой Сверчковой.)

Но как бы там ни было, обе женщины со свойственной им рассудительностью уже всерьез задумались об оформлении на Гришу завещания, хотя он их к этому никак не подталкивал, а Изольд Тимофеевич пришел к этой мысли лишь тогда, когда сцена Гришиного изобличения, похожая на сцену ревности, приобрела такой неожиданный поворот. *«Изольд, тебе-то Гришка зачем? Что, у тебя своих детей нет, что ли? При таких архивах наковал, наверно, на пару приютов!»* — в своей привычной манере пыталась остановить его Сверчкова. Действительно, детей у Кукина было немало — больше десяти, а о количестве внуков и правнуков он мог только догадываться, но такое обилие наследников не избавляло его от одиночества, а наоборот, прибавляло жизненной горечи: *«…они только и ждут моей смерти!.. Квартира их просто сводит с ума… Они ходят кругами… они узнают друг у друга, жив ли я!.. Каждый пришел и предложил… съехаться… разъехаться…»*

В общем, в тот момент, когда все трое Гришиных подопечных устроили своего рода соревнование за его внимание и заговорили об оплате его труда и своих завещаниях, он деликатно, но твердо всем заявил, что на этом его взаимоотношения с каждым из них заканчиваются и никто ничего ему не должен, а

Сверчковой посоветовал поскорее позвонить в больницу и договориться, чтобы кто-то ей делал уколы… На предложение старушки принести ему деньги завтра Григорий ответил, что, начиная с завтрашнего дня, он будет занят: наконец-то у него появилось время для оказания услуг вдове известного полярника, которую нужно сопровождать на Кипр.

А финал спектакля оказался, с одной стороны, неожиданным, а с другой — являл собой не окончание этой истории, а ее восхождение на новый виток развития. После возвращения Григория из поездки на Кипр он встретился на квартире у Кораблевой со своими бывшими подопечными, но уже в уменьшенном составе. За это время старушка Сверчкова умерла, оставив ему и завещание, и все свое имущество, и ключи от квартиры. А от попыток Кукина вручить Грише свое завещание он вежливо отказался: *«…меня ваши дети по судам затаскают, обвинят во всех смертных грехах… Я жил у вас, за квартиру вы с меня не брали — считайте, что мы квиты».* Ничего он не взял и у Кораблевой… Но в ответ на настойчивые просьбы обоих не покидать их Гриша предложил им нечто совершенно неожиданное — контракт, и объяснил, что они с женой недавно открыли фирму и что со своей новой подопечной он работает именно на контрактной основе. *«Теперь все будет официально: контракты, перечень услуг… Заказов хватает; и никто меня больше не будет считать негодяем…»* — резюмировал свою позицию Григорий. И по всему было видно, что такой вариант взаимоотношений сильно озадачил, однако не сильно расстроил и Кораблеву, и Кукина. Возможно, новая определенность отношений им покажется не хуже былой неопределенности.

При всей пронзительности и щепетильности темы одиночества на склоне лет в этой постановке прослеживается также тема ответственности за свою судьбу, что ярче всего проявилось на образе Кукина. И как ни крути, а из всех четырех персонажей пьесы если не самым мудрым, то самым ответственным — и за себя, и за других — оказался представитель молодого поколения, трезво оценивающий современные реалии жизни, умеющий найти в ней свое место и реализовать свое человеческое призвание.

Режиссеру-постановщику спектакля Юрию Еремину принадлежит также его художественное оформление и разработка костюмов. И этот целостный авторский подход проявляется во всей постановочной эстетике и единстве стилевого решения спектакля, чему подчинены его световое оформление и общий колорит сценографии и костюмов, выдержанных в черно-белой гамме. Особый акцент сделан на окне в квартире Кораблевой, которое несет на себе особую функциональную нагрузку: превращаясь в нужные моменты действия в экран, оно отображает вид на центр Ставрополя, в частности — на красивый сквер у здания театра. А на стене квартиры на самом видном месте висит портрет мужа Кораблевой, на котором в действительности изображен видный ставропольский ученый-краевед Владимир Георгиевич Гниловской. Есть в спектакле и другие «метки», понятные только ставропольчанам, например, названия улиц и других объектов города, что делает постановку еще более близкой их сердцам.

И что особо хочется подчеркнуть: в этом спектакле, как и в предыдущем, нет никаких постановочных и сценических эффектов, но внимание зрителя просто приковано к сцене, где действие держится на сильной драматургии и отточенном актерском мастерстве, что всегда определяло суть русского психологического театра.

Искусство суждения

Татьяна ПЕТРОВСКАЯ

Биология + литература,
или Отражение темы взаимоотношений между мужчиной и женщиной в белорусской литературе для подростков

Детская литература — это всегда некоторая пропорция дидактики и развлечения, игры. С подростковой литературой все сложнее. Это не значит, что автор для тинейджеров не руководствуется задачей воспитать/развивать/передать/научить. Просто попытка подать такую задачу в лоб заканчивается фиаско. Необходимо искать такую форму, при которой подросток поверит автору, несмотря на взрослость и даже некоторую табуированность темы, будет откровенен. Подростковая литература «про это» — во многом провокация для взрослых, переворот в их представлениях о собственных детях: мое чадо причастно к данной теме лишь теоретически. Именно поэтому от автора подобных книг требуется определенная смелость и понимание того, для кого его книга создана. И в этом плане следует учитывать следующие факты.

1) Литература для среднего и старшего школьного возраста — это, прежде всего, качественное средство социализации и инкультуризации. Чтобы понять интересы современных подростков, нужно учитывать социокультурный климат, в котором они находятся. Особенность процесса современной социализации подростков в Беларуси заключается в том, что он проходит в условиях ценностной неопределенности, так как старые ценности деформированы, новые механизмы передачи ценностей от старшего поколения для младшего еще формируются. Ситуация осложняется тем, что любая попытка открыто воспитывать воспринимается подростками негативно, поэтому в таком возрасте успехом пользуется нереалистичная литература. Фэнтези и фантастика прежде всего обслуживают развлекательные функции подросткового чтения, в реалистичной же литературе авторы чаще всего обращаются к собственному опыту. По этой причине важной особенностью реалистичной подростковой прозы является слияние рассказчика и главного героя.

2) Половое созревание как самый главный «двигатель» поведения подростка. Психологи, описывая каждый возраст, обычно выделяют новообразования определенного периода жизни. В подростковом возрасте таких новообразований — максимальное количество, а значит, и литература для подростка должна соответствовать тем масштабным изменениям, которые происходят в его психике. Пожалуй, половое созревание — это все же одно из самых главных «событий» данного возраста, что вызывает тревогу у взрослых, которые по понятным причинам не могут контролировать эту новую сферу жизни ребенка. Именно поэтому тема отношений между девушкой и юношей выходит на первое место в подростковой литературе. Однако способ ее раскрытия в различных книгах различается: от сакрализации первой любви к поиску первого сексуального опыта. При этом неизменно тема первого сексуального опыта будет фигурировать в комплексе подростковых проблем, которые, как правило, связаны с удовлетворением шести основных потребностей: физиологической (физическая и сексуальная активность), психологической безопасности (реакции «имитации» и «группирования»), в независимости (эмансипация от родителей), в привязанности (первые

романтические увлечения), в успехе, проверке своих возможностей (рискованное поведение), в самореализации и развитии собственного «я».

3) Инфантилизм современного подростка. Характерной чертой современного подростка является его инфантилизм, который стал результатом излишней опеки взрослых. Показателем такого инфантилизма является популярная среди подростков книга «50 дней до моего самоубийства» Стейси Крамер. Произведение написано в дневниковом стиле и лишено всякой воспитательной доминанты. Главная героиня находится в постоянной атмосфере конфликтов родителей, неудач в личной жизни, поэтому решает покончить жизнь самоубийством, однако все же хочет дать себе шанс, целых пятьдесят дней для того, чтобы попробовать в жизни что-то лучшее. Но попытки познать взрослую жизнь приводят к более тяжелым проблемам. Дневниковый характер книги делает ее абсолютно герметичной для взрослых, они выполняют в книге роль отрицательных персонажей. Автору можно было бы простить суицидальную, сексуальную и наркотическую пропаганду в книге при условии, что главная героиня сделала хотя бы один шаг в своем совершенствовании, духовном росте. Однако от начала до конца книги девушка находится в водовороте взрослой жизни, по-детски трагедийно воспринимая каждое событие, и не делает ни одного вывода. Традиционное углубление подростка в свои чувства в книге гипертрофировано в эгоистичное устремление получать исключительно наслаждение от жизни, при этом не думая о своих друзьях, родителях.

4) Повышенный интерес подростка к сфере взаимоотношений мужчины и женщины. Следует отметить, что книга Стейси Крамер приведена как пример здесь неслучайно. Она является самой популярной по итогам опроса, проведенного в двух учреждениях образования г. Гомеля (Беларусь) среди подростков 15—17 лет. Интересными оказались результаты ответов на вопрос «Чего не хватает в книгах, предназначенных для вашего возраста?»

Настоящая школьная жизнь — 29 %.

Борьба добра и зла — 23 %.

Любовь — 21 %.

Интимные отношения между женщиной и мужчиной — 15,4 %.

Отношения с родителями — 7 %.

Показательно, что сфера отношений между мужчиной и женщиной в совокупности является самой востребованной у подростков. Надо ли говорить, что бестселлер «50 оттенков серого», предназначенный совсем не для подростков, среди них же и стал самым популярным. Ведь главная героиня книги и есть та самая подростковая мечта: неуверенная в себе и невзрачная девушка влюбляет в себя красивого и богатого мужчину. Не так страшны даже откровенные сцены в книге, как отсутствие понятия любви, истинной заботы друг о друге.

Приведенные в пример две книги из списка популярного среди подростков чтива убеждают, что написать интересную книгу для тинейджера достаточно просто. Другое дело, что по-настоящему она станет книгой для подростков, если будет апеллировать не только к их интересам, но и послужит побуждающим механизмом к росту личности подростка. Идеальная книга для подростка — это, безусловно, книга с двойной адресацией. Причем читателями являются не просто подросток и взрослый, а подросток и взрослый, стремящийся понять подростка. В этом смысле хорошим примером является книга **В. Гапеева «Уроки безопасной любви»,** которая как раз показывает, насколько критической является сегодня взрослая пропаганда «безопасной» любви. Десятиклассники фактически взбунтовались против непоследовательной логики взрослых относительно их полового воспитания. На мероприятии, посвященном профилактике СПИДа, взрослые уверяют, что лучшая защита от СПИДа — это надежная контрацепция. При этом мать десятиклассницы бьет свою дочь, когда находит в ее сумочке презерватив, который подбросили ей ребята в шутку. Для подростков как читателей в книге важна сама идея уважения их интересов и взглядов. Но более важная идея

заключена в книге именно для взрослых. Необходимо ли вообще половое воспитание в наших школах, и если необходимо, то какое, и как сделать так, чтобы оно не отличалось от взглядов семьи на эту проблему? Однозначного ответа на этот вопрос нет. В книге показаны лишь две крайности: очередной формальный разговор на тему СПИДа в школе и пощечина от матери. И то, и другое — своеобразная профилактика определенных ошибок, только ее эффективность очень низкая. При этом в книге озвучены не только взгляды на проблему подростков, но и взрослых. Очень важные слова в этом смысле произносит учительница: «Когда мне было шестнадцать, был и у меня такой случай. Услышала я от матери далеко не самые красивые слова о себе. Без причины. Без оснований. И так я возмутилась... Как и вы сегодня. И вот у меня сегодня доченька десятилетняя. Теперь я понимаю свою мать... И я простила ей совершенно ту свою обиду» [1, с. 15]. Забота и страх за собственное дитя, желание его обезопасить часто приводят к тому, что чувства и желания подростка остаются неуслышанными. Фактически в книге герои только пытаются выстроить диалог, причем инициаторами являются именно дети.

Полноценный же диалог подростка и взрослого показан в книге **А. Жвалевского и Е. Пастернак «52 февраля».** Выстроить этот диалог взрослым помог, пожалуй, единственный действенный способ, с помощью которого можно понять подростка, а именно — вспомнить себя самих в этом же возрасте. В аннотации к книге авторы предлагают родителям в качестве рекомендации почитать самую «нецензурную» страницу, где описывается попытка первой интимной близости подростков. В основу произведения положен реальный факт — снежный буран в Минске в 2013 году, который случился как раз в начале весны. Природный катаклизм становится решающим для сюжета книги, так как родители остаются один на один с собственными детьми в замкнутом пространстве и вынуждены общаться с ними. Общая тема находится не с первого раза, потому что, как выясняется, родителям не о чем разговаривать с детьми. Однако в скором времени находится тема, которая оказывается близкой обоим поколениям — первый опыт любви. Отец Темы и мать Дины рассказывают о своих первых отношения в 15 лет. История их любви достаточно светлая, красивая, не лишена при этом конфликтов. Довольно правдиво отец Темы описал свою борьбу с собственными гормонами, первым сексуальным желанием. Именно психологическая неготовность влюбленных подростков к первой интимной близости становится главной причиной их первого расставания, поэтому при восстановлении отношений они решают обходить эту тему, и это делает их чувство еще более искренним и гармоничным. Однако самым главным уроком как для героев-подростков книги, так и для читателей становится непредсказуемый финал этой истории. Композиция произведения складывается таким образом, что читатель уверен: история влюбленных — это и есть история любви мамы и папы как супругов. Поэтому абсолютно неожиданными оказываются слова матери: «А потом я встретила твоего папу» [2, с. 120]. Таким образом, развенчан миф подростка о судьбоносности первой любви. Несомненно, что все физиологические подробности взаимоотношений с противоположным полом дети легко способны постичь без родителей через опыт сверстников, интернет, однако совмещение физиологии с новыми чувствами и реальными людьми часто воспринимается искаженно. Реальный опыт родителей, безусловно, все же имеет определенный авторитет для детей, помогает преодолеть этот дисбаланс, ориентируя подростков на позитивное отношение ко всему, что происходит в их жизни. Таким образом, для читателей-подростков эта книга станет еще одним подтверждением, что не стоит торопить время, лучше наслаждаться новыми чувствами, не усложняя их «взрослыми» отношениями. И тогда та самая первая любовь навсегда останется в жизни как нечто позитивное и светлое. Для взрослых эта книга, возможно, еще более ценная, ведь фактически в ней и создан своеобразный идеальный разговор «про это», лишенный морализаторства и выстроенный на собственном опыте.

Если предыдущие книги нацелены именно на обсуждение с подростком краеугольной темы, то в повести **В. Гапеева «Первая боль, или Доказательство закона красоты»** подростки переходят к действиям. Поэтому взрослых там почти и нет. Надо отметить, что все герои-подростки В. Гапеева довольно взрослые для своего возраста: они самостоятельно зарабатывают на жизнь и зрело мыслят. Но несмотря на это, автор досконально правильно описывает непредсказуемость и мгновенность тех изменений, которые происходят с подростком, когда переходит он во взрослое состояние. Не является исключением и шестнадцатилетняя Катя, которая по семейным обстоятельствам вынуждена жить на даче и большую часть своего времени заниматься хозяйственными делами. Но никакие обстоятельства не способны остановить те изменения, которые происходят с героиней. Достаточно детально и вместе с тем романтично-возвышенно описывает автор первое девичье умиление собственной внешностью, которая действительно становится женской: «Улеглось волнение. Уже одевая белье, Екатерина снова подошла к зеркалу, более пристально оглядела свое лицо. Оно было ровно загорелое, кожа еще и сейчас немного розовела то ли от горячей воды, то ли от возбуждения. Но главное — не было видно прыщиков. Только на лбу еще оставалось немного, но и они, видно было, сходили» [1, с. 112]. Изменения во внешности придают Екатерине смелости и уверенности как в ее мечтах, так и в активных действиях по завоеванию внимания объекта своей любви Юрия. Ее мечты ограничиваются именно интимной близостью с молодым человеком. В подростковом сознании, затуманенном новыми изменениями во внешности, физиологическая любовь отождествляется с духовной близостью. Для достижения своей мечты Екатерина составляет целый план, причем выполняет его безукоризненно правильно, как взрослая опытная женщина. Однако, когда героиня достигает своей цели, интуитивно начинает понимать ошибочность своих представлений об отношениях между мужчиной и женщиной: «Она мечтала о многом — и все было направлено на то, чтобы быть вместе с Юрой. Так вот же — она с ним. Легко получилось, без особых ее усилий, быстро, невероятно быстро. Вот так — не надо усилий. Все достигнуто? Дальше... Что было в ее мечтах дальше? Ничего. Не мечтала она о замужестве с Юрой. Не было в той мечте семьи и детей. Мечта останавливалась на кровати» [1, с. 131]. Сомнения подтвердились уже через несколько минут, когда на телефон девушки пришло сообщение: «Катя, мы — взрослые люди, мы получили прекрасный урок. Не будем о чувствах — главное, все вышло чисто. На этом точка» [1, с. 133]. На сегодняшний день книга В. Гапеева «Уроки первой любви» является, пожалуй, одним из самых смелых белорусскоязычных произведений для подростков, так как не просто раскрывает проблему их взаимоотношений, а создает свои сюжеты на фоне современной действительности (активная роль Интернета, виртуальные отношения). Однако при всей смелости тематики произведений героям часто не хватает подростковой, даже детской логики. Все герои разговаривают взрослым языком, не вступают в открытый конфликт со взрослыми, осознают правильность или неправильность своих поступков. Возможно, это своеобразная дань автора морализаторству, без которого не обойдется ни одна подростковая книга. Причем надо заметить, что открытой морали, оценки поступков героев произведения не содержат, что также делает их еще более привлекательными для подростковой аудитории. Что касается взрослого читателя, интерес вызывает не сама история отношений, а ощущения Екатерины, восхищение своей новой внешностью. Фактически подросток обнаруживает в себе новую функцию, отныне он/она может становиться объектом сексуального желания. Как распоряжаться этим новым «богатством», будет зависеть от многих факторов, в том числе и от воспитания подростка.

Уберечь от ошибок — главное стремление взрослого, когда он пытается говорить с подростком на волнующие его темы. **А. Бадак** в книге **«Одинокий восьмиклассник желает познакомиться»** предлагает такие ошибки рассмотреть с нового ракурса. Некоторые поступки часто не несут никакой беды для самого

подростка, но могут повлиять на жизни и судьбы других людей. Вот только осознание своей вины обязательно приходит во взрослой жизни, когда ценностные установки уже сформированы. Главный герой, уже известный писатель, вспоминает, как влюбился в восьмом классе в замужнюю молодую учительницу. Однако та не просто не замечает его, она еще рвет на глазах всех газету, где были напечатаны его первые стихи. Смесь обиды и любви приводит к трагическому поступку: ребята пугают вечером беременную учительницу, и та теряет ребенка. Однако о результатах своего поступка герой узнает уже во взрослом возрасте. Вторая сюжетная линия повести более смелая и современная. В школе произошел неприятный инцидент. Ученик восьмого класса «удачно» сфотографировал учительницу таким образом, что все имели возможность увидеть ее белье. Фотографии попали в интернет. Оскорбленный педагог тут же увольняется из школы и решает оставить профессию. Обсудить ситуацию и приглашают писателя. Оба подростка «мстили« за свои безответные чувства, при этом достаточно эгоистично относились к объекту своей любви. Неминуемое раскаяние за свои подростковые некрасивые поступки по отношению к тем, в кого влюблен, — главная мысль для подростка в этой повести. Что касается взрослых, то достаточно полемичным остается вопрос, как вообще должны были вести себя молодые учительницы в подобных ситуациях. Ведь по сути обе «не включили» педагога, не подошли к ситуации мудро и рассудительно.

Следует отметить, что наличие определенной проблемы, конфликта со взрослыми — это специфическая черта подростковых произведений. Ее отсутствие превращает книгу «для среднего и старшего школьного возраста» в произведение для любой аудитории, даже если в нем участвуют подростки. Именно так случилось с рассказами **Л. Дрожжей**. Каждый ее рассказ — это своеобразная зарисовка на тему первой любви, умиление этим чувством. Понятно, что автора не интересует психология старшеклассников, нелогичность их поступков и психология поведения, ее волнует сам мгновенный процесс рождения чувства, его стремительность и сакральность. Во всех рассказах автор обязательно указывает возраст героини, таким образом, юность становится своеобразным условием сюжета. Юные герои в произведении показаны как носители искреннего, эмоционального чувства. Они не отягощены вопросом: «Что будет дальше?» Показательным в этом плане является рассказ **«Линия счастья»**, главная героиня которого приходит прощаться со своим взрослым другом Антоновым. На неожиданное признание Олеси в любви он отвечает неожиданным «Хочешь сока?», что, безусловно, обидело девушку, но никак не отразилось на ее чувствах. Несмотря на юношескую непосредственность и искренность Олеси, в центре внимания повествования — мужчина и женщина, их взаимоотношения, а не подросток и его проблемы. Таким образом, истинное подростковое произведение — это всегда произведения о проблемах подростков, связанные с переходным периодом. Главное в них не отношения, а чувства подростка. И чем более подлинно у автора получилось эти чувства передать, тем больше ему поверит подросток и тем вероятнее книга будет иметь еще и воспитательную функцию. Сделать книгу таковой сложно, но возможно, при условии, что писатель готов говорить искренне с подростком, но не на равных (хотя таким образом легче заслужить доверие детей), а будучи на один шаг впереди, ведь менно тогда в таком диалоге будет смысл.

Литература:

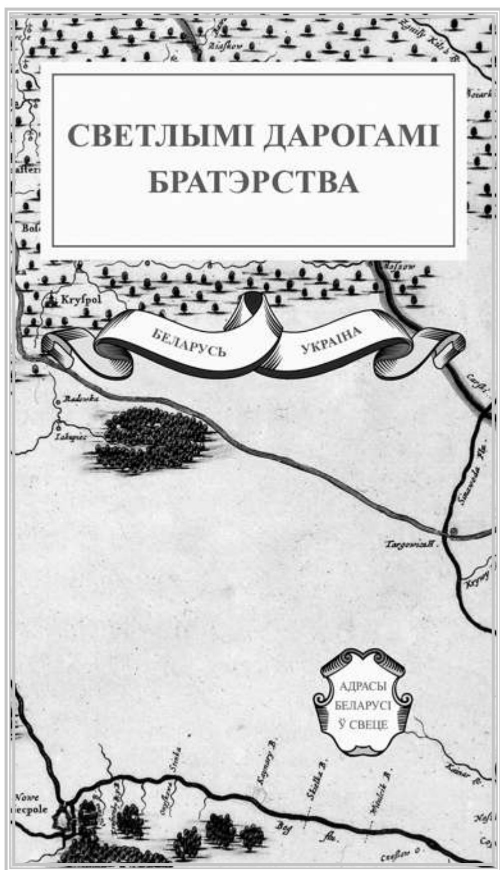
1. Гапееў, В. М. Урокі першага кахання: аповесці [Тэкст] / Валерый Гапееў. — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011. — 192 с.

2. Жвалевский, А., Пастернак, Е. 52-е февраля: повесть [Текст] /А. Жвалевский, Е. Пастернак. — М.: Время, 2014. — 125 с.

3. Абрамова, Г. Возрастная психология: учебник для вузов / Г. Абрамова. — Екатеринбург: Деловая книга, 1999. — 624 с.

С точки зрения рецензента

«Адрасы Беларуси…». Продолжение…



В прошлом году Издательский дом «Звязда» приступил к реализации интересного и многообещающего проекта. Начался выпуск серии «Адрасы Беларусі ў свеце». Первенцем в ней стала книга «Сустрэчы з родным і блізкім». В ней раскрываются страницы совместной белорусско-российской истории. Через судьбы деятелей разных эпох показано, как происходило взаимонаполнение двух братских культур. А еще, что особо важно, отображено, как много уроженцы Беларуси сделали для России. Да и ее сыновья для нашего края. На протяжении истории по-разному назывались наши страны, однако от этого суть не менялась: дружба и согласие способны творить чудеса. И куда бы судьба ни завела талантливого человека, он не только не затеряется на чужих просторах, но немало сделает и для народа, ставшего ему близким и родным.

В этом смысле поучительна судьба белорусского ученого со всемирным именем — Игната Домейки, ставшего национальным героем Чили. Ему и посвящена книга «Игнат Даймека: з Мядзвядкі — у Санцьяга-дэ-Чылі (1802—1899)», продолжившая серию «Адрасы Беларусі ў свеце». Примечательно, что он — прадедушка австралийской писательницы Пас Домейко Леа-Пласа. Естественно, что она особенно внимательно отнеслась к судьбе своего замечательного предка. Детально и обстоятельно изучила многие материалы, касающиеся его жизни. Отсюда — документальная точность в отображении тех или иных ситуаций, отдельных страниц биографии героя повествования. А для читателя — возможность еще лучше осмыслить жизнь и научный подвиг одного из самых славных сыновей земли белорусской.

Недавно же в этой серии вышла третья книга — «Светлымі дарогамі братэрства» (составитель Ольга Рацевич). Если коротко — она посвящена белорусско-украинским взаимосвязям в самых различных их аспектах.

И конечно же, в разные исторические периоды. Как и в первой книге, представлены очерки, эссе, интервью. Но в отличие от нее, опубликованы и стихотворения. Как украинской, так и белорусской тематики. Но главную нагрузку, как и следовало ожидать, несут публикации, посвященные отношениям между двумя народами, не в последнюю очередь литературным, а если смотреть шире — вообще творческим контактам, а также белорусским литературным адресам на Украине, также жизнеописанию тех уроженцев нашего края, чья судьба в той или иной степени связана с этой страной.

Авторы материалов — Алесь Карлюкевич и Алесь Мартинович. Оба автора много сделали (и продолжают делать) для того, чтобы создать объективное и объемное представление о том, каков белорусский след в мировой истории. Но если А. Карлюкевич особенно плодотворно работает на ниве краеведения, а если смотреть шире — родиноведения, то А. Мартинович больше внимания уделяет конкретным историческим личностям, через их судьбы постигая саму историю. Плодотворность их творческих усилий в этом направлении хорошо прослеживается и в книге «Светлымі дарогамі братэрства».

Основной «адрас Беларусі» в Украине — конечно же, Киев. Разделом «Кіеў» и открывается этот том. Получилась как бы мини-книга в большой, объемной книге. Перелистывая ее страницы, понимаешь, насколько дух Украины пронизывает нашу жизнь. Приводится немало свидетельств о том, насколько тесны взаимосвязи белорусов с землей Кобзаря. Насколько значимы они, эти свидетельства, видно уже из самих названий публикаций: «Кіеў. Беларускія літаратурныя адрасы: некаторыя згадкі», «Максім Багдановіч і Украіна: штрыхі да неабсяжнай тэмы», «…Руска-беларуска-ўкраінскае яднанне», «Усё пачалося са званка Васілю Быкаву», «Без Тараса Шаўчэнкі Украіна немагчымая…», «… Як кожны ўкраінец, беларускую класічную Украіну люблю з калыскі»… А это уже — своего рода пантеон, котором также переплелись судьбы двух народов. Об этом свидетельствуют такие имена, как Михаил Слезка, Митрофан Довнар-Запольский, Андриан Прахов, Сергей Полуян, Бронислав Залесский. А первые в нем стоят легендарные Арей и Кий.

Есть в книге и другие белорусские адреса в Украине: Одесса, Волынь, Винница, Донецк, Днепр, Ивано-Франковск, Львов, Нежин, Харьков… Многое сказано, немало можно и еще сказать. Однако как не согласиться с автором предисловия «Святла и ветру Украіне!» писателем Валерием Казаковым: «Няхай жа і гэтая кропля ў акіяне ведання пра супольнае жыццё, супольныя здабыткі беларусаў і ўкраінцаў стане напамінам пра ўсё добрае і разумнае, што яднае нашы народы, нашы краіны […] Будзем жа верыць, што традыцыі беларуска-ўкраінскага пабрацімства будуць і надалей развівацца, умацоўвацца. А Украіне і братам-украінцам жадаю шчасця, сонца, святла і цёплага ветру! І веру, што ўсё на іх старажытнай зямлі будзе добра і шчасліва».

Несомненно, заинтересованный читатель обязательно обратит внимание на беседу А. Карлюкевича с известным украинским поэтом, прозаиком, детским писателем Алексеем Кононенко «Ці можа быць чыноўнік пісьменнікам?..» Поэтому и обратит внимание на то, что мысли высказаны не только человеком творческим, но и деловым, имеющим непосредственное отношение к изданию, распространению книги: Кононенко — директор Департамента издательского дела и прессы Государственного комитета телевидения и радиовещания Украины. В ответе на один из вопросов он затронул то, что, безусловно, волнует едва ли не каждого, кто любит литературу, следит за новинками, а вместе с тем видит в ней и своего рода полпреда в налаживании контактов. А суть вопроса такова: «Ці не здаецца Вам, што час «дружбы народаў» праз «дружбу літаратур» даўно мінуў?» А это ответ: «Мне — не. Увогуле, мне здаецца, што настае новы

этап пазнання народамі адзін аднаго якраз праз літаратуру. Час пераўтварэння рэспублік Саюза ў незалежныя краіны — перыяд, калі была пераацэнена «свабода слова», ён выкінуў на паверхню ўсіх, хто думаў, што ён можа пісаць і друкавацца. Маса макулатуры запаланіла паліцы кнігарань і бібліятэк. Але з'явіліся і глыбокія, невядомыя дагэтуль пісьменнікі. І я ўпэўнены, што яны сваімі творамі пяройдуць межы, кардоны, стануць вядомымі не толькі ў сваіх краінах. Адродзяцца школы перакладчыкаў, ажывуць альманахі перакладных літаратур. Творцам важна генерыраваць свае думкі не толькі ў сябе дома, а пашыраць прастору інтэлектуальнага патэнцыялу і сябе адначасова ўзбагачаць веданнем чужога, іншаземнага».

Этой благородной задаче, безусловно, послужат и книги серии «Адрасы Беларусі ў свеце», литературный материал в которых, как нетрудно убедиться, занимает важное место. Проекты, подобные этому, просто не имеют права остановиться на трех книгах. Пускай и важных, знаковых. Причина понятна: тема «Адрасы Беларусі ў свеце», по сути, — неисчерпаема. Трудно найти такую страну, где бы в разное время не побывали наши соотечественники. Разговор не только о тех простых гражданах, которые в поисках лучшей жизни стремились в края дальние, стараясь найти себе применение. Хотя и само по себе это важно, ибо лишний раз свидетельствует о том, насколько мир тесен. Куда важнее, что среди них было немало и тех, кто своими деяниями в чужих землях оставил добрый след.

Верится, что и о них появятся книги. Пусть себе и не такие объемные, как об Игнате Домейко. Да и под одной обложкой можно объединить несколько развернутых историко-художественных биографий. Однако — это пожелание на будущее. Сначала надо продолжить издание таких книг, которые легко выстроятся в один ряд с «Сустрэчамі з родным и блізкім» и «Светлымі дарогамі братэрства». Ожидают своего дальнейшего выхода издания, я бы сказал, регионального характера.

Не удивлюсь, если четвертая книга «Адрасы Беларусі ў свеце» содержанием своим охватит просторы Центральной Азии, с которой связана жизнь таких замечательных уроженцев Беларуси, как, например, Адам Сузин, Тамаш Зан, Михаил Черняев. Да и других. Здесь, пожалуй, к месту, рассказ о первооткрывателях, уроженцах наших краев, пополнить и рассказом о тех, кто много сделал и для изучения Дальнего Востока, Приморья. Как Бронислав Пилсудский, Николай Пржевальский, Михаил Янковский… Впрочем, некоторые из них, как тот же Н. Пржевальский, трудились во многих регионах.

Несомненно, том, посвященный этим и другим первооткрывателям, обязательно должен появиться в серии «Адрасы Беларусі ў свеце». Но хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Думается, героями новых книг должны быть и те, кто жил ближе к нашим дням. Писатели — не в последнюю очередь. Как раз то, на что обратил внимание в интервью А. Кононенко. Применительно к названным регионам — это Сымон Хурсик, Степан Лиходиевский, Геннадий Шведик, Николай Калинкович…

Что ж, подождем книгу четвертую. Теперь же еще раз порадуемся выходу третьей, которая и настраивает на продолжение путешествия «светлымі дарогамі братэрства».

Виктор СОКОЛЬЧИК

С точки зрения рецензента

Пантеон исторических событий и судеб

Именно так хочется назвать книгу Анатолия Шаркова и Елены Хорошевич, рассказывающую о Ставке Верховного главнокомандующего Русской армии в годы Первой мировой войны. И совсем не потому, что до издания ее не было других публикаций. Сами авторы ссылаются на 98 источников, даже этим убедительно подтверждая документальную обоснованность своего повествования.

«Судьбы побежденных на мирном конгрессе в Версале решали, как и предполагалось изначально, представители Великобритании, Франции и США. Им же достались и плоды победы. Россия в работе этой конференции не участвовала. К тому времени такого государства, как Российская империя, уже не существовало», — читаю в одном из завершающих книгу абзацев. Сколько сдержанных чувств в этих простых словах. Невольно вспоминаю высказывание Уинстона Черчилля, бывшего во время революции английским военным министром: «Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаянье и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились, снарядный голод побежден, вооружение потекло широким потоком. Более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт. Тыловые сборные пункты были переполнены людьми… В марте царь был на престоле. Российская империя и Русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, на которые она оказалась способна».

Дань признания отдана. Долг вежливости исполнен. Но Черчиллю этого мало, — вдумчиво вникает он в саму суть катастрофы: «В управлении государством, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был,

осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начерчивал план борьбы: порицание или хвала за исход достаются тому, на ком авторитет ответственности. Почему отказывают Николаю Второму в этом суровом испытании? Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходится ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот — поля сражений Николая Второго…»

И вывод, который тоже не могу не процитировать: «Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают. Его действия осуждают. Его память порочат... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых, людях честолюбивых и гордых духом, отважных и властных — недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираема червями».

Противник «русского мира», каким считали и считают Уинстона Черчилля, не погрешил против правды и истины. Но смогли ли авторы книги подтвердить ею то, что я процитировал? Смогли ли они ответить на самый главный вопрос: почему не хватило Николаю Второму государственной воли спасти Империю, а заодно и свою семью? Да и была ли у него эта воля? Понимаю, что такой цели перед собой Анатолий Шарков и Елена Хорошевич не ставили. И все же… «Кругом измена и трусость, и обман», — пишет царь в своем дневнике 2 марта 1917 года. Именно этим днем датируется и другой Манифест. А в нем такие слова: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно ниспослать России новое тяжелое испытание… Да поможет Бог России». В книге нет прямых ответов. Да и не может быть. Авторы отвечают фактами, судьбами, которыми густо заселена их книга. А право отвечать на все вопросы оставляют своим читателям. И это самая честная позиция. Ибо они отлично понимают, что ограничить повествование только Ставкой сюжетно еще можно, а духовно — нельзя.

Брестский мирный договор всегда сопровождают эпитетом «унизительный». Книга конкретизирует: Россия теряла Финляндию, которая становилась независимой. Польша, Прибалтика и часть Белоруссии оккупировались немецкими войсками. Украина становилась самостоятельным государством, и на ее территорию вводились германские войска. Турция получила Карскую и Батумскую области. В общей сложности от России отторгалась территория площадью 780 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек, что составляло треть населения империи. Кроме того, по договору передавала Германии 90 тонн золота, сумму в 6 миллиардов рублей. А вот и комментарий Николая Второго, авторы цитируют еще одну запись из его дневника: «Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту — заключить мир, не спрашивая у народа». По-своему говорят о том же авторы: «Спасенный Париж — свидетель тому, что русский солдат выиграл войну, но не для себя, а для своих западных союзников, проявив образцы обязательности, беззаветного долга и героизма на каждом из фронтов. Русская армия в окопах войну не проиграла, а посему, как бы то ни было, необходимо отдать должное ее высшему оперативно-техническому руководящему органу — Ставке Верховного главнокомандующего, деятельность которой на протяжении Великой войны проходила на белорусской земле, и большей частью в Могилеве». Впрочем, изначально какое-то время она находилась в Барановичах. Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич Романов, родной дядя Императора. Личность его авторы характеризуют будто бы не характеризуя. Мозаика

характера постепенно вырисовывается в поступках и сказанных кем-то, словно невзначай, словах скрытой хулы или явного одобрения. Этот же деликатный принцип сохранен и в отношении почти всех участников событий. Выбор места пребывания Ставки числом в 30 тысяч человек был обоснован. Барановичи имели три железнодорожных станции, два вокзала, паровозное депо. Здесь проходили важнейшие железнодорожные магистрали: Москва—Брест-Литовск и Вильно—Гродно, а также автомобильные пути. Учитывалось и то, что имелась местная телефонная сеть. Здесь постоянно квартировали железнодорожная бригада и несколько батальонов пехотного полка. Впрочем, вот как оценил все это генерал-квартирмейстер Ставки первого состава Ю. Н. Данилов: «Местом расположения ее было выбрано местечко Барановичи, где сходились важнейшие железнодорожные линии западно-пограничного пространства. Последние соединяли Ставку с фронтом, флангами и тылом».

В строгой секретности с Царскосельского вокзала в двух поездах выезжает Ставка Верховного Главнокомандующего Русской армии. А потом прямо на платформе Полесского вокзала происходит представление штаба и знакомство офицеров с будущими сослуживцами. Это и наше знакомство с ними. Словно в кадрах замедленной кинохроники, видим лесную окраину Барановичей, пустовавшие до этого казармы железнодорожной бригады, ушедшей на фронт. И вновь проложенные пути, на которых остановились поезда штаба. Первый из поездов, который остановился у дома начальника бригады, был предназначен Верховному — великому князю Николаю Николаевичу, его брату князю Петру Николаевичу, а также начальнику штаба генералу Н. Н. Янушкевичу, генерал-квартирмейстеру Ю. Н. Данилову с офицерами оперативного отделения. Здесь же нашлось место ротопресвитеру военного духовенства Георгию Шавельскому и представителям союзных армий маркизу де ла Гишу и сэру Хембери Вильямсу.

Среди обитателей первого и второго поездов — генералы И. А. Ронжин, П. К. Кондзеровский, а также военно-морское управление во главе с контр-адмиралом Д. В. Ненюковым. Узнаем, что в составе этого управления был великий князь Кирилл Владимирович. Знакомимся с дипломатической канцелярией, возглавляемой Н. А. Базили… Многое объясняют такие слова о Главнокомандующем: «Прошло три-четыре месяца войны — и Николай Николаевич стал уже просто популярен. В армии о нем заговорили не иначе как с восторгом и благоговением, хотя до войны отношение к нему было двойственное. «Храбрый офицер, но не отличавшийся политическим чутьем и организаторскими талантами. В своих суждениях великий князь проявлял определенную, если так можно выразиться, чисто военную прямоту и давал им оценку с этой точки зрения», — читаем. Узнаем, что подчинялся он исключительно государю и за свои распоряжения и действия нес ответственность только перед ним.

А ближайшие помощники? При Верховном состояли его родной брат великий князь Петр Николаевич и светлейший князь генерал-адъютант Д. Б. Голицын. «Оба кристально чистые люди: благородные, честные, доброжелательные и добродушные — праведники в миру. Они были близкими друзьями Верховного, но не могли быть советниками в военных вопросах. Великий князь Петр Николаевич когда-то занимался военно-инженерным делом, но в последние годы весь свой досуг отдавал живописи и церковному зодчеству: по его проекту построено несколько церквей, в том числе Мукденская. Князь Голицын перед войной заведовал охотой…» Свита составляла «декоративную» часть Ставки. В начале войны в ней было 9 генералов, 36 офицеров, 12 военных чиновников и 125 солдат. Военных специалистов хватало. Благодаря книге мы, можно сказать, с кинематографической точностью можем видеть будничную работу Ставки во всех ее некогда строго засекреченных реалиях. И не только в дни фронтовых удач, но и во время Самсоновской катастрофы, отступления из Галиции. Конечно же, многое уточняют дневниковые записи императора, которые тоже очень акцентированно цитируют авторы книги.

И все-таки они далеки от слащавой умиротворенности. Вот почему, рассказывая о слезной растроганности, с которой высокопоставленные члены Ставки восприняли награды из рук Императора, тут же говорят совсем об ином. «Награждение высокими боевыми наградами генералов Янушкевича и Данилова в Ставке было воспринято холодно, а на фронте почти враждебно. В военных кругах определенно считали, что как первые победы обязаны отнюдь не талантам генералов Ставки, так и поражения в полной мере не относились на их счет. На Северо-Западном фронте в то время уже шел большой ропот против Ставки, якобы не принявшей должных мер для предупреждения первой военной катастрофы, а на Юго-Западном фронте знали, что их Галицийская победа обязана местным стратегическим силам. Поэтому престиж новых Георгиевских кавалеров, еще не нюхавших пороху, ни в Ставке, ни на фронте не поднялся после того, как на их груди заблестели возложенные царской рукою Георгиевские кресты…» А вот награда великого князя Николая Николаевича, который оставался для всех «рыцарем без страха и упрека», была воспринята с радостью.

И конечно же, вот такая открытость и понятность авторской позиции остается во всем, что характеризует самого императора. Было ему тогда 47 лет. «Окружающие нередко не понимали поступков царя, но лишь из-за того, что сами растеряли искренность и чистоту веры. Государь сумел сохранить ее. Он прямо и непосредственно воспринимал свое призвание помазанника Божия и руководствовался этим так, как понимал. Наведывался и к находящимся на излечении в лазарете раненым офицерам и нижним чинам…» Многое объясняют эти слова.

С документальной точностью воспроизведено в книге все, что касается структуры и комплектования русской армии. Здесь не только детальный анализ «Положения о полевом управлении войск в военное время» и сопоставляемая с Германией статистика, но и вдумчивый анализ тех многовековых устоев, которыми славилась российская армия. «В полках были очень сильны боевые традиции. Из 350 полков русской пехоты, участвовавших в Первой мировой войне, 140 существовали от 60 до 230 лет, то есть, были кадровыми. Из них 16 гвардейских полков. Любой офицер и солдат знал историю своей части так детально, будто речь шла о собственных предках», — напоминают Анатолий Шарков и Елена Хорошевич и в подтверждение приводят выдержку из Устава: «Солдат есть имя общее, знаменитое, имя «солдат» носит всякий военный служащий от генерала до последнего рядового». А вот слова об унтер-офицерах. Это были профессионалы высочайшего уровня, «отцы родные» для солдат. Армия воспитывалась на принципах духовности. При этом допускалась полная веротерпимость к мусульманам, католикам, лютеранам. Даже язычникам из народов Поволжья и Сибири разрешалось отправлять свои обряды. Да и присягу каждый принимал по обычаям своей веры.

В состав офицерского корпуса Русской армии в 1914 году влилось 2400 юнкеров и пажей. На их выпускном вечере в Царском Селе Николай Второй сказал: «Помните, что я вам скажу. Я нисколько не сомневаюсь в вашей доблести и храбрости, но мне еще нужна ваша жизнь, так как напрасная убыль офицерского состава может привести к тяжелым последствиям. Я уверен, что, когда нужно, каждый из вас пожертвует своей жизнью. Но решайтесь на это в крайней необходимости. Иначе прошу вас — беречь себя». — «Но как было уберечь себя русским офицерам, — резонно спрашивают авторы книги, — когда в Уставе Русской армии было написано, что офицер своим примером должен увлечь солдат в атаку. В уставах других армий целесообразности давали предпочтение перед офицерской доблестью». После этих слов весьма логична приведенная ими печальная статистика. В первые два года войны из 46-тысячного офицерского корпуса среди офицеров младшего звена мало кто остался в строю. Уже в 1916 году офицерский корпус состоял на 90 процентов из офицеров запаса и получивших офицерский чин на фронте и подготовленных на скорую руку в юнкерских училищах.

Осведомленность авторов книги не может не удивлять. Она не только в убе-

дительных цифрах сопоставительной статистики, которая интересна сама по себе, но и в сокрытых до сего времени тонкостях взаимоотношений людей, обремененных властью. Показательна в этом отношении судьба военного министра России В. А. Сухомлинова, которому якобы Государь Император предлагал пост Верховного главнокомандующего и который после военных неудач 1915 года под влиянием масонских интриг был снят с должности, а вскоре даже арестован. Не менее интригующими выглядят и цифры. К началу боевых действий со стороны Германии и Австро-Венгрии было сосредоточено более миллиона солдат и 2700 орудий. Россия тоже имела свыше миллиона человек при 3200 орудиях. Русские войска были распределены по двум фронтам: Северо-Западный под командованием генерала Я. Г. Жилинского и Юго-Западный под командованием генерала Н. И. Иванова. Можно уточнить: первый из них состоял из первой и второй армий (это 17,5 и 8,5 кавалерийских дивизий). Второй имел четыре армии (34 пехотных и 12,5 кавалерийских). Помимо фронтовых были созданы еще две: шестая армия, которая охраняла побережье Балтийского моря и прикрывала Петроград, и седьмая, прикрывавшая побережье Черного моря и границу с Румынией.

Раздел книги, посвященный военным планам Ставки в начальный период войны и их реализации, может стать своеобразным учебным пособием для тех, кто интересуется российской историей того времени. Узнаем, что Ставка предусматривала сразу две наступательные операции — против Австро-Венгрии и Германии, дабы спасти от разгрома Францию и Сербию. Союзнический долг был исполнен с предельной честностью. И дорогой ценой. В 1914 году на полях Польши, Галиции и Восточной Пруссии полегла русская кадровая армия. Только в гвардейских полках выбыло 70 процентов нижних чинов и 27 процентов офицерского состава. Погибло и попало в плен около 700 тысяч воинов. «Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, — заявил спустя четверть века английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, — то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции».

Военные неудачи стали главной темой сессии Думы, открывшейся 19 июля 1915 года. Требовали от Государя создания «правительства общего доверия», подотчетного только Думе. «Однако Николай Второй отклонил отставку министров, претензии прогрессистов отверг, поставил на место обнаглевшую буржуазию и 15 сентября подписал указ о роспуске сессии Думы, пригрозив вообще разогнать ее. Первая атака на власть не имела успеха», — читаем в книге. Хватило государевой воли и на то, чтобы самому возглавить Ставку вскоре после передислокации ее в Могилев из-за приближения фронта к Барановичам. Кстати, вариантными для размещения Ставки рассматривались также Орша, Борисов, Быхов. Предпочтение отдали Могилеву как наиболее удобному пункту железнодорожного сообщения на карте империи. «Две главные улицы, параллельными линиями пересекавшие город, упирались в небольшую площадь, на которой находились двухэтажный губернаторский дом, окружной суд и другие присутственные места», — читаем в книге. — На площади располагалась старинная круглая ратуша, над которой возвышалась башня, молчаливая свидетельница долгих и упорных споров между Россией и Польшей, дававшая приют на своем фронтоне то польскому бело-красному штандарту, то русскому триколору с золотым двуглавым орлом». Позиция авторов книги четко просматривается в отношении любого судьбоносного события. Вот одно из них. «То, что монарх становится Верховным главнокомандующим, было обычным во многих государствах, — пишут они. — Но это всегда делалось в предвкушении победных лавров. Николай Второй взял на себя командование армией в самый тяжелый период войны, проявив тем самым тесные узы единения со своим народом и Русской армией». А вот как говорит об этом он сам в своем приказе: «…Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими силами, находящимися на

театре военных действий, с твердой уверенностью в нашей победе. Будем выполнять свой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли русской». Трудно не согласиться с авторами книги и в этом утверждении: «Если для офицерства Николай Второй был волею Божией Императором, то великий князь Николай Николаевич был волею Божией Главнокомандующим… Государь же в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину, военные дарования и знания которого ни в чем и нигде не проявлялись, и общий духовный уклад его менее всего подходил для Верховного главнокомандующего». Авторы книги мозаикой реалий времяпрепровождения Императора подтверждают справедливость этих предвидений.

Читателей книги ждет знакомство с новым начальником штаба Верховного генералом от инфантерии, заслуженным профессором кафедры истории русского военного искусства Николаевской военной академии Михаилом Васильевичем Алексеевым и с ходом военных событий, во время которых пришлось оставить Вильно. Но этим и закончилось великое отступление Русской армии. Фронт стабилизировался на линии Рига—Барановичи—Тернополь. Но в итоге 1915 год принес России тяжелые утраты: русские войска вынуждены были оставить Галицию, Польшу, Литву, запад Беларуси и юг Латвии. Потери с начала войны составили 321 600 убитыми и 1548 тысяч пленными. «Над Российской империей замаячила еще одна беда: кризис общественного мнения», — читаем в книге.

Ставка в Могилеве занимала несколько зданий на Губернаторской (ныне Советской) площади. Авторы рассказывают о ближайшем окружении Николая Второго, ставшего Верховным главнокомандующим. Многое кроется за фразой: «Город приобрел вид резиденции царской семьи, и война отходила на второй план, забывалась…» Но там, где надо было проявить Государеву волю, она ощущалась. Именно так было, когда комиссия союзников потребовала введения в состав штаба Верховного главнокомандующего с правом решающего голоса представителей союзных армий, провести реформу правительства. Царь решительно воспротивился. Все это и многое другое узнаем из обилия цитируемых источников. К июлю 1916 года Русская армия насчитывала 6 800 000 человек. Она вышла из кризиса обеспечения вооружением. Производство снарядов выросло в 20 раз, орудий — в 10, винтовок — в 11. Еще 850 тысяч купили за рубежом. Начальнику штаба Алексееву удалось упорядочить боевое управление и подготовить наступление трех фронтов.

Книгой в книге можно считать раздел, посвященный царской семье и их пребыванию в Могилеве. Во время войны императрица Александра Федоровна со старшими дочерями Ольгой и Татьяной прошла практическое обучение и стала сестрой милосердия. Она не просто посещала раненых, а была практикующей операционной сестрой. Трепетность, лирическая сущность семейных отношений ощутимо возникает из множества цитируемых писем и воспоминаний. Но, конечно же, главное внимание авторов сосредоточено на активизации оппозиции, завершении военной кампании 1916 года и планах на 1917-й. Нельзя не отдать должное авторам, сумевшим с помощью документальной мозаики передать всю многоликую и событийную суть революционного времени. Ярко проявляется в ней обреченное одиночество Императора, окруженного предательски настроенными людьми. Многое мог изменить знаменитый Брусиловский прорыв, благодаря которому инициатива на всех фронтах перешла к державам Антанты, усиленным мощью США, вступившими в войну на ее стороне в апреле 1917 года. Окончательный разгром Германии и Австро-Венгрии был предрешен. Но в России это было уже совершенно иное — революционное — время. И в книге оно дышит реалиями всех противоречивых событий, которые одновременно обвиняют и оправдывают Николая Второго. Английская газета «Таймс» писала о том, что царь «обнаружил достаточно государственной мудрости и бескорыстного патриотизма, сложив свою власть, и спас свой народ от гражданской войны и свою столицу от анар-

хии». «Увы, газета ошиблась!» — замечают, цитируя эти слова, авторы книги. Государь вернулся из Пскова в Могилев не Императором Всероссийским, а полковником Романовым. Так приветствовал его на вокзале Георгиевский батальон. Очевиден был и раскол семейных отношений. Великий князь Кирилл Владимирович явился в Думу с красным бантом и выказал поддержку Временному правительству за день до отречения царя. Великие князья Николай Михайлович и Павел Александрович дали интервью с резкой критикой Николая Второго, они приветствовали Февральскую революцию. Даже великая княгиня Елизавета Федоровна прислала из Москвы телеграмму о своей лояльности Временному правительству. Неосуществимыми оказались и намерения царя перебраться в Ливадию или в Великобританию. В величайшем секрете держался и последний приказ бывшего Императора. А в нем такие слова: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий. Николай. 8 марта 1917 года».

Но днем раньше Временное правительство вслед за Петросоветом приняло решение об аресте Николая Второго. Это касалось и его супруги. А потом их ждал далекий сибирский город Тобольск. И снова — калейдоскоп фактов в очередном примечании, помогающем многое узнать и осмыслить. Напряженность и даже непредсказуемость, казалось бы, уже исторически многократно уточненных событий читается как детективная повесть. Это и глава «Арест мятежных офицеров, побег из-под стражи», и опять-таки калейдоскоп комментариев о судьбах героев повествования. Отдельной повестью могла бы стать глава о Верховном главнокомандующем Николае Николаевиче Духонине. В Могилеве меняются руководители Ставки, их состав. Повествуется о преобразовании ее и Армии, ликвидации и выходе России из войны. А вот и последняя фраза книги: «В 1927 году сдали свои маузеры в музеи два цареубийцы, участвовавшие в расстреле Николая Второго и его семьи: Петр Ермаков — в музей в Свердловске (ныне Екатеринбург) и Яков Юровский — в Московский музей революции».

Невольно думается о том, что этой книгой Анатолий Васильевич Шарков еще раз подтвердил свое звание доктора исторических наук, профессора. А Елена Ивановна Хорошевич, член Союза писателей Беларуси, с полным правом может претендовать на самые высокие ученые звания. И еще: трудно избавиться от мысли, что исторически было предназначено именно Беларуси стать местом крушения двух империй, в сущности, одной и той же страны: Российской — в Могилеве и Советской — в Беловежской пуще.

Остается только уточнить, что книга увидела свет в Издательском доме «Звязда» в 2017 году, накануне 100-летия окончания Первой мировой войны. Издание осуществлено по заказу и при финансовой поддержке Постоянного Комитета Союзного государства.

Изяслав КОТЛЯРОВ

Литературное содружество

Национальный код в казахстанском литературоведении

Одним из важнейших условий модернизации общественного сознания нового типа Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев обозначил сохранение своей культуры, собственного национального кода.

Более чем четвертьвековой путь Независимости Республики Казахстан качественно изменил структуру литературного процесса, открыв новые горизонты и создав наиболее благоприятные условия для его развития, выявления роли и значения литературы в формировании национального самосознания и культурного кода.

В 2012 году Институт литературы и искусства им. М. Ауэзова, который особое внимание уделяет популяризации казахской словесности и культуры в мире, возглавил известный общественный деятель, ученый Уалихан Калижанов. Мы познакомились с ним пять лет назад в Алматы на книжной выставке «По Великому Шелковому пути». Я тогда был редактором газеты «Звязда». Оказалось, что Уалихан Калижанов тоже был журналистом, главным редактором молодежной и республиканской газеты, позднее — вице-министром, депутатом Мажилиса, Парламента Республики Казахстан. Импонировало, с какой благодарностью он рассказывал о своих учителях, известных казахстанских ученых — докторе филологических наук, профессоре Бейсенбае Кенжебаеве и академике Национальной академии наук Казахстана Рымгали Нургали. С первой встречи у нас завязалось дружеское общение.

Сегодня Институт литературы и искусства им. М. Ауэзова, следуя ведущим трендам развития литературоведения и искусствознания, разрабатывает глобальные проблемы. Культурный код народа академик НАН РК Уалихан Калижанов в предисловии к коллективной монографии «Литература народа Казахстана» определяет как «закодированную информацию, позволяющую идентифицировать культуру

и литературу. В мировой истории в соответствии с эпохой, политикой государства и уровнем культуры роль социокультурных кодов трансформируется, но сохраняются их самобытность и национальные черты. Культурный код нации выступает ключом к пониманию данного типа культуры, так как вбирает в себя культурные особенности, передающиеся от предков».

Международное сотрудничество Казахстанского института литературы и искусства с крупными научными центрами мира, ведущими зарубежными вузами наполнено конкретным содержанием. Литературоведы и критики, преподаватели вузов Беларуси, России, стран Европы, Азербайджана, Грузии, Индии, Ирана, Китая, Кореи, Кыргызстана, Монголии, Пакистана, Румынии, США, Таджикистана, Турции, Узбекистана становились авторами научных статей, сборников и коллективных монографий института. В 2017 году впервые казахстанскими учеными изданы исследовательские монографии в Беларуси, Румынии,

Венгрии, отдельные главы — для книг в России, Болгарии и Кыргызстане.

Уалихан Калижанов и сотрудники института прекрасно осознают, что книги испокон веков сближают народы, способствуют их духовному развитию, обогащают мировую культуру.

«Наследие величайшего просветителя Франциска Скорины стало для его родного белорусского народа не только источником образования, духовности, но и источником вдохновения и взлета литературы и искусства для последующих поколений, свято берегущих его наследие и заветы», — отмечал в своем выступлении на Международной научной конференции, посвященной 500-летию белорусского и восточнославянского книгопечатания, академик Уалихан Калижанов.

Он с гордостью рассказывает зарубежным коллегам, что с 2016 года в учебном процессе ведущих вузов Америки используются антологии казахской прозы и поэзии — TheStoriesofthe GreatStepp. First Edition и Summer Evening, Prairie Night, Land of Golden Wheat. TheOutside Worldin Kazakh Literature. First Edition, позволяющие англоязычному читателю совершить «литературное путешествие» в Казахстан, лучше узнать разнообразие культуры и полиязычие Казахстана.

Так, антология «Летний вечер, ночь в прерии, земля золотой пшеницы: зарубежный мир в казахской литературе» включает литературные тексты XIX—XX веков, позволяет представить творчество казахских поэтов и прозаиков в историко-литературной перспективе и проследить, как развивалась, обогащалась и выходила на новый уровень осмысления экологическая тематика. В 2017 году антология «Человек и природа» издана на казахском, английском и русском языках.

Бесспорным достижением Института им. М. Ауэзова стала монография «Казахско-американские литературные связи: современное состояние и перспективы», выявляющая новые явления, мировые тренды и инновации в системе современных литературных и культурных контактов. Такие издания интересны специалистам в разных странах.

В 2013 году в Издательском доме «Звязда» при поддержке Министерства информации Республики Беларусь вышла серия книг «Созвучие сердец», где были опубликованы произведения классиков и современников Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Серия была отмечена Премией СНГ «Звезды Содружества».

Проект вызвал значительный резонанс в культурном и литературном пространстве СНГ. Было решено создать ресурс в Интернете — sozvuchie.by, где поэты, писатели, критики, публицисты из разных стран могут обсуждать культурное наследие и рассказывать о том, какие события происходят в жизни литератур народов и стран Содружества. Проект призван восстановить и сплотить утраченные литературные и творческие связи между странами бывшего Советского Союза, популяризировать современную и классическую литературу, а также культурную жизнь стран СНГ.

Ряд интернет-страниц «Созвучия» посвящен классикам национальных литератур, например, народному поэту Беларуси Якубу Коласу, белорусскому первопечатнику Франциску Скорине, белорусской писательнице, лауреату Нобелевской премии Светлане Алексиевич, казахскому поэту, философу и просветителю Абаю Кунанбаеву, казахскому прозаику, литературоведу Мухтару Ауэзову, казахскому ученому, публицисту Немату Келимбетову, калмыцкому поэту, прозаику и драматургу Михаилу Хонинову, армянским поэтам Ованесу Туманяну и Егише Чаренцу, многим другим классикам и современникам.

Некоторые материалы размещены на национальных языках. Сайт постоянно обновляется, и основу его контента составляют материалы, присланные корреспондентами, экспертами, самими писателями и публицистами из разных государств Содружества, стран дальнего зарубежья.

Если осматривать собранный на сегодня массив литературного материала на портале «Созвучие: литература и публицистика стран Содружества», то, несомненно, Казахстан, казахская литература занимают лидирующие позиции. И это обосновано. На самом сайте кроме страницы «Литературный Казахстан» работают ресурсы «Абай шагает по планете», «Мир Мухтара Ауэзова», «Немат Келимбетов».

Наряду с белорусским модерированием казахстанского контента в «Созвучии» активно соучаствуют литературоведы, писатели Казахстана — Любовь Шашкова, Уалихан Калижанов, Валерий Михайлов, Светлана Ананьева, Кайрат Бакбергенов, Райхан Маженкызы, Амантай Ахетов, Серик Тахан, Диар Кунаев и другие. Это достаточно авторитетный авторский актив. Они и сами много работают над созданием общего портрета казахской национальной литературы, и видят многообразную картину развития литературного процесса в

Казахстане, всегда готовы подсказать, кто мог бы выступить на «Созвучии» с раскрытием той или иной темы.

У «Созвучия» в части наполнения портала казахстанским материалом установились хорошие связи с Институтом литературы и искусства им. М. Ауэзова. Такое общение позволяет быть в курсе всех процессов, происходящих в гуманитарном пространстве Казахстана, а также обладать информацией о том, что составляет основу развития национальной литературы. Сотрудничество с казахскими учеными в наполнении сайта «Созвучие: литература и публицистика стран Содружества» помогло правильно расставить ориентиры в современном прочтении классической литературы. Особенно это заметно по наполнению страниц, посвященных Абаю и Мухтару Ауэзову.

Напомню, что в Минске улица и средняя школа № 143 носят имя Мухтара Ауэзова. В белорусской столице библиотекари, учителя литературы проводят большую работу, чтобы познакомить подрастающее поколение с казахской литературой и культурой. Старшеклассники пишут сочинения, победители конкурсов «Что я знаю о Казахстане?» посетили родину Абая и Ауэзова, побывали в Семее и Усть-Каменогорске. В минском Доме дружбы проводились конференции, посвященные Абаю Кунанбаеву и Сакену Сейфуллину, поэтический вечер Олжаса Сулейменова и другие мероприятия.

В декабре 2017 года среднюю школу имени Мухтара Ауэзова посетила представительная белорусско-казахстанская делегация: Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в Республике Беларусь Ермухамет Ертысбаев, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова Уалихан Калижанов, глава администрации Заводского района г. Минска Александр Дорохович, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нёман» Алексей Черота, известный казахстанский литературовед Светлана Ананьева, сотрудники министерств и ведомств Беларуси, представители дипломатического корпуса РК в РБ.

Директор школы Дмитрий Бочаров познакомил с ее работой, сложившейся традицией проведения конкурса знатоков истории и культуры Республики Казахстан. Белорусские школьники читают произведения казахстанских писателей, используют сюжеты казахских сказок в своих рисунках, знают о главных памятниках и достопримечательностях Казахстана.

Запомнилось, как во время встречи Уалихан Калижанов презентовал десятый номер журнала «Нёман» за 2017 год, в котором представлен раздел о Казахстанском институте литературы и искусства. В этом номере опубликованы статьи Д. Кунаева, Г. Орды, С. Корабая, А. Калиевой, А. Хамраева, С. Ананьевой, А. Машаковой, А. Калиаскаровой и других авторов.

«Каким человеком был Мухтар Ауэзов? Как он достиг народного признания и любви, каковы пути формирования его передового мировоззрения? — говорил Уалихан Калижанов. — Абай поднял Мухтара на высокий пик литературы, а Мухтар Ауэзов познакомил с Абаем весь мир». Ученый передал в дар школе коллективную монографию «Мировой литературный процесс XXI века», которая открывается разделом «Литература Беларуси», материалы о мемориальном Доме-музее Мухтара Ауэзова, книги о творчестве Абая Кунанбаева, Олжаса Сулейменова и пригласил ребят участвовать в конкурсе сочинений «Мой Ауэзов». Его итоги подводятся каждый год в день рождения писателя — 28 сентября на «Ауэзовских чтениях» в Институте литературы и искусства в Алматы.

В минской школе состоялся и литературный вечер по произведениям Мухтара Ауэзова и современных казахстанских писателей — «Беларусь—Казахстан: шаги дружбы», были подведены итоги конкурса «Что я знаю о Казахстане?». Ребята декламировали стихотворения известных поэтов Беларуси и Казахстана, а также собственного сочинения, представили инсценировку сказки «Алдар-Косе». Самые активные получили ценные призы, подарки и сувениры от Посольства Республики Казахстан в Беларуси. И нет сомнений, что такие встречи, многолетнее плодотворное сотрудничество дают результаты: для белорусских школьников Казахстан становится все более близким и узнаваемым.

Уалихан Калижанов принимает поздравления с юбилеем. Личный вклад ученого в укрепление литературного и научного сотрудничества наших стран отмечен Благодарностью Министра информации Республики Беларусь.

Литература и культура Беларуси и Казахстана сближаются в XXI веке, так как созвучны души и сердца их творцов. Успешно развивается взаимодействие наших государств, ведь наши страны и народы имеют много общего, мы нужны и интересны друг другу.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

КОЗЛОВ Юрий Вильямович. Родился в 1953 г. в г. Великие Луки (Российская Федерация). Окончил Московский полиграфический институт. Прозаик, публицист, главный редактор журнала «Роман-газета». Лауреат Всероссийской премии «Традиция», премии Московского правительства, Малой литературной премии России «За честность и объективность в творчестве» и многих других. Автор более 30 книг. Живет в Москве.

ШНИП Виктор Анатольевич. Родился в 1960 г. в д. Пугачи Воложинского района Минской области. Окончил Минский архитектурно-строительный техникум и Высшие литературные курсы в Москве. Главный редактор издательства «Мастацкая літаратура». Автор книг «Гроздь света», «Путем ветра», «Поиск радости», «На руинах Храма», «Похищение Европы», «Волчий ветер», «Инквизиция», «Баллада камней» и др. Живет в Минске.

КРАВЦОВ Николай Александрович. Родился в 1973 г. в г. Ростов-на-Дону (Россия). Окончил Ростовский государственный университет. Живет в Ростове-на-Дону. Автор научных работ «Философия права Мишеля Вилле», «Апология Вагнера», «Скипетр и лира», романов «Вкусная еда, отличная выпивка, симпатичные люди» и «Танаполис». Живет в Ростове-на-Дону.

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО (Гусаченко) Тамара Ивановна. Родилась в 1948 г. в д. Щепятино Брянской области (Россия). Окончила Московский автотранспортный техникум, филологический факультет Брянского государственного педагогического института и психологический факультет Минского государственного педагогического института. Автор более 20 книг. Лауреат Международной литературной премии им. Симеона Полоцкого, Всероссийской литературной Премии им. Ф. И. Тютчева, Национальной литературной премии и др. Награждена медалью Франциска Скорины. Живет в Витебске.

САВЕРЧЕНКО Иван Васильевич. Родился в 1962 г. в д. Малиновка Костюковичского района Могилевской области. Окончил Могилевский педагогический институт и аспирантуру Института литературы Академии наук БССР. Доктор филологических наук, профессор. Автор девяти монографий, свыше 250 научных публикаций по проблемам филологии, истории и философии. Лауреат межгосударственной премии «Звезды Содружества». Живет в Минске.

ВОЛОСЮК Иван Иванович. Родился в 1983 г. в г. Дзержинск Донецкой области (Украина). Окончил русское отделение филологического факультета Донецкого национального университета. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Новая Юность», «Юность», «Литературная учеба», «Новый берег» и др. Участник ряда Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живет в Донецке.

ДЕРИШЕВА Екатерина Сергеевна. Родилась в 1994 г. в г. Мелитополь (Украина). Учится в Харьковском национальном университете им. В. Каразина. Поэт, переводчик. Публиковалась в журналах «Литеrrатура», «Арион», антологии Soloneba и др. Автор сборника стихотворений и переводов «Точка отсчета». Живет в Харькове.

ЖАРИКОВА Ирина Владимировна. Родилась в 1987 г. в Харькове (Украина). Окончила Харьковский национальный университет радиоэлектроники. Кандидат технических наук. Печаталась в украинских и зарубежных литературных журналах, альманахах, коллективных сборниках, автор книги стихотворений «Схемы бездорожья». Дипломант, призер и победитель нескольких литературных конкурсов и фестивалей. Живет в Харькове.

ВУЛРИЧ Корнелл. Родился в 1903 г. в Нью-Йорке (США). Учился в Колумбийском университете, однако образование не закончил. Известный американский писатель, автор восьми романов и множества рассказов в жанрах детектив, триллер, нуар. По его произведениям было снято больше двадцати фильмов и телесериалов. Умер в 1968 году в Нью-Йорке.